This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, иреждe чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заиией, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы ирединяли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 903,702

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES ·

Plekhanov, G. V.

А. ВОЛГИНЪ.

ОБОСНОВАНІЕ НАРОДНИЧЕСТВА

ВЪ ТРУДАХЪ Г-НА ВОРОНЦОВА (В. В.).

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Suum cuique!

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая № 27.
1896.

HX
314
.P73

Exch.
Ex acad of Sci
12-3-74
1084630-223

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.
Предисловіе . . . . V—VI

Отдѣлъ I. Г. Воронцовъ какъ соціологъ и политико-экономъ.

Глава I. Г. Воронцовъ какъ соціологъ . . . . 1—24
Глава II. Г. Воронцовъ какъ политико-экономъ . . . . 25—77

Отдѣлъ II. Г. Воронцовъ какъ теоретикъ народничества.

Вступленіе 81
Глава I. Община . . . . 82—175
Глава II. Кустарная промышленность . . . . 176—249
Глава III. Самодѣятельность населенія какъ рычагъ общественной эволюціи . . . . 250—283

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ засѣданіи 3-го отдѣленія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества 19 декабря 1893 года, во время преній, вызванныхъ докладомъ г. Сазонова: «*Быть или не быть общинѣ?*», г. Исаевъ отнесъ г. Воронцова къ числу «авторитетныхъ руководителей» въ вопросѣ объ общинномъ землевладѣніи. Почтенный профессоръ, если мы не ошиблись, совершенно серьезно высказалъ это мнѣніе, которое раздѣляется, впрочемъ, довольно значительной частью русской читающей публики. Въ наше скептическое время къ «авторитетнымъ» писателямъ относятся строже, чѣмъ къ неавторитетнымъ. Не станемъ разбирать—хорошо это или дурно. Скажемъ только, что къ мнѣніямъ «авторитетныхъ руководителей» надо относиться во всякомъ случаѣ очень внимательно. Мы именно такъ и отнесемся къ мнѣніямъ г. Воронцова.

Наша работа естественно распадается на двѣ части: въ первой мы изучаемъ г. Воронцова, какъ соціолога и политико-эконома; во второй—какъ теоретика народничества.

Мѣстами намъ приходилось на время позабывать о г. Воронцовѣ и разсматривать взгляды другихъ изслѣдователей русской жизни. Съ *формальной* стороны такія отступленія, можетъ быть, неумѣстны; но въ значительной степени они вызывались самимъ *содержаніемъ* нашей работы.

Только что вышедшая ноябрьская книжка «Новаго Слова» показала намъ, что намъ слѣдовало бы прибавить къ первому отдѣлу новую главу: *Г. Воронцовъ какъ философъ и критикъ Гегеля.* Но для этого у насъ нѣтъ ни времени, ни возможности. Мы похожи на г. Воронцова въ томъ отношеніи, что никогда не читали Гегеля, а отличаемся отъ него тѣмъ, что не рѣшаемся судить о неизвѣстныхъ намъ предметахъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Г. ВОРОНЦОВЪ КАКЪ СОЦІОЛОГЪ И КАКЪ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Г. Воронцовъ какъ соціологъ [1]).

Въ 1893 году г. Воронцовъ издалъ книгу подъ названіемъ «Наши направленія». Читающая публика равнодушно встрѣтила это новое произведеніе нашего «авторитетнаго» писателя; едва ли многіе прочитали его до конца. Это напрасно. Кто хочетъ понять г. Воронцова, кто хочетъ найти ключъ къ его литературной дѣятельности, тотъ долженъ внимательно изучить «Наши направленія». Съ своей стороны, мы сдѣлаемъ нѣкоторые комментаріи, которые, думается намъ, значительно облегчатъ дѣло изученія этого замѣчательнаго труда.

Книга состоитъ изъ крошечнаго предисловія, небольшого вступленія и четырехъ очень обширныхъ главъ. Предисловіе не интересно; но и вступленіе, и слѣдующія за нимъ главы такъ глубоко поучительны, что намъ, по настоящему, слѣдовало бы написать по цѣлому комментарію къ каждому изъ этихъ отдѣловъ, но это невозможно: въ такомъ случаѣ нашъ собственный трудъ переросъ бы назначенныя ему границы.

Мы съ сожалѣніемъ видимъ себя вынужденными ограничиться изложеніемъ и истолкованіемъ важнѣйшихъ соціологическихъ взглядовъ г. Воронцова, какъ они выразились въ разныхъ мѣстахъ книги «Наши направленія».

---

[1]) «Анонимъ В. В., какъ извѣстно, раскрытъ присужденіемъ автору изслѣдованія объ общинѣ въ «*Итогахъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики*» — г. Воронцову, половины преміи Ю. Ѳ. Самарина». А. И. Скворцовъ: *Экономическіе этюды*, I, стр. 130.

Всякому, кто хочетъ заниматься соціологіей, надо прежде всего дать себѣ ясный отвѣтъ на вопросъ о томъ, гдѣ лежитъ та основная причина, отъ которой зависитъ въ послѣднемъ счетѣ вся совокупность общественныхъ явленій. Конечно, еслибъ соціологія была хоть сколько нибудь установившейся наукой, то надъ этимъ вопросомъ нечего было-бъ и задумываться, такъ какъ онъ былъ бы уже рѣшеннымъ вопросомъ. Но соціологія еще такъ мало установилась, что въ ней и до сихъ поръ спорятъ о томъ, гдѣ надо искать субстрата общественныхъ явленій. Это очень печально, но дѣлать нечего, приходится утѣшаться тѣмъ соображеніемъ, что и другія науки не сразу попали на твердую почву, да внимательнѣе вдумываться въ мысли тѣхъ выдающихся людей, которые стараются установить основныя начала («first principles») соціологіи. Съ однимъ изъ такихъ людей мы имѣемъ теперь дѣло. Что узнаемъ мы отъ него по этой части?

Уже въ самомъ началѣ первой главы онъ говоритъ, что соціальныя отношенія представляютъ собою «производное духовнаго міра человѣка». Нѣсколькими страницами далѣе онъ опять рѣшительно заявляетъ, что «задачей соціальной науки должно быть объясненіе происхожденія сложныхъ общественныхъ отношеній изъ болѣе простыхъ психологическихъ, подобно тому какъ физіологія ставитъ себѣ задачей сведеніе сложныхъ явленій жизни животнаго на болѣе простые физико-химическіе процессы, свойственные составнымъ частямъ его тѣла» [1]). Наконецъ, та же самая мысль часто повторяется во многихъ другихъ мѣстахъ его книги.

Это не новая мысль.

Ея держались еще французскіе просвѣтители 18-го вѣка; ея держались Сенъ-Симонъ, Контъ, Тэнъ; ея держится авторъ недавно изданной на русскомъ языкѣ книги «Соціологическія основы исторіи»; ея же держалось и держится по истинѣ безчисленное множество философовъ, историковъ и соціологовъ. Но давно и справедливо было замѣчено, что недостаточно высказать какую нибудь серьезную мысль, а надо умѣть обосновать и стройно развить ее. Этому требованію далеко не вполнѣ удовлетворяютъ писатели, высказавшіе ранѣе г. Воронцова ту мысль, что ключа къ пониманію общественныхъ явленій надо искать въ *психологіи*. Спрашивается, на сколько нашъ авторъ оказался логичнѣе своихъ предшественниковъ?

---

[1]) «Наши направленія» стр. 13.

На страницѣ 138 и слѣдующихъ онъ ополчается противъ того воззрѣнія, «въ каковомъ (г. Воронцовъ хочетъ сказать: согласно которому) историческій процессъ, вмѣсто производнаго человѣка, обращается въ силу производящую, а человѣкъ въ его послушное орудіе». Г. Воронцовъ «отвергаетъ эту концепцію». Ясно, стало быть, что, по его мнѣнію, историческій процессъ есть «производное человѣка», т. е. результатъ тѣхъ человѣческихъ чувствъ, взглядовъ и настроеній, изученіе которыхъ должно составить предметъ психологіи. Можно согласиться съ этимъ положеніемъ, можно оспаривать его, но нельзя не признать, что, выставляя его, г. Воронцовъ остается вполнѣ вѣренъ своему коренному взгляду на психологическую основу соціологіи. Нельзя не отдать должнаго послѣдовательности г. Воронцова. Жаль только, что она покидаетъ его слишкомъ скоро.

На той же самой страницѣ онъ заявляетъ, что «формы быта являются результатомъ идей и чувствъ участвующихъ въ ихъ созданіи людей, почему духовныя силы человѣка — какъ полученныя имъ отъ природы, такъ и развитыя предшествующей исторіей—а также степень активности участія въ процессѣ эволюціи различныхъ классовъ населенія, представляющихъ неоднородные психическіе типы, суть историческіе факторы первостепеннаго значенія». Какъ ни плохо выражена здѣсь мысль г. Воронцова, но при извѣстномъ вниманіи понять ее все-таки можно. Она сводится къ тому, что человѣкъ получаетъ свои духовныя силы частью отъ природы, а частью отъ исторіи. Но если это такъ, то выходитъ, что силы эти являются, по крайней мѣрѣ отчасти, результатомъ «историческаго процесса», составляютъ его «производное». А такъ какъ «историческій процессъ» есть, какъ мы уже знаемъ, «производное человѣка», и именно его «духовныхъ силъ», то, въ качествѣ «производной», у насъ получается «исторіософія», по своей логичности сильно напоминающая знаменитое міросозерцаніе, согласно которому земля стоитъ на китахъ, а киты на водѣ, а вода на землѣ. Какимъ образомъ историческій процессъ вліяетъ на духовныя силы человѣка, т. е. на его чувства и идеи? Ясно, что посредствомъ тѣхъ «формъ быта», которыя, измѣняясь болѣе или менѣе быстро и болѣе или менѣе глубоко въ историческомъ движеніи человѣчества, создаютъ условія болѣе или менѣе благопріятныя для развитія названныхъ силъ. Но вѣдь это значитъ, что идеи и чувства человѣка являются результатомъ «формъ быта», это значитъ, что не соціологія должна опираться на психологію, а наоборотъ, психологія, по крайней мѣрѣ *общественная* психологія, психологія, имѣющая дѣло съ идеями и чувствами людей, составляющихъ данное общество, должна апеллировать къ *соціологіи*. Далѣе. «Различные классы населенія представляютъ неоднородные психическіе типы». Это неоспоримо; это извѣстно всѣмъ и каждому. Но чѣмъ же вызывается «неоднородность» этихъ типовъ? Гдѣ надо искать разгадки этого явленія: въ соціологіи или въ психологіи? Отчего крупный землевладѣлецъ-аристократъ не похожъ, по своимъ чувствамъ и идеямъ, на городского пролетарія? Не потому ли, что его чувства и идеи складываются подъ вліяніемъ «формъ быта», очень мало похожихъ на тѣ, подъ дѣйствіемъ которыхъ образуется духовный міръ пролетарія? Если да, то какъ же можно говорить, что «формы быта являются результатомъ идей и чувствъ участвующихъ въ ихъ созданіи людей»? Что за путаница понятій. И какая удивительная неясность мысли!

Замѣтьте, что мы вовсе не отрицаемъ роли идей и чувствъ въ происхожденіи формъ быта. Мы готовы допустить, что роль эта очень велика. Но мы хотимъ послѣдовательности, мы требуемъ, чтобы человѣкъ, взявшійся толковать объ отношеніи соціологіи къ психологіи, сказалъ намъ нѣчто опредѣленное по этому вопросу и не путался въ противорѣчіяхъ, не опровергалъ своихъ собственныхъ основныхъ положеній. Мы хотимъ знать, что думаетъ объ этомъ предметѣ г. Воронцовъ, а г. Воронцовъ пишетъ такъ, какъ будто онъ ничего не думаетъ, а просто водитъ перомъ по бумагѣ.

Извѣстно, однако, что и на солнцѣ есть пятна. У самыхъ замѣчательныхъ писателей могутъ найтись неудачныя, сбивчиво написанныя страницы. Чтобы критиковать мыслителя, надо имѣть въ виду всю совокупность его взглядовъ, а не отдѣльныя слабыя мѣста его произведеній. Можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ книги г. Воронцова очень хорошо разрѣшается удивительное противорѣчіе, такъ страшно обезображивающее 138 страницу «Нашихъ направленій»?

Поищемъ этихъ желанныхъ другихъ мѣстъ.

«Въ жизни каждаго общества—читаемъ мы на 15 страницѣ—и въ процессѣ его эволюціи слѣдуетъ различать двѣ стороны: 1) органическую, стихійную или безсознательную и 2) телеологическую, сознательно-цѣлесообразную. Подъ первой нужно разумѣть рядъ явленій, служащихъ (sic!) результатомъ разрозненныхъ, несогласованныхъ намѣренно преслѣдованій (!!) отдѣльными членами ихъ частныхъ интересовъ. Подъ второй слѣдуетъ понимать факты, вытекающіе изъ дѣятельности организованныхъ группъ, ставящихъ себѣ извѣстныя соціальныя задачи».

Какъ видите, здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ *first principles* г. Воронцова. Вдумаемся же въ нихъ хорошенько, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не высказать неосновательнаго сужденія объ этихъ «основныхъ началахъ».

Г. Воронцовъ очень любезно приходитъ къ намъ на помощь со слѣдующими поясненіями.

«Читатель видитъ, что въ сдѣланномъ раздѣленіи явленій общественной жизни на сознательныя и безсознательныя, мы и прилагали терминъ «сознательный» въ условномъ смыслѣ. Собственно говоря, нѣтъ ни одного общественнаго отношенія, въ которомъ не участвовало бы сознаніе, такъ какъ эти отношенія обнимаютъ людей въ бодрствующемъ состояніи, а въ этомъ состояніи человѣку присуще сознаніе. Такимъ образомъ, любое общественное явленіе слагается изъ ряда сознательныхъ дѣятельностей участвующихъ въ немъ лицъ. Но находимое нами здѣсь сознаніе не обнимаетъ разсматриваемое общественное явленіе, какъ таковое; оно относится не къ совокупности актовъ, составляющихъ явленіе, а къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Общее же, явившееся результатомъ единичныхъ сознательныхъ актовъ, есть уже явленіе, для сознанія совершенно новое, раньше имъ не предусматривавшееся и обыкновенно простому сознанію даже не извѣстное. Оно явилось такъ же органически изъ столкновенія отдѣльныхъ созна-

Прежде онъ вывозилъ на рынокъ только то, что оказывалось лишнимъ въ его хозяйствѣ, и огромнѣйшее большинство своихъ потребностей удовлетворялъ продуктами своего собственнаго труда. А теперь, подъ вліяніемъ экономическихъ отношеній, сложившихся независимо отъ его сознанія и воли, онъ будетъ производить только какой нибудь одинъ родъ продуктовъ, скажемъ зерновой хлѣбъ или овощи, и покрывать свои разнообразныя нужды деньгами, вырученными отъ продажи этихъ продуктовъ. Такой коренной переворотъ въ его хозяйственной дѣятельности измѣнитъ можетъ быть его экономическое положеніе въ хорошую сторону, а можетъ быть и въ дурную. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ эта перемѣна произойдетъ независимо отъ его сознанія: онъ и замѣтитъ-то ее лишь тогда, когда она уже совершится. Но этого мало. Положимъ, что нашъ крестьянинъ *разбогатѣлъ* вслѣдствіе развитія товарнаго производства, что у него завелись теперь лишнія деньжонки, которыя онъ, вѣрный духу новаго времени, не прячетъ въ кубышку и не зарываетъ въ землю, а пускаетъ въ оборотъ. Онъ арендуетъ крупный участокъ земли у сосѣдняго помѣщика и нанимаетъ «работниковъ» для его воздѣлыванія. Онъ становится покупщикомъ чужой рабочей силы, предпринимателемъ, капиталистомъ. Это новое для него общественное положеніе вызываетъ соотвѣтственныя измѣненія въ его чувствахъ и идеяхъ, короче, въ его духовныхъ силахъ: вѣдь самъ г. Воронцовъ признаетъ, что различные классы населенія представляютъ *«неоднородные психическіе типы»*. У насъ является такимъ образомъ новый «психическій типъ», является,—просимъ не забывать этого,—подъ вліяніемъ общественныхъ отношеній, возникшихъ независимо отъ сознанія отдѣльныхъ лицъ. Этотъ новый «психическій типъ» будетъ, разумѣется, въ свою очередь, совершать извѣстныя сознательныя дѣйствія. Дѣйствія эти будутъ имѣть извѣстный, болѣе или менѣе симпатичный характеръ. Чѣмъ опредѣляется этотъ характеръ? Сказать, что онъ опредѣляется идеями и чувствами нашего крестьянина-предпринимателя, значитъ не сказать ровно ничего: вѣдь вопросъ въ томъ и заключается, отчего предприниматели имѣютъ именно такія, а не другія чувства и идеи. Ну, а на этотъ вопросъ отвѣтить, кажется, не трудно:

если бы не было предпринимателей, то не было бы и предпринимательской дѣятельности, не было бы и предпринимательскаго міросозерцанія. А это значитъ, что дѣятельность и взгляды предпринимателей обусловливаются *общественнымъ положеніемъ этого класса*. Но мы уже знаемъ, что общественное положеніе нашего крестьянина явилось какъ результатъ переворота въ общественномъ хозяйствѣ, совершившагося *независимо отъ человѣческаго сознанія*. Выходитъ, стало быть, что новая дѣятельность нашего крестьянина вызвана независѣвшими отъ него измѣненіями въ общественныхъ отношеніяхъ; что *сознаніе* лишь отражаетъ и выражаетъ собою дѣйствіе какой-то силы, находящейся внѣ его. Это совершенно неоспоримый выводъ; его не станетъ оспаривать и г. Воронцовъ, категорически заявляющій, что «безсознательность процесса происхожденія соціальной культуры человѣка—почти общепринятое положеніе въ наукѣ» [1]). Слѣдовательно, чтобы понять, гдѣ лежитъ причина общественной эволюціи, т. е. между прочимъ и тѣхъ перемѣнъ, которыя совершаются въ различныхъ «психическихъ типахъ», надо только понять, въ чемъ заключается та, *лежащая внѣ человѣческаго сознанія*, сила, подъ вліяніемъ которой видоизмѣняется и направляется въ различныя стороны сознательная дѣятельность людей. Разумѣется, называя эту силу «*Безсознательнымъ*» или «*Духомъ всемірной исторіи*», и объясняя ея дѣйствіе свойствами этихъ таинственныхъ незнакомцевъ, мы не дѣлаемъ ровно ничего для ея *научнаго пониманія* [2]). Но намъ совсѣмъ и не нужна гипотеза таинственныхъ незнакомцевъ. Гг. Карѣевъ и Воронцовъ—по всей вѣроятности «*безсознательно*»—сами хорошо выяснили намъ, въ чемъ состоитъ интересующая насъ сила, и сами прекрасно показали, что въ этой силѣ нѣтъ ничего таинственнаго. Изъ приведеннаго ими примѣра ясно видно, что сила эта есть не что иное, какъ сила *экономическихъ отношеній*. Значитъ, не о чемъ и толковать: «органическая, стихійная или безсознательная» эволюція общества совершается подъ вліяніемъ измѣненій, происходящихъ — независимо отъ сознанія и воли людей—въ области общественной экономіи. Это единственный выводъ, вытекающій изъ приводимаго гг. Карѣевымъ и Воронцовымъ примѣра. Умозаключать же изъ него, что разгадки общественной эволюціи надо искать въ *психологіи,* можно будетъ только тогда, когда изъ дважды двухъ станетъ получаться стеариновая свѣчка.

---

[1]) «Наши направленія» стр. 11.

[2]) Замѣтимъ, впрочемъ, что и Гегель и Гартманъ имѣли далеко не такіе взгляды на этотъ предметъ, какіе имъ приписываетъ г. Воронцовъ вслѣдъ за г. Карѣевымъ. Но у насъ нѣтъ теперь ни возможности, ни охоты спорить съ г. Карѣевымъ объ исторіи философіи.

Но вѣдь можно привести и другой примѣръ. Можно указать на зависимость общественной экономіи, скажемъ, отъ такихъ явленій какъ войны и вообще международныя политическія отношенія. Такъ, извѣстно, что прекращеніе наполеоновскихъ войнъ вызвало въ Англіи *промышленный кризисъ.* Англійскіе государственные дѣятели, подписавшіе миръ, разумѣется, не хотѣли кризиса, и, вѣроятно, не ожидали его. Онъ явился независимо отъ ихъ воли и сознанія. Промышленный кризисъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу явленій экономическаго порядка. Но вызванъ онъ заключеніемъ мира, т. е. причиной вовсе не экономической. Если бы англичане были болѣе воинственны, то они и послѣ паденія Наполеона продолжали бы войну съ Франціей, на защиту которой выступили бы, вѣроятно, нѣкоторые изъ бывшихъ союзниковъ Англіи. Произошелъ бы новый рядъ международныхъ столкновеній, которыя оказали бы *иное* дѣйствіе на экономію различныхъ европейскихъ странъ. Этотъ примѣръ какъ будто показываетъ, что общественно-экономическія отношенія зависятъ именно отъ идей и чувствъ общественныхъ дѣятелей, хотя сами дѣятели не предвидятъ всѣхъ послѣдствій своихъ поступковъ и, слѣдовательно, вліяютъ на ходъ общественнаго развитія частью *сознательно,* а частью *безсознательно.*

Многіе найдутъ этотъ примѣръ до послѣдней степени убѣдительнымъ. Вѣроятно, его признаетъ такимъ и самъ г. Воронцовъ. До другихъ намъ здѣсь нѣтъ дѣла, а что касается до г. Воронцова, то мы попросимъ его вспомнить сказанное имъ о различіи «психическихъ типовъ» различныхъ общественныхъ классовъ.

Во время наполеоновскихъ войнъ политическая судьба Англіи находилась почти цѣликомъ въ рукахъ поземельной аристократіи.

Если тогдашняя международная политика этой страны принимала именно то, а не другое направленіе, то это зависѣло отъ идей и чувствъ англійской поземельной аристократіи. Но отъ чего зависѣли идеи и чувства этой послѣдней? Отъ чего вообще зависитъ психологія различныхъ классовъ? Мы сказали выше, что, по нашему мнѣнію, она опредѣляется ихъ экономическимъ положеніемъ. Согласенъ или не согласенъ съ нами г. Воронцовъ? поищемъ отвѣта въ «Нашихъ направленіяхъ».

На стр. 187—188 мы читаемъ: «Надеждинъ является представителемъ того момента въ исторіи воззрѣній русской интеллигенціи на идею «народности», какъ основу культурнаго развитія страны, когда интимными основами самобытнаго характера культуры признавались только психическія черты, свойственныя народу, какъ извѣстному физіологическому типу..... Въ этомъ воззрѣніи игнорируется соціально-политическая обстановка развитія въ прошломъ и настоящемъ, не какъ внѣшняя среда, а какъ условіе, дающее происхожденіе тому или другому психическому содержанію лицъ одной и той же страны, но находящихся на различныхъ ступеняхъ сословной лѣстницы,—содержанію, опредѣляющему степень самостоятельности и характеръ доступной различнымъ классамъ культуры».

Если Надеждинъ ошибается, игнорируя вліяніе общественнаго положенія даннаго класса на его психологію, то г. Воронцовъ, который, надо надѣяться, хочетъ избѣжать ошибки Надеждина, не станетъ игнорировать тотъ фактъ, что «психическое содержаніе» лицъ различныхъ классовъ опредѣляется положеніемъ этихъ классовъ на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Онъ и дѣйствительно не игнорируетъ этого факта. Такъ, напримѣръ, на стр. 65 онъ говоритъ, что корней данной общественной идеи надо искать въ «*тѣхъ или другихъ соціальныхъ отношеніяхъ*» (курсивъ нашъ). Нѣсколькими строками ниже онъ съ сожалѣніемъ констатируетъ отсутствіе у насъ основательной исторіи нашего общественнаго развитія и указываетъ причину этого пробѣла, между прочимъ, «въ общемъ неразвитіи ученія о зависимости идей, циркулирующихъ въ обществѣ, отъ соціально-бытоваго его строя». Ясно, что какъ ни мало развито ученіе объ этой зависимости, но нашъ авторъ о ней не забываетъ. А разъ это такъ, то онъ станетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, если вздумаетъ оспаривать, что психологія даннаго класса опредѣляется его общественнымъ положеніемъ или, другими словами, экономической структурой общества. Если же, во избѣжаніе печальнаго *разногласія съ самимъ собою*, онъ *согласится съ нами*, то тѣмъ самымъ вынужденъ будетъ признать, что факты, подобные англійскому промышленному кризису 1815 г., нисколько не опровергаютъ насъ: пусть подобные факты вызываются чувствами и идеями того или иного класса; такъ какъ идеи и чувства общественныхъ классовъ обусловливаются экономіей, то несомнѣнно, что въ послѣднемъ счетѣ и эти факты порождаются экономіей. Мы уже не говоримъ о томъ, что такія явленія, какъ кризисы, *предполагаютъ извѣстный, совершенно опредѣленный способъ производства.*

Итакъ, если мы не ошибаемся, г. Воронцовъ хотѣлъ пѣть за здравіе психологіи, а пропѣлъ въ нѣкоторомъ родѣ за ея упокой: онъ хотѣлъ показать намъ, что соціальныя явленія объясняются явленіями психическими, а между тѣмъ—и очевидно независимо отъ своего «сознанія»—убѣдилъ насъ въ томъ, что психологія общества коренится въ его экономіи. Г. Воронцовъ чрезвычайно искусный діалектикъ!

Но мы знаемъ, что «въ жизни каждаго общества и въ процессѣ его эволюціи слѣдуетъ различать двѣ стороны». Мы ознакомились со взглядомъ г. Воронцова на «органическую, стихійную, безсознательную» сторону. Что скажетъ онъ о «телеологической, сознательно-цѣлесообразной»?

Въ первой главѣ г. Воронцовъ пускается въ длинныя разсужденія объ исторіи западно-европейской общественной мысли. Въ этихъ разсужденіяхъ много запутаннаго и противорѣчиваго. Не мало тамъ и прямо ошибочнаго. Но для насъ они непосредственнаго интереса не представляютъ. Намъ важны лишь «заключенія», къ которымъ приходитъ нашъ авторъ. Мы приводимъ ихъ цѣликомъ, прося извиненія за слишкомъ, можетъ быть, длинную выписку.

«Имѣя въ виду дѣтское состояніе соціологіи, какъ науки, нужно быть очень осторожнымъ въ томъ, что касается признанія нашихъ соціологическихъ обобщеній за непреложные законы общественныхъ отношеній. Нужно помнить, что главнѣйшимъ соціальнымъ агентомъ является самъ человѣкъ съ его потребностями, страстями и сознаніемъ и что главнѣйшая функція интеллигенціи заключается въ усиленіи вліянія на соціальные процессы общественнаго сознанія вообще, сознательнаго воздѣйствія общественныхъ организацій въ частности. Что же касается содержанія сознанія,—таковымъ не могутъ быть объективныя положенія, не мотивированныя субъективными моментами, потому что въ основѣ и представленій человѣка объ обществѣ, и самихъ соціальныхъ явленіяхъ лежатъ потребности, чувства, идеи, т. е. явленія субъективной жизни. Сообразно направленію исторіи, по которому на арену общественно-политическаго вліянія выступали послѣдовательно различные классы, общественное сознаніе оцѣнивало явленія и воздѣйствовало на нихъ по преимуществу въ интересахъ одного класса. «Объективныя» же научныя формулы, насколько онѣ оказывали вліяніе на развитіе общественныхъ отношеній, играли такую роль, благодаря тому, что практическія слѣдствія, изъ нихъ вытекавшія, отвѣчали болѣе или менѣе ясно сознаннымъ потребностямъ вліятельнаго класса... Оцѣнка окружающей жизни совершается съ точки зрѣнія неудовлетворенныхъ потребностей класса, задачи воздѣйствія на нее диктуются прежде всего выяснившимися на этотъ счетъ представленіями класса. Законы же соціальной жизни привлекаются или для оправданія и систематизированія реальныхъ, жизненныхъ потребностей класса, или для того, чтобъ указать, какія практическія мѣры цѣлесообразнѣе всего принять въ видахъ разрѣшенія задачи, продиктованной потребностями реально-существующихъ общественныхъ слоевъ»[1]).

Здѣсь г. Воронцовъ старается пѣть такъ, чтобы вышло вмѣстѣ и за упокой психологіи, и за ея здравіе. «Содержаніе сознанія» опредѣляется интересами людей; «оцѣнка окружающей жизни совершается съ точки зрѣнія неудовлетворенныхъ потребностей класса» и т. д. А чѣмъ порождаются потребности даннаго класса? Г. Воронцовъ самъ видитъ, что психологія не разрѣшитъ этого вопроса, и вотъ онъ дѣлаетъ героическое усиліе для спасенія своего «основного начала». Онъ прикрываетъ прозу потребностей поэзіей «духовныхъ силъ»: «въ основѣ и представленій человѣка объ обществѣ и самихъ соціальныхъ явленіяхъ лежатъ потребности, чувства, идеи, т. е. явленія субъективной жизни» (прекрасный слогъ у г. Воронцова!). Это сводится къ тавтологіи: *въ основѣ представленій лежатъ представленія.* Тавтологія счастливо возвращаетъ насъ къ тихой пристани психологіи. Но мы спрашиваемъ г. Воронцова: откуда берутся общественные классы? отчего потребности даннаго класса остаются иногда неудовлетворенными? и о какихъ это классовыхъ потребностяхъ мы имѣемъ честь бесѣдовать съ нимъ? Вотъ, напримѣръ, нашъ авторъ повторяетъ за г. Карѣевымъ, что французскіе просвѣтители прошлаго вѣка были насквозь пропитаны буржуазнымъ духомъ. Мы еще будемъ имѣть случай поговорить о томъ, въ какой мѣрѣ это справедливо, и какъ надо понимать буржуазный духъ тогдашнихъ французскихъ просвѣтителей. Но теперь мы безъ всякихъ оговорокъ принимаемъ сказанное г. Воронцовымъ и хотимъ знать одно: какого рода были тѣ потребности французской буржуазіи, которыя, къ неудовольствію гг. Карѣева и Воронцова, нашли себѣ выраженіе въ просвѣтительной французской литературѣ? Буржуазія была противъ феодальныхъ повинностей; она имѣла «потребность» устранить ихъ. Что же, эта ея потребность вызывалась «явленіями субъективной жизни», или явленіями какого-нибудь иного порядка? Къ какому порядку явленій относитъ г. Воронцовъ названныя повинности? Французская буржуазія была противъ церковной десятины. Можно-ли назвать церковную десятину явленіемъ «субъективной жизни»? Французская буржуазія, въ огромномъ большинствѣ своихъ представителей, была противъ цеховъ. Чѣмъ же объясняется это: «субъективной жизнью» тогдашнихъ буржуа или какими-нибудь общественными отношеніями? Держаться субъективизма въ данномъ случаѣ могъ-бы только идеалистъ школы Берклея. А такъ какъ г. Воронцовъ, сколько мы знаемъ, къ числу послѣдователей этого философа не принадлежитъ, то онъ вынужденъ будетъ сказать вмѣстѣ съ нами: *потребности всякаго даннаго класса порождаются его общественнымъ положеніемъ*, т. е. тою ролью, которую играетъ онъ въ общественномъ процессѣ производства, и тѣми отношеніями къ другимъ классамъ, которыя ею обусловливаются. А это значитъ, что интересующія насъ потребности коренятся не въ *субъективной жизни* людей, а въ *ихъ общественныхъ отношеніяхъ*. И г. Воронцову тѣмъ легче будетъ понять и признать это, что вѣдь самъ же онъ говоритъ: сознаніе представителей даннаго класса опредѣляется, въ своемъ содержаніи, интересами этого класса. И въ другомъ мѣстѣ: «интеллигенція, какъ принадлежащая къ опредѣленной націи и опредѣленному классу, въ своихъ научныхъ общественныхъ построеніяхъ обыкновенно бываетъ представителемъ не только своего времени или націи, но и опредѣленнаго класса» (стр. 24). Очень возможно, что онъ говоритъ это «*безсознательно*»: безсознательность вообще играла, повидимому, не малую роль въ его литературной «эволюціи». Но надо же когда нибудь научиться понимать свои собственныя слова.

---

[1]) «Наши направленія» стр. 50—51.

Понять ихъ право же очень не трудно. Телеологическая, сознательно-цѣлесообразная сторона общественной эволюціи опредѣляется и объясняется взаимными отношеніями классовъ, послѣдовательно выступающихъ на арену исторіи, вслѣдствіе экономическаго развитія общества. Таковъ прямой, хотя—повторяемъ!—можетъ быть и «безсознательный» смыслъ сказаннаго на этотъ счетъ г. Воронцовымъ.

Очень хорошо! Какъ видимъ, г. Воронцовъ «безсознательно» высказываетъ иногда очень дѣльныя мысли. Но за то тѣмъ комичнѣе становится въ его устахъ проповѣдь *субъективнаго метода въ соціологіи*.

На стр. 37 г. Воронцовъ говоритъ о неспособности человѣческой мысли «подняться выше простого эмпиризма» и объясняетъ эту неспособность недостаточностью матеріала для соціологическихъ построеній. Неспособность эта, по его мнѣнію, совершенно неустранима вслѣдствіе ограниченности поля нашихъ соціологическихъ наблюденій. Затѣмъ онъ прибавляетъ: «И нужно, чтобы человѣкъ убѣдился въ этой ограниченности объективныхъ данныхъ для его построеній, чтобы онъ призналъ преобладаніе въ обращающихся въ обществѣ идеяхъ субъективной основы и согласился съ тѣмъ, что его «научныя» построенія, охватывающія прошедшее, настоящее и будущее, съ объективной стороны составляютъ не болѣе, какъ маленькій камешекъ для возведенія великаго зданія исторіи человѣческой жизни, которое нельзя считать еще и намѣченнымъ; и что главное значеніе этихъ построеній въ настоящее время заключается не въ ихъ объективной будто бы непреложности, которая, повторяемъ, имъ не свойственна, а въ томъ, что этой мнимой «научной» непреложностью они располагаютъ общественное мнѣніе въ пользу притязаній одного класса, укрѣпляютъ его партійную программу, подставляя подъ нея *якобы научную основу* [1])».

«Соціальные законы», «научныя основы» различныхъ программъ, «объективныя данныя», на которыхъ онѣ будто бы построены,—все это совершенные пустяки, все это одна фразеологія, прикрывающая эгоистическія стремленія различныхъ партій: субъективная основа «преобладаетъ» въ идеяхъ, обращающихся въ обществѣ. Пусть будетъ такъ! Но на какомъ основаніи говоритъ все это нашъ авторъ? Имѣетъ-ли онъ для этого достаточныя «объективныя данныя», или онъ просто убаюкиваетъ насъ словами, прикрывающими эгоистическіе интересы какой то его «партіи»? Если онъ никакихъ «объективныхъ данныхъ» для обоснованія своей мысли не имѣетъ и просто старается заговорить намъ зубы,—виноваты, мы употребили очень тривіальное выраженіе, но оно само соскочило съ пера—то мы, поблагодаривъ г. Воронцова за откровенность, немедленно прекращаемъ свое собѣсѣдованіе съ нимъ. Если же онъ станетъ защищать свою мысль и рѣшится доказывать, что она не лишена *«объективнаго» основанія*, то мы очень охотно съ нимъ потолкуемъ.

Предполагаемъ второй случай: г. Воронцовъ, говоря о вліяніи партійныхъ интересовъ на развитіе общественной мысли, руководствуется въ своемъ разсужденіи не капризомъ и не минутнымъ пессимистическимъ настроеніемъ, а объективными данными исторіи. У него — увы, какъ и у всѣхъ насъ! — вообще говоря, мало объективныхъ данныхъ для соціологическихъ построеній; его поле наблюденій очень ограниченно; но все это не помѣшало ему подмѣтить причинную связь нѣкоторыхъ общественныхъ явленій: онъ знаетъ, чѣмъ опредѣляется развитіе соціально-политической мысли въ обществѣ, раздѣленномъ на классы. А разъ онъ знаетъ это, то напрасно онъ скромничаетъ: при всей «недостаточности», «ограниченности» и проч., онъ оказывается обладателемъ чрезвычайно важной соціологической истины, которая можетъ служить весьма серьезной «*научной основой*» для подробнаго изученія различныхъ фазисовъ умственнаго развитія человѣчества. Напрасно также говоритъ г. Воронцовъ, что мы не можемъ знать «соціальныхъ законовъ». И какъ странно доказываетъ онъ это: вѣдь *его доказательство само опирается на законъ развитія общественной* мысли. Далѣе. Можно ли сказать, что соціально-политическія стремленія всякаго даннаго класса обыкновенно бываютъ лишены объективнаго основанія, что въ идеяхъ этого класса «преобладаютъ субъективныя основы»? Мы уже видѣли, что нѣтъ. Мы уже знаемъ, что когда, напримѣръ, французская буржуазія стремилась къ устраненію лежавшихъ на землѣ феодальныхъ повинностей или къ отмѣнѣ церковной десятины, то она слѣдовала въ этомъ случаѣ ясному указанію тяжелаго опыта, а не фантазировала in's Blaue hinein, Феодальныя повинности и церковная десятина—не «субъективныя», а *объективныя* явленія, не «*представленія*», а *институты*. Если бы въ «представленіи» г. Воронцова изъ дважды двухъ не выходила стеариновая свѣчка, то онъ понялъ бы, что, говоря о подчиненіи общественной мысли классовымъ интересамъ, онъ тѣмъ самымъ указываетъ *объективную* основу развитія этой мысли: классовые интересы не выдумываются людьми, а порождаются общественной экономіей, которая въ свою очередь вовсе не есть простое «субъективное представленіе».

---

[1]) Курсивъ нашъ.

«Ученые когда-то доказывали, что возвышеніе заработной платы усиліями рабочихъ невозможно, такъ какъ уровень ея опредѣляется неотвратимыми соціальными законами, —говоритъ г. Воронцовъ—и эти «законы» были отвергнуты лишь вслѣдствіе того, что «невѣжественные» рабочіе игнорировали ихъ и фактически доказали ихъ несостоятельность». [1]) Это справедливо. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что люди не всегда правильно понимаютъ законы тѣхъ общественныхъ явленій, о которыхъ они разсуждаютъ, а иногда городятъ большой вздоръ даже и по вопросу о томъ, что̀ именно надо понимать подъ словами: *законы общественныхъ явленій.* Но кто же этого не знаетъ? И нужно ли вывозить подобные примѣры изъ за моря, когда у насъ подъ руками имѣются сочиненія нашего несравненнаго соотечественника г. Воронцова? «невѣжественные» рабочіе оказались ближе къ истинѣ, чѣмъ ученые буржуазные экономисты. Мы очень рады за «невѣжественныхъ» рабочихъ; но то обстоятельство, что они были ближе къ истинѣ, показываетъ, что была какая то *объективная* истина, хотя рабочіе и не умѣли подойти къ ней научнымъ путемъ. Вѣдь вотъ когда «невѣжественные рабочіе» разбивали машины и старались воспрепятствовать развитію машиннаго производства, то усилія ихъ не привели ни къ чему по той простой причинѣ, что они шли въ разрѣзъ съ объективной истиной. У западно-европейскихъ рабочихъ есть теперь далеко не «невѣжественные» представители, которые *сознательно* отстаиваютъ интересы своего класса. Что же, эти ихъ представители не имѣютъ никакихъ «объективныхъ данныхъ» для сужденія о томъ, повредитъ или не повредитъ данная тактика названнымъ интересамъ? Можетъ быть, эти представители и не ищутъ никакихъ *объективныхъ* данныхъ на томъ основаніи, что—какъ увѣряетъ г. Воронцовъ—данныхъ этихъ все равно будетъ мало вслѣдствіе «ограниченности» нашего поля зрѣнія, «недостаточности» матеріала и проч.? Можетъ быть, эти люди просто ведутъ своихъ товарищей на обумъ, разсчитывая на то, что «неудовлетворенныя потребности» сами выведутъ рабочихъ на правильный путь дѣйствій? Какъ бы не такъ! Если бы они поступали такимъ образомъ, то никто за ними и не пошелъ бы, и они перестали бы представлять кого бы ни было.

Между рабочими и управляющимъ бумаго-прядильной фабрики X въ Ланкаширѣ возникаютъ неудовольствія изъ-за платы. Повинуясь своимъ «неудовлетвореннымъ потребностямъ», рабочіе рѣшаются бороться. Каковы должны быть средства борьбы? Нѣкоторые предлагаютъ прекратить на время работу. Другіе говорятъ, что это несвоевременно; по ихъ мнѣнію, прекращеніе работы не сдѣлаетъ управляющаго уступчивѣе въ виду того, что общій застой въ торговлѣ дѣлаетъ производство почти совсѣмъ безвыгоднымъ. Рабочіе не слушаютъ этихъ предостереженій и перестаютъ ходить на фабрику. Но управляющій не уступаетъ: торговый застой дѣйствительно позволяетъ ему не торопиться съ уступками. Рабочіе видятъ себя побѣжденными и сознаютъ, хотя къ сожалѣнію слишкомъ поздно, что правы были люди, предостерегавшіе ихъ. Подобные факты случаются очень не рѣдко и всѣ они показываютъ, что однѣхъ «неудовлетворенныхъ потребностей» еще недостаточно, что всякій классъ, спорящій съ другимъ классомъ, долженъ понимать ту экономическую дѣйствительность, на почвѣ которой ведутся споры; что всякій классъ для сколько нибудь дѣйствительной защиты своихъ интересовъ непремѣнно долженъ критиковать свои собственныя «идеи и представленія» съ точки зрѣнія *объективной экономической дѣйствительности.* При чемъ же тутъ субъективизмъ?

---

[1]) «Наши направленія», стр. 51—52.

Г. Воронцовъ возразитъ намъ, что у него рѣчь идетъ не о тѣхъ научныхъ построеніяхъ, которыя могутъ быть предприняты ради защиты классовыхъ интересовъ. Такія построенія, скажетъ онъ, я считаю совершенно возможными. Невозможными кажутся мнѣ лишь построенія, предписывающія намъ тѣ или другія отношенія независимо... Да пусть г. Воронцовъ говоритъ самъ за себя не въ гипотезѣ, а на самомъ дѣлѣ.

«Объективныя условія не остались безъ вліянія на формулированіе задачъ, подлежащихъ разрѣшенію при помощи сознательнаго воздѣйствія общественныхъ организацій: рабочіе, напримѣръ, не требуютъ въ настоящее время уничтоженія машинъ или немедленнаго переустройства промышленности на совершенно новый ладъ, какъ это нерѣдко имѣло мѣсто въ предшествующей исторіи пролетаріата. Но это произошло путемъ отраженія объективныхъ условій въ сознаніи класса, котораго они касаются, и служитъ лишь свидѣтельствомъ того, что при проектированіи задачъ, подлежащихъ разрѣшенію для удовлетворенія субъективно поставленныхъ требованій рабочаго класса, приходится считаться съ условіями мѣста и времени, а не доказывать, что сами задачи диктуются не потребностями реально существующихъ группъ населенія, а какими то объективными представленіями объ отношеніяхъ, осуществляющихся или подлежащихъ осуществленію въ будущемъ» [1].

Хорошо пишетъ г. Воронцовъ! Выше мы упрекнули его въ томъ, что онъ часто не понимаетъ смысла своихъ собственныхъ словъ. Теперь беремъ свой упрекъ назадъ: подите-ка поймите «научное построеніе», въ родѣ только что цитированнаго. Задачи диктуются потребностями реально существующихъ группъ населенія, а не какими то объективными представленіями объ отношеніяхъ, осуществляющихся или подлежащихъ осуществленію въ будущемъ... Что это за объективныя представленія? Откуда ихъ взялъ г. Воронцовъ? Неужели люди, осмѣивающіе субъективный методъ, закрываютъ глаза на значеніе «реально существующихъ группъ населенія» и ссылаются на какія то «объективныя представленія», которыя, въ противоположность «группамъ населенія», очевидно *не имѣютъ реальнаго существованія*? Еще разъ, что это за... странность?

Чтобы ни говорили тѣ люди, съ которыми споритъ нашъ авторъ, но вздора, подобнаго «объективнымъ представленіямъ», они сказать не могли. Нужно быть г. Воронцовымъ, чтобы придумать такіе пустяки! Вотъ, вы послѣ этого и судите о «построеніяхъ» нашего авторитетнаго изслѣдователя Россіи по даннымъ земской статистики: онъ придумываетъ нѣчто невѣроятное, невозможное, круглый квадратъ, сапоги въ смятку, объявляетъ эту «неудобосказуемую» яичницу главной умственной пищей людей, несогласно съ нимъ мыслящихъ, и пускается въ тяжеловѣсную «прю»! Это до послѣдней степени забавно. Но г. Воронцовъ не только забавенъ; онъ трогаетъ, онъ умиляетъ. Аттакуя свою собственную яичницу, онъ горячо, хотя и неловко, неуклюже, защищаетъ какъ разъ тѣ мысли, которыя высказываются противниками дорогой ему, субъективной соціологіи. Читайте и умиляйтесь:

---

[1] «Наши направленія», стр. 52.

«Изучая систематически соціальныя отношенія, возводя разрозненные факты въ цѣльную систему, интеллигенція дѣлаетъ возможнымъ систематическое, сознательно-цѣлесообразное воздѣйствіе на соціальную жизнь, причемъ, въ зависимости отъ того, интересы какого класса—отживающаго или возникающаго—она выражаетъ, ея вліяніе бываетъ или консервативное, или прогрессивное, т. е. способствующее болѣе быстрому развитію новаго строя; но всегда оно бываетъ въ духѣ какой-либо соціальной группы, активно участвующей въ общественной жизни. Если же нѣкоторыя лица остаются на высотѣ общаго интереса, то, не находя въ окружающей жизни матеріала для построенія практически осуществимыхъ представленій, они создаютъ утопіи» [1]).

Кто это сказалъ, что унтеръ-офицерская жена не могла сама себя высѣчь? Отчего нѣтъ? Если и не могла, то развѣ потому, что не брала уроковъ этого искусства у г. Воронцова...

Не думайте, однако, что г. Воронцовъ занимается главнымъ образомъ войною съ несуществующими «реально» представленіями своихъ противниковъ. У него есть и свои собственныя соціологическія «построенія»! И не думайте также, что эти его положительныя «построенія» хоть въ чемъ нибудь согласны съ его «заключеніями», которыя въ общемъ (если не обращать вниманія на неуклюжесть и неясность ихъ формулировки) совершенно согласны со взглядами людей, имъ оспариваемыхъ. Г. Воронцовъ употребляетъ пріемъ нѣсколько странный и, можетъ быть, мало «авторитетный», но тѣмъ не менѣе чрезвычайно замѣчательный. Именно, онъ сначала высказываетъ нѣкоторыя общія положенія (first principles), которыя гласятъ, что ключа къ пониманію общественныхъ явленій надо искать въ психологіи. Далѣе онъ доказываетъ эти положенія и доказываетъ такъ удачно, что приходитъ къ «заключеніямъ», совершенно ихъ опровергающимъ. Затѣмъ, опровергнувъ самого себя, онъ дѣлаетъ нѣкоторыя *дополненія къ «заключеніямъ»*, въ результатѣ чего «заключенія» въ свою очередь оказываются ниспровергнутыми. Это *отрицаніе отрицанія* благополучно возвращаетъ его къ его основнымъ положеніямъ, которыя и служатъ ему руководящей нитью въ изученіи современной намъ русской экономической лость не составляетъ оригинальнаго изобрѣтенія г. Воронцова. Это просто всероссійско-утопическая варіація на старую славянофильскую тему.

---

[1]) «Наши направленія», стр. 25.

«Народъ сохранилъ въ себѣ запасъ силы непотраченной, уберегъ свои коренныя начала, не поддался никакимъ опаснымъ искушеніямъ и соблазнамъ, не освятилъ добровольнымъ участіемъ и согласіемъ никакого существеннаго нарушенія своего внутренняго строя, не уложился ни въ одну заготовленную форму заграничнаго издѣлія,—и этимъ своимъ безучастіемъ, бездѣйствіемъ, этою *благодѣтельною неподвижностью* (курсивъ нашъ), такъ часто осмѣянною и непонятою, спасъ себя и насъ, и воздѣйствовалъ на оторванныхъ своихъ членовъ»[1].

Удостовѣрившись въ «дѣтскомъ состояніи соціологіи» г. Воронцова, переходимъ къ его *политической экономіи*.

---

[1] Статья изъ газеты *«День»*, помѣченная 14-е октября 1861 г. и перепечатанная въ 2-мъ томѣ *полнаго собранія сочиненій* И. С. Аксакова.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Г. Воронцовъ какъ политико-экономъ.

Экономисты-классики твердо держались того мнѣнія, что капитализмъ представляетъ собою единственный *нормальный* способъ производства, единственный экономическій порядокъ, который способенъ удовлетворить естественнымъ, неискаженнымъ требованіямъ человѣческой природы [1]. Неудивительно, поэтому, что тѣже экономисты считали законы, свойственные этому порядку, *естественными*, *вѣчными* и *непреложными законами общественнаго хозяйства*.

Такъ было въ золотое время буржуазной политической экономіи, въ эпоху ея пышнаго расцвѣта. Теперь это время уже давно прошло. Теперь буржуазная экономія давно уже извѣрилась въ самое себя, и теорія естественныхъ законовъ народнаго хозяйства потеряла почти всякій кредитъ. Теперь надъ ними смѣются даже такіе люди, которые продолжаютъ еще по уши сидѣть въ предразсудкахъ старыхъ экономистовъ.

Г. Воронцовъ тоже не признаетъ вѣчныхъ и непреложныхъ экономическихъ законовъ. На стр. 103 своихъ «*Очерковъ теоретической экономіи*» онъ заявляетъ это ясно и рѣшительно.

---

[1] This division of labour, from which so many advantages are derived is not originally the effect of any human wisdom, which foresees and intends that general opulence to which it gives occasion. It is the necessary, though very slow and gradual, consequence of a certain propensity in human nature which has in view no such extensive utility, the propensity to truck, barter, and exchange one thing for another. Adam Smith, An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations. B. I, ch. II.

«Новѣйшіе представители политической экономіи въ Англіи... признали, — говоритъ онъ тамъ — что созданное ихъ великими соотечественниками стройное зданіе теоретической экономіи воспроизводитъ отношенія только опредѣленнаго экономическаго типа— большихъ промышленныхъ предпріятій (great commerce), господствующаго въ немногихъ, такъ называемыхъ коммерческихъ странахъ, и приложимо къ объясненію явленій въ какой либо отсталой странѣ лишь настолько, насколько послѣдняя измѣняетъ свою организацію соотвѣтственно именно этому типу. Это значитъ, что классическая политическая экономія есть наука не общихъ, а частныхъ экономическихъ законовъ...»

Г. Воронцовъ не безъ ехидства вспоминаетъ о тѣхъ ученыхъ, которые, во имя вѣчныхъ и непреложныхъ законовъ политической экономіи, осуждали нѣкоторыя требованія рабочихъ. Онъ правъ, когда смѣется надъ ними: теперь ихъ аргументація не можетъ не казаться смѣшною.

Но то обстоятельство, что классическая политическая экономія есть наука частныхъ, а не общихъ экономическихъ законовъ, не мѣшаетъ, по мнѣнію г. Воронцова, «существованію въ ней немногихъ, настолько широкихъ обобщеній, что они могутъ считаться имѣющими всеобщее значеніе и въ свое время войдутъ составной частью въ отдѣлъ экономическихъ знаній, который по справедливости будетъ носить названіе общей экономики» [1].

Мы не станемъ спорить съ г. Воронцовымъ на счетъ названія будущаго «отдѣла экономическихъ знаній». Мы только попросимъ читателя принять къ свѣдѣнію, что существуютъ все-таки въ классической экономіи немногія широкія обобщенія, значеніе которыхъ *всеобще*. Это очень хорошо. Но если такіе законы существуютъ, то очевидно, что будущая «*общая экономика*» окажется не чѣмъ инымъ, какъ ученіемъ объ *естественныхъ и непреложныхъ законахъ народнаго хозяйства вообще*, т. е. о тѣхъ самыхъ законахъ, которыхъ искали буржуазные экономисты. Г.

---

[1] Тамъ же, та же страница.

Воронцовъ строгъ, но въ то же время и милостивъ. Онъ сначала прикрикнулъ на буржуазныхъ экономистовъ за ихъ пристрастіе къ «естественнымъ законамъ», а потомъ пошелъ на уступки: ну ужъ такъ, молъ, и быть, пусть будутъ у васъ естественные законы; только помните, пожалуйста, господа, что ихъ немного и притомъ непремѣнно отнесите ихъ въ отдѣлъ общей экономики.

Прекрасно. Давайте же изучать тѣ «немногія обобщенія», которыя по справедливости могутъ носить названіе естественныхъ законовъ народнаго хозяйства и которыя уже сдѣланы экономистами-классиками.

Г. Воронцовъ—сторонникъ «трудовой теоріи цѣнности»; по его мнѣнію, она хороша, между прочимъ, тѣмъ, что «выражаетъ тѣ именно вѣчныя и существенныя отношенія производства, которыми цѣнность образуется, а не путаетъ производство съ распредѣленіемъ, измѣняющимся въ зависимости отъ промышленной организаціи общества» [1]).

Внимательный читатель уже отсюда видитъ, что̀ собственно войдетъ въ тотъ отдѣлъ экономическихъ знаній, который по справедливости назовется общей экономикой. Въ него войдутъ вѣчныя и существенныя отношенія производства, не зависящія отъ промышленной организаціи общества. Какія же это отношенія? Къ сожалѣнію, г. Воронцовъ мало распространяется на ихъ счетъ, но, упоминая о нихъ, онъ цитируетъ Д. С. Милля [2]). Обратимся и мы къ этому экономисту, котораго г. Воронцовъ называетъ любимымъ авторомъ русскаго читателя [3]).

По мнѣнію Д. Ст. Милля законы производства не зависятъ отъ промышленной организаціи общества. Они опредѣляются съ одной стороны свойствами *внѣшней* природы, а съ другой—свойствами внутренней, умственной и физической *природы человѣка*, короче—*коренными качествами матеріи и мысли*. Мы не можемъ измѣнить этихъ качествъ, а потому не отъ нашей воли зависятъ и законы производства. Мы должны подчиниться имъ такъ же, какъ подчиняемся законамъ природы. Не то съ явленіями распредѣленія. Принципы его зависятъ отъ сознанія и воли людей, отъ законовъ и обычаевъ, отъ мнѣній и желаній правящей части общества. Въ нихъ нѣтъ ничего вѣчнаго и неизмѣннаго [1]).

---

[1]) „Очерки теорет. экономіи“, стр. 88.

[2]) «Каковы бы ни были разногласія ученыхъ въ мнѣніяхъ относительно распредѣленія продуктовъ—всѣ признаютъ, что законы производства не зависятъ отъ экономическаго типа общества, что они, по выраженію Милля, «имѣютъ характеръ истинъ, о коихъ говорятъ естественныя науки». Очерки теорет. эконом., стр. 60.

[3]) Тамъ же, стр. 44.

Другими словами, подъ законами и условіями производства Д. Ст. Милль понимаетъ тѣ законы и условія, которыми опредѣляются, въ производительномъ процессѣ, *отношенія человѣка къ природѣ*. Не трудно согласиться съ тѣмъ, что «коренныя качества» матеріи и мысли неизмѣнны и ни въ какомъ случаѣ не зависятъ отъ воли людей. Но неизмѣнность «коренныхъ качествъ» матеріи и мысли еще не обусловливаетъ собою неизмѣнности тѣхъ отношеній, которыя устанавливаются, благодаря производству, между человѣкомъ и природой. Самъ Д. Ст. Милль справедливо замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ своего труда (именно во Введеніи), что условія производства зависятъ, строго говоря, не отъ качествъ матеріи, а отъ того, насколько эти качества извѣстны людямъ даннаго мѣста и времени. Что же касается знаній и ихъ распространенія въ обществѣ, то они, по мнѣнію того же Д. Ст. Милля, «будучи отчасти причинами, являются отчасти слѣдствіями того состоянія, въ которомъ находится производство и распредѣленіе». Выходитъ, что *условія* производства вовсе не такъ неизмѣнны, какъ это казалось тому же Д. Ст. Миллю. Но можетъ быть измѣняются только *условія* производства, законы же его остаются неизмѣнными? Д. Ст. Милль не разграничиваетъ въ этомъ отношеніи условій производства отъ его законовъ; онъ говоритъ: «законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что можно было бы измѣнить». Но мы предположимъ, что онъ плохо выражаетъ свою мысль, что на самомъ дѣлѣ неизмѣнными онъ считалъ только *законы* производства. Возьмемъ великій законъ раздѣленія труда, столь важный не только для политика-эконома, но и для біолога. Этотъ законъ, повидимому, съ полнымъ правомъ можно пріурочить исключительно къ «кореннымъ качествамъ» матеріи и мысли. Но спрашивается, вездѣ ли и всегда ли дѣйствуетъ этотъ законъ. Извѣстно, что на первоначальныхъ ступеняхъ общественнаго развитія раздѣленіе труда существуетъ, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи. Да и въ капиталистическомъ обществѣ «раздѣленіе труда, какъ это извѣстно всѣмъ экономистамъ, ограничивается размѣрами рынка». Часто оно зависитъ отъ характера производительной дѣятельности [1]. То же приходится сказать и о размѣрахъ производства. Большой размѣръ производства, вообще говоря, выгоднѣе малаго. Это, можно сказать, общій и неизмѣнный законъ производства. Но возможность примѣненія крупнаго производства опять *зависитъ прежде всего отъ размѣровъ рынка* [2]. Что же выходитъ? Выходитъ, что даже дѣйствительно неизмѣнные законы производства зависятъ, въ своемъ дѣйствіи, отъ постоянно измѣняющихся общественныхъ отношеній. Разъ существуетъ раздѣленіе труда въ производствѣ продуктовъ,—оно повліяетъ на производство именно такъ, а не иначе. Но самое существованіе его зависитъ не отъ «коренныхъ качествъ» матеріи и мысли, а отъ взаимныхъ отношеній людей въ общественномъ процессѣ производства. Разъ появляется крупное производство рядомъ съ мелкимъ, оно непремѣнно окажется болѣе успѣшнымъ. Но явится оно или нѣтъ, и когда именно явится,—это опять таки опредѣляется не коренными качествами матеріи и мысли, а названными отношеніями людей въ указанномъ процессѣ [3]. Что же касается этихъ отношеній, то самъ Д. Ст. Милль не считалъ ихъ вѣчными и неизмѣнными.

---

[1]) См. первую главу второй книги его «Политической экономіи».

---

[1] Д. Ст. Милль, Е. с. кн. I, гл. VIII, § 6.

[2] Ibidem, кн. I, гл. IX, § 3.

[3] Soweit der Arbeitsprocess nur ein blosser Process zwischen Mensch und Natur ist, bleiben seine einfachen Elemente allen gesellschaftlichen Entwickelungsformen desselben gemein, справедливо говоритъ одинъ извѣстный нѣмецкій экономистъ. Aber jede bestimmte historische Form diesses Processes entwickelt weiter die materiellen Grundlagen und gesellschaftlichen Formen desselben.

Да и много ли этихъ вѣчныхъ законовъ производства, независимыхъ отъ «промышленной организаціи общества»? Отецъ Д. Ст. Милля, Джемсъ Милль, въ своихъ «*Начаткахъ политической экономіи*» посвящаетъ отдѣлу «производство» ровно пять маленькихъ страничекъ [1]). Да и на этихъ страничкахъ Джемсъ Милль, задавшійся цѣлью изслѣдовать, «каковы тѣ законы, которые регулируютъ производство богатствъ», подноситъ намъ такія истины. «Для производства безусловно необходимы двѣ вещи: трудъ и капиталъ», «часто случается, что работники бѣдны, поэтому является раздѣленіе на классы: классъ работниковъ и классъ капиталистовъ» и пр. [2]). Читатель видитъ, что эти, впрочемъ весьма почтенныя, истины не имѣютъ прямого отношенія къ вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ производства.

У Милля-сына отдѣлъ, посвященный производству, несравненно обширнѣе. Но это единственно потому, что этотъ писатель вообще гораздо многословнѣе своего отца. О вѣчныхъ законахъ производства мы узнаемъ отъ него не больше, чѣмъ отъ Джемса Милля, и потому сильно опасаемся, что будущая общая экономика г. Воронцова «по справедливости» будетъ считаться весьма *тощей наукой*.

А что сказать о взглядахъ Д. Ст. Милля на «принципы» распредѣленія? Правила, которыми оно опредѣляется, создаются сознаніемъ и волей людей, «мнѣніями и желаніями правящей части общества». Если понимать эти слова въ ихъ буквальномъ смыслѣ, то получается довольно таки порядочная безсмыслица.

Возьмемъ капиталистическое общество. Правила, которыми опредѣляется распредѣленіе продуктовъ въ этомъ обществѣ, созданы мнѣніями и желаніями господствующей его части, т. е. капиталистовъ. Если это такъ, то выходитъ, что капиталисты господствовали въ западно-европейскомъ обществѣ уже въ то время, когда еще не существовалъ нынѣшій способъ распредѣленія продуктовъ, который явился будто-бы лишь благодаря тому, что они стали господствовать, былъ созданъ ими. Но вѣдь всякій понимаетъ, что въ то время капиталисты не были и не могли быть господствующей частью западно-европейскаго общества. Иначе сказать, по прямому смыслу словъ Д. Ст. Милля выходитъ, что капиталистическій способъ распредѣленія предполагаетъ господство капиталистовъ. Но такъ какъ господство капиталистовъ въ свою очередь предполагаетъ капиталистическое распредѣленіе продуктовъ, то мы попадаемъ въ заколдованный кругъ.

---

[1]) Мы считаемъ по французскому переводу его книги, вышедшему въ Парижѣ въ 1823 году.

[2]) L. c. p. 10.

Кромѣ того, если правила, которыми опредѣляется распредѣленіе, дѣйствительно зависятъ только отъ сознанія и воли людей, то трудно понять, какимъ образомъ изученіе этихъ правилъ можетъ стать задачей политической экономіи. Въ этомъ случаѣ раціональнѣе было бы отнести ихъ въ ту отрасль общественной науки, которая занимается или должна была бы заниматься *исторіей идей*. Если вспомнить къ тому же, что законы производства опредѣляются коренными качествами матеріи и мысли, и что эти коренныя качества тоже не могутъ быть предметомъ политической экономіи, то область этой науки сузится до послѣдней степени: нельзя будетъ и сказать сколько нибудь опредѣленно, чѣмъ же собственно она занимается.

Д. Ст. Милль самъ чувствуетъ это и потому спѣшитъ оговориться. «Мнѣнія и чувства людей, замѣчаетъ онъ, конечно не зависятъ отъ случая, они опредѣляются основными законами человѣческой природы и состояніемъ знаній и опыта въ каждое данное время, нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ людей и общественными учрежденіями. Но законы, опредѣляющіе происхожденіе человѣческихъ мнѣній, не входятъ въ тотъ предметъ, которымъ мы теперь занимаемся: они составляютъ часть общей теоріи человѣческаго прогресса, т. е. области изслѣдованія, гораздо болѣе обширной и трудной, чѣмъ политическая экономія. Мы должны изучать здѣсь не причины, а слѣдствія тѣхъ правилъ, по которымъ можетъ совершаться распредѣленіе...

Люди могутъ управлять своими поступками, но не тѣми послѣдствіями, которыя вытекаютъ изъ этихъ поступковъ для нихъ самихъ, или для ихъ ближнихъ. Общество можетъ подчинить распредѣленіе богатствъ правиламъ, которыя оно считаетъ наилучшими, но только наблюденіе и опытъ ведутъ къ познанію практическихъ результатовъ, вытекающихъ изъ этихъ правилъ» [1]).

Во введеніи дѣлается та же оговорка. «Законы распредѣленія не безусловно изъяты отъ произвола: они отчасти создаются самими людьми, потому что способъ распредѣленія богатствъ въ данномъ обществѣ зависитъ отъ господствующихъ въ немъ учрежденій и обычаевъ. Но если правительства или націи имѣютъ власть опредѣлять, какія должны существовать учрежденія, то они не могутъ произвольно опредѣлять, въ какомъ направленіи будутъ дѣйствовать эти учрежденія».

Другими словами эту мысль можно выразить такъ: быть или не быть, положимъ, капитализму,—это зависитъ отъ сознанія и воли людей, отъ «правительства или націи»; но разъ онъ существуетъ, то люди уже не могутъ избавиться отъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ роковымъ образомъ приводитъ его существованіе. Эти-то неизбѣжныя послѣдствія данной системы учрежденій, эти-то независящія отъ сознанія и воли людей экономическія явленія и составляютъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми основными законами производства, предметъ политической экономіи. Такимъ образомъ, и по Д. Ст. Миллю выходитъ, что *явленія распредѣленія подлежатъ вѣдѣнію науки лишь постольку, поскольку они не зависятъ отъ сознанія и воли людей.*

«Разъ намъ извѣстно, каковы тѣ индивидуумы, между которыми распредѣляются продукты, — говоритъ Милль-отецъ («индивидуумы» являются у него представителями общественныхъ классовъ), намъ остается узнать, какими законами опредѣляется относительная величина тѣхъ частей, на которыя эта масса подраздѣляется» [2]). Послѣ довольно длиннаго обхода Милль-сынъ рѣшаетъ въ отдѣлѣ о распредѣленіи именно эту задачу. Почему же онъ не прямо подошелъ къ ней, а предварительно распространился о зависимости «принциповъ распредѣленія» отъ желаній и мнѣній господствующей части общества?

Тутъ сказался духъ времени. Экономисты-классики считали

---

[1]) Книга II, гл. I, стр. 82.

[2]) L. c. p. 15.

естественными, и въ этомъ смыслѣ независящими отъ воли и сознанія людей, *всѣ* «принципы» капиталистическаго хозяйства. Милль-сынъ сознавалъ, что капиталистическая система сама есть продуктъ длиннаго историческаго движенія и что ошибочно считать ее единственной *«нормальной»* и, такъ сказать, едино-спасающей системой народнаго хозяйства. Поэтому онъ отказался признать «принципы» капиталистическаго распредѣленія естественными и непреложными. Но историческое происхожденіе этихъ «принциповъ» осталось для него темнымъ. Онъ пріурочилъ его къ мнѣніямъ и желаніямъ господствующей части общества, къ сознанію и волѣ людей. Благодаря этому онъ вернулся къ точкѣ зрѣнія французскихъ просвѣтителей 18-го вѣка. «Мнѣнія правятъ міромъ» говорили просвѣтители. Мнѣніями опредѣляются принципы распредѣленія, говоритъ Д. Ст. Милль. Но и эта точка зрѣнія кажется ему уже не вполнѣ удовлетворительной. Мнѣнія «правящія міромъ» не случайны; они имѣютъ свою исторію. Чѣмъ же обусловливается ихъ историческое развитіе? И на этотъ вопросъ Д. Ст. Милль сначала отвѣчаетъ такъ, какъ отвѣчали просвѣтители, когда имъ случалось задуматься надъ нимъ: историческое развитіе мнѣній опредѣляется основными законами человѣческой природы. И опять онъ чувствуетъ неудовлетворенность этого отвѣта; онъ сознаетъ, что если основныя свойства человѣческой природы неизмѣнны, то они не могутъ объяснить тѣхъ перемѣнъ, которыя совершаются во мнѣніяхъ людей. Онъ указываетъ на состояніе знаній и на общественныя учрежденія. Въ концѣ концовъ оказывается, что общественныя учрежденія опредѣляются мнѣніями, а мнѣнія—общественными учрежденіями. Понятно, что во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни научнаго рѣшенія вопроса. Впрочемъ, Д. Ст. Милль едвали и претендовалъ на такое рѣшеніе. Его взглядъ на принципы распредѣленія представляетъ собою скорѣе компромиссъ между старой политико-экономической догматикой, изъ подъ власти которой ему такъ и не удалось выйти, и болѣе или менѣе передовыми стремленіями его времени. Этотъ взглядъ изготовленъ по формулѣ: надо сознаться, хотя нельзя и не признаться.

Въ шестидесятыхъ годахъ даже и очень даровитому русскому отношенія, можно сказать, совершенно непостижимъ, то спрашивается, нѣтъ ли какихъ странностей и въ его ученіи о стоимости [1]).

«Трудовая теорія цѣнности...—не новость въ наукѣ;—говоритъ г. Воронцовъ—она принимается выдающимися экономистами, но до послѣдняго времени не проводилась строго систематически: развивая ее во вступительной, такъ сказать, части ученія о цѣнности, экономисты замѣняли «трудъ» «издержками производства», когда обращались къ приложенію теоріи къ объясненію явленій текущей дѣйствительности. Подъ издержками же производства понимались матеріальныя затраты, сдѣланныя предпринимателемъ-капиталистомъ. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь смѣшеніе частной точки зрѣнія съ общественной, и что трудъ и издержки производства, понимаемыя въ указанномъ смыслѣ, не одно и то же» [2]).

Въ доказательство того, что трудовая теорія цѣнности «*не проводилась строго систематически*» и сводилась къ ученію объ издержкахъ производства, г. Воронцовъ указываетъ опять на Д. Ст. Милля. Д. Ст. Милль дѣйствительно смѣшивалъ «трудъ» съ «издержками производства». Можетъ быть, Д. Ст. Милль и былъ выдающимся экономистомъ. Но то несомнѣнно, что не мало выдающихся экономистовъ было и раньше его. Чрезвычайно выдающимся экономистомъ былъ, напримѣръ, Д. Рикардо, который сдѣлалъ для политической экономіи несравненно больше, чѣмъ Д. Ст. Милль. Смѣшивалъ ли Д. Рикардо «трудъ» съ «издержками производства»? Изъ приведенныхъ нами словъ г. Воронцова, повидимому, слѣдуетъ, что да. На стр. 51 «Очерковъ теоретической экономіи» ученіе Д. Рикардо о стоимости тоже излагается такъ, что можно подумать, будто геніальный англійскій экономистъ грѣшилъ тѣмъ самымъ грѣхомъ, которымъ, «*до послѣдняго времени*» грѣшили, по словамъ г. Воронцова, выдающіеся экономисты. На стр. 89 названныхъ «*очерковъ*» г. Воронцовъ опять повторяетъ, что экономисты-классики отклонились «отъ установленнаго ими трудового начала цѣнности» и создали «теорію издержекъ производства». Слѣдовательно, никакое сомнѣніе невозможно: ясно, что

---

[1]) Г. Воронцовъ употребляетъ выраженіе—цѣнность рядомъ съ выраженіемъ—стоимость. Мы удержимъ это послѣднее, какъ болѣе употребительное.

[2]) Очерки, стр. 73.

Рикардо «отклонился» вмѣстѣ съ другими выдающимися экономистами. А между тѣмъ этого не было. Рикардо вовсе не «отклонялся», чего ему до сихъ поръ не могутъ простить очень многіе, выдающіеся и «невыдающіеся», вульгарные экономисты. Если бы г. Воронцовъ далъ себѣ трудъ внимательно прочитать цитируемое имъ сочиненіе Рикардо («Начала политической экономіи»), то онъ не сказалъ бы того, что говоритъ безъ всякаго основанія и, повидимому, безъ всякой надобности.

Правда, по мнѣнію Рикардо, въ современномъ обществѣ нерѣдки случаи, когда законъ стоимости сталкивается съ закономъ равнаго уровня прибыли, и это столкновеніе разрѣшается въ ущербъ стоимости [1]). Можетъ быть именно потому г. Воронцовъ и отнесъ Рикардо къ числу экономистовъ, смѣшивавшихъ понятіе «трудъ» съ понятіемъ «издержки производства»? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ ниже, и когда мы отвѣтимъ на него, тогда окажется, пожалуй, что г. Воронцовъ имѣлъ свои «субъективныя» основанія для неправильнаго изложенія взгляда Рикардо. Теперь же посмотримъ, въ чемъ состоитъ то строго систематическое проведеніе теоріи трудовой стоимости, на которое претендуетъ авторъ «очерковъ теоретической экономіи».

Что такое стоимость по ученію г. Воронцова?

Стоимость «не составляетъ явленія, свойственнаго одному какому либо экономическому типу цивилизованнаго общества, а присуща послѣднему на всѣхъ ступеняхъ его развитія и служитъ ему для регулированія производства предметовъ потребленія» [2]). Кто пойметъ это, тотъ сдѣлаетъ *«важный шагъ»* въ пониманіи стоимости.

Не сомнѣваясь въ томъ, что читателю пріятно будетъ сдѣлать этотъ важный шагъ въ обществѣ г. Воронцова и подъ его надежнымъ руководствомъ, мы уступаемъ слово нашему авторитетному экономисту.

---

[1]) Principles, chap. I. section IV: «The principle that the quantity of labour bestowed on the production of commodities regulates their relative value, considerably modified by the employment of machinery and other fixed and durable capital».

[2]) Очерки, стр. 60—61.

низма» (ibid.). Выходитъ, что есть такія ступени общественнаго развитія, на которыхъ *понятіе* о цѣнности находится въ зародышевомъ состояніи. Это ли хочетъ сказать г. Воронцовъ? Или мы плохо его понимаемъ? Можетъ быть онъ имѣетъ здѣсь въ виду не *понятіе* о цѣнности, а самый «*феноменъ*» ея? Но вѣдь стоимость («цѣнность»)—«это сумма затратъ производительныхъ силъ, требующихся для доставленія человѣку даннаго предмета». Неужели этотъ «феноменъ» является лишь при болѣе или менѣе сложной организаціи общества; неужели есть такія ступени общественнаго развитія, на которыхъ эта «*сумма*» находится въ зародышевомъ состояніи? Если да,—то какія это ступени? Дикое состояніе? Да развѣ же дикари не тратятъ труда на приготовленіе нужныхъ для нихъ предметовъ, разъ эти предметы не встрѣчаются готовыми въ природѣ? Производительныя силы дикарей *ничтожны*; но *тѣмъ большаго труда* стоятъ имъ эти предметы. Числоэ тихъ предметовъ крайне ограниченно. Но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что ихъ *трудовая стоимость* находится въ зародышевомъ состояніи [1].

«Понятіе цѣнности возникло изъ наблюденія мѣнового хозяйства, что и выражается терминомъ «мѣновая цѣнность». Но изъ этого ни коимъ образомъ не слѣдуетъ заключать, что явленіе, обозначаемое приведеннымъ словомъ, свойственно лишь товарному укладу общества; что внѣ этой организаціи исчезаетъ надобность въ свойствѣ предмета, называемомъ цѣнностью, въ томъ «нѣчто», что составляетъ сущность цѣнности и скрыто подъ денежною ея формою» [2].

---

[1] То правда, что въ обществѣ товаропроизводителей конкуренція вынуждаетъ этихъ послѣднихъ, подъ страхомъ пораженія на рынкѣ, считаться съ трудовою стоимостью своихъ продуктовъ болѣе, чѣмъ считаются съ нею при господствѣ такъ называемаго натуральнаго хозяйства. „In allen Zuständen musste die Arbeitszeit, welche die Production der Lebensmittel kostet, den Menschen interessiren, obgleich nicht gleichmässig auf verschiedenen Entwickelungsstufen». Но отсюдадо „едва-ли“ и до „зародышеваго состоянія“—далеко; намъ сдается, что общество „*едва-ли*“ можетъ когда либо „*обойтись*“ безъ одного изъ тѣхъ „*элементовъ*“, ксторые „*лежатъ въ его основаніи*“. Удивительная логика у г. Воронцова!

[2] Очерки, стр. 58.

Цѣнность, это—сумма затратъ производительныхъ силъ, требующихся для доставленія человѣку даннаго предмета. И эта *сумма затратъ* есть *свойство* предмета, въ которомъ (свойствѣ!) люди имѣютъ *надобность* (!) не только при товарномъ укладѣ общества. Что это? Какъ это?

Г. Воронцовъ, не обращая вниманія на наше недоумѣніе, идетъ далѣе. «Думать такимъ образомъ (т. е. полагать, что внѣ товарнаго производства людямъ уже ненужно указанное *«свойство предмета»*. Авт.)—значитъ смотрѣть слишкомъ узко на роль рынка въ современномъ обществѣ; считать, что его задача—выражать не существенныя экономическія отношенія, присущія обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія, а лишь тѣ, которыя свойственны только товарной его формѣ. Считая мѣну—механическое передвиженіе предметовъ частнаго обладанія изъ однѣхъ рукъ въ другія—единственной функціей рынка, естественно заключить, что и орудіе, при помощи котораго совершается обмѣнъ — цѣна и скрывающаяся за ней цѣнность—имѣютъ смыслъ только пока предметъ является на рынокъ представителемъ отдѣльнаго, самостоятельнаго производителя. Но послѣ того, что мы уже говорили о роли рынка, такое представленіе о немъ невозможно, а потому и цѣнность, черезъ посредство которой совершаются всѣ существеннѣйшія отправленія экономической жизни, отправленія, безъ которыхъ немыслимо существованіе общества, утрачиваетъ элементъ случайности» [1]). Изъ этихъ словъ видно, что, по мнѣнію г. Воронцова, обмѣнъ совершается при помощи особаго *орудія*, которымъ служитъ *«цѣна и скрывающаяся* за нею цѣнность», и что только при узкомъ взглядѣ на роль рынка можно приписывать этому орудію элементъ случайности (?!). Неожиданное превращеніе *«суммы затратъ производительныхъ силъ»* въ *орудіе обмѣна* (Господи, твоя воля!) удивитъ всякаго читателя, непривыкшаго къ нѣсколько темному языку нашего любимаго автора. Намъ кажется, что мы уже научились понимать этотъ языкъ, а потому мы спѣшимъ разъяснить «сущность» мысли г. Воронцова. Прежде всего читатель долженъ припомнить, что, по ученію этого не-классическаго экономиста, стоимость (цѣнность) регулируетъ производство, распредѣляетъ производительныя силы общества такимъ образомъ, чтобы полученные продукты соотвѣтствовали общественнымъ потребностямъ. Въ качествѣ такого регулятора, цѣна и скрывающаяся за нею цѣнность (стоимость) и является, по г. Воронцову, орудіемъ обмѣна. Намъ скажутъ, вѣроятно, что тѣмъ не менѣе это величайшій вздоръ, такъ какъ орудіе обмѣна совсѣмъ не то, что стоимость. Мы спорить и прекословить не будемъ и только попросимъ читателя вдуматься вмѣстѣ съ нами въ распредѣляющую дѣятельность стоимости.

---

[1]) Очерки, стр. 58—59.

«Сумма затратъ производительныхъ силъ» распредѣляетъ производительныя силы общества. Это опять выражено очень нескладно, но это значитъ вотъ что. У даннаго общества существуютъ потребности: потребность въ пищѣ, въ одеждѣ, въ жилищахъ, въ отопленіи жилищъ и т. п. Производство предметовъ, нужныхъ для удовлетворенія этихъ потребностей, предполагаетъ извѣстную затрату труда; величина этой затраты на различныхъ стадіяхъ развитія общественныхъ производительныхъ силъ будетъ различна, но въ каждое данное время ее можно считать опредѣленной: можно сказать, что для производства такихъ то предметовъ, т. е. для удовлетворенія такой то потребности, нужно столько то рабочихъ часовъ, для удовлетворенія другой — вотъ сколько и т. д. Разъ общество нашло, что такія то его потребности должны быть удовлетворены въ такомъ то размѣрѣ, — оно тѣмъ самымъ рѣшило, сколько работниковъ должно взяться за одинъ родъ труда, сколько за другой и т. д. Если производительность труда возрастетъ въ какой нибудь отрасли промышленности, между тѣмъ какъ размѣръ старыхъ общественныхъ потребностей останется неизмѣннымъ, то въ распоряженіи общества окажется свободная рабочая сила, вслѣдствіе чего оно можетъ перейти къ удовлетворенію какой-нибудь новой потребности. Распредѣленіе рабочей силы общества сообразно съ его потребностями вовсе не такая легкая и простая задача, какъ это можетъ, пожалуй, показаться съ перваго раза. Но какъ бы тамъ ни было, задача эта, тѣмъ или инымъ способомъ, рѣшается, и при ея рѣшеніи приходится, разумѣется, прежде всего принимать въ соображеніе *производительность труда въ различныхъ отрасляхъ производства*: каждая ошибка въ этомъ отношеніи приведетъ къ большему или меньшему несоотвѣтствію между общественными потребностями съ одной стороны и количествомъ или качествомъ продукта общественнаго труда — съ другой. Все это ясно какъ солнце и вотъ эту то простую истину г. Воронцовъ преподноситъ намъ, — излагая ее слогомъ Василія Кирилловича Тредьяковскаго — какъ нѣчто позабытое экономистами-классиками, какъ соображеніе, разоблачающее, наконецъ, «вѣчныя и существенныя отношенія производства».

Отношеніе чего къ чему? Отношеніе общественной рабочей силы къ общественнымъ потребностямъ. Но, какъ ни «существенно» это отношеніе, оно не можетъ быть названо вѣчнымъ и неизмѣннымъ, во-первыхъ, по тому, что измѣняется производительность общественнаго труда, а во-вторыхъ, по тому, что общественная потребность, сегодня признаваемая насущною, завтра можетъ перестать признаваться таковою. Возьмемъ примѣръ. Когда египетскій фараонъ Хеопсъ рѣшилъ соорудить свою знаменитую пирамиду, онъ, конечно, долженъ былъ принять (черезъ посредство своихъ чиновниковъ) въ соображеніе то количество труда, которое нужно было для ея постройки, и хоть приблизительно сосчитать число тѣхъ, закрѣпощенныхъ государству, работниковъ, которыхъ онъ могъ привлечь къ этому дѣлу въ такомъ-то году до Р. X.

Онъ, полубогъ и полновластный представитель государства, не могъ отмѣнить дѣйствіе того «вѣчнаго и неизмѣннаго закона», по которому продуктъ можетъ быть произведенъ только тогда, когда находится въ наличности необходимая для него рабочая сила. Но у г. Воронцова рѣчь идетъ о *регулированіи производства*, о соотношеніи между *потребностями* даннаго общества и его *рабочей силой*. Потребность въ постройкѣ пирамиды, которую Хеопсъ призналъ насущной общественной потребностью, очевидно, не была слѣдствіемъ упомянутаго вѣчнаго «закона». Откуда же взялась она? Чтобы эта потребность могла возникнуть и получить признаніе, необходимо было существованіе извѣстныхъ *общественныхъ отношеній*, которыя въ свою очередь вытекали изъ взаимныхъ отношеній производителей въ общественномъ процессѣ производства, изъ того, что г. Воронцовъ называетъ *промышленной организаціей общества.* Тоже приходится сказать и объ *удовлетвореніи* этой потребности. Оно необходимо предполагало не только извѣстную степень развитія общественныхъ производительныхъ силъ, но также и соотвѣтствующія этой степени *общественныя отношенія производителей*, позволившія фараону распоряжаться тѣмъ, что мы назовемъ теперь прибавочнымъ трудомъ этихъ производителей. Значеніе «*промышленной организаціи общества*» сказывается, слѣдовательно, и здѣсь не менѣе сильно. «Регулированіе производства» невозможно иначе какъ при наличности общественныхъ потребностей, «принциповъ распредѣленія», общественныхъ отношеній производителей, «промышленной организаціи общества», (т. е. при наличности *данныхъ* для регулированія), а г. Воронцовъ хочетъ увѣрить насъ, что оно можетъ совершаться независимо отъ этой организаціи и «можетъ быть построено лишь на существеннѣйшихъ производственныхъ отношеніяхъ», т. е. на тѣхъ отношеніяхъ, которыя, какъ мы уже видѣли, г. Воронцовъ называетъ «производственными» лишь по недоразумѣнію.

Если дикарю-охотнику его лукъ стоилъ семи дней, а дюжина стрѣлъ двухъ дней труда, то онъ, разумѣется, не ошибется въ опредѣленіи трудовой стоимости своихъ стрѣлъ и своего лука. Дикарь охотникъ знаетъ не хуже г. Воронцова, что производство всякаго даннаго продукта человѣческаго труда требуетъ затраты извѣстнаго количества этого труда, и что если это количество труда не затрачено, то продукта совсѣмъ не будетъ, или онъ останется «*въ зародышевомъ состояніи*». Это само собою понятно. Но то, что понятно само собою, не дѣлается предметомъ научнаго изслѣдованія до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе расширенія умственнаго кругозора или усложненія явленій, оно не начинаетъ казаться страннымъ и непонятнымъ: удивленіе есть мать философіи, говорилъ Платонъ. Самъ г. Воронцовъ справедливо замѣчаетъ, что «понятіе цѣнности возникло изъ наблюденія мѣнового хозяйства, что и выражается терминомъ мѣновой цѣнности». Вотъ это-то понятіе, возникшее извѣстнымъ образомъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ и приходилось анализировать экономистамъ-классикамъ. Г. Воронцовъ недоволенъ ихъ анализомъ. Чѣмъ замѣняетъ онъ его?

Частью вышеприведенными разсужденіями, которыя, въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ въ «очеркахъ теоретической экономіи», представляютъ собою не болѣе какъ жалкую, безполезную и безнадежную путаницу понятій; частью какимъ то страннымъ выхваленіемъ трудовой «гипотезы», выхваленіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ научнымъ анализомъ и построеннымъ по «формулѣ»: prenez mon ours, c'est le meilleur; и наконецъ, такими доводами, которые опять таки въ томъ видѣ, въ какомъ приводитъ ихъ г. Воронцовъ, совершенно недостаточны и совсѣмъ неудовлетворительны.

«По трудовой теоріи [1]) стоимость даннаго продукта состоитъ изъ труда, овеществленнаго въ матеріалѣ и орудіяхъ производства, и труда, непосредственно приложеннаго, слѣдовательно, изъ двухъ главныхъ частей. По денежной же формулѣ цѣнности, гдѣ трудовые элементы превращены въ матеріальныя затраты, она состоитъ изъ расходовъ на матеріалъ и орудіе + расходъ на заработную плату + прибыль, т. е. изъ 3-хъ частей... И такъ, формула трудовой теоріи цѣнности характеризуется большей простотой, большимъ однообразіемъ состава сравнительно съ формулой теоріи издержекъ производства (содержитъ два члена, вмѣсто трехъ). Уже въ этомъ великое ея преимущество» [2]).

Это восхваленіе: *prenez mon ours...* А вотъ образчикъ доводовъ. «Беря для простоты случай простой организаціи общества—гдѣ производитель одновременно и рабочій, и хозяинъ предпріятія—мы можемъ утверждать, что послѣдній не станетъ трудиться больше, чѣмъ это нужно для удовлетворенія его потребностей и желаній. Энергія его труда будетъ зависѣть оттого, насколько масса получаемыхъ имъ продуктовъ, въ размѣрѣ вышеуказанныхъ потребностей, соотвѣтствуетъ затратамъ его труда и средствъ производства. А объ этомъ соотвѣтствіи онъ судитъ по сравненію своего хозяйства съ окружающими. Если ему приходится работать больше другихъ, а получать столько же; если онъ наблюдаетъ диспропорцію между своимъ доходомъ и затратами — онъ недоволенъ, энергія его труда ослабѣваетъ, онъ станетъ думать о перемѣнѣ занятія. Это значитъ, что для поддержанія энергіи труда въ напряженіи, необходимомъ для правильнаго теченія производства, потребленіе производителя въ настоящемъ должно быть таково же, какъ и въ прошедшемъ, и отношеніе объема этого потребленія къ усиліямъ, затраченнымъ на производство, должно соотвѣтствовать среднему отношенію тѣхъ же величинъ въ данномъ обществѣ. При господствѣ раздѣленія труда все это должно осуществиться путемъ обмѣна, основаннаго на противупоставленіи цѣнностей. Поэтому предметъ является на рынокъ съ цѣнностью, равною всѣмъ тѣмъ затратамъ, какія имѣли мѣсто до момента его окончательнаго образованія» [1]).

---

[1]) Кстати, пора-бы перестать называть *теорію трудовой стоимости трудовою теоріей стоимости.* Это тоже самое, что называть *номера для проѣзжающихъ—проѣзжающими номерами.*

[2]) Очерки, стр. 81.

Съ помощью такой аргументаціи можетъ быть болѣе или менѣе удачно защищаема только та «*трудовая теорія*», которую профессоръ Вернеръ Зомбартъ очень мѣтко называетъ «*субъективной теоріей трудовой стоимости*» (Subjektivistische Arbeitswerththeorie) и которая, по его же справедливому замѣчанію, имѣетъ мало общаго съ современнымъ ученіемъ о трудѣ, какъ источникѣ стоимости [2]). Но съ субъективной аргументаціей въ наукѣ вообще далеко не уѣдешь. Это чувствуетъ самъ г. Воронцовъ.

Предметъ (т. е. товаръ) является на рынокъ со стоимостью равной всѣмъ тѣмъ затратамъ, которыя имѣли мѣсто до его окончательнаго образованія... Ну, а если я «затрачу» на изготовленіе «предмета» больше, чѣмъ нужно? Мнѣ все-таки возвратятъ эти «затраты», потому что въ противномъ случаѣ ослабѣетъ моя энергія и я буду «недоволенъ»? Ce serait trop beau, какъ говорятъ французы.—Конечно, trop beau,—возражаетъ г. Воронцовъ—потому то я и замѣчаю, что отношеніе объема потребленія къ усиліямъ, затраченнымъ на производство, должно соотвѣтствовать *среднему* отношенію тѣхъ же величинъ въ данномъ обществѣ. Если это «среднее отношеніе» имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то оно означаетъ, что стоимость продукта опредѣляется временемъ, *общественно-необходимымъ на его производство*. Это безъ сомнѣнія вѣрно. Но, выдвигая это несомнѣнно вѣрное положеніе, г. Воронцовъ переходитъ уже на *объективную* почву экономической дѣйствительности, при изслѣдованіи которой ему окажутъ очень мало помощи *тѣ психологическія* соображенія, которымъ онъ предается, вѣроятно, чтобы не измѣнить своему *соціологическому* first principle. Энергія производителей «ослабѣетъ»... C'est selon... Вотъ наши кустари и немного выручаютъ за свои продукты, а энергія ихъ труда или, по крайней мѣрѣ, продолжительность ихъ рабочаго дня не уменьшается, а возрастаетъ.—Да, но это потому... Мы знаемъ,—почему; намъ извѣстно, что это зависитъ отъ *объективныхъ* отношеній, которыхъ мы никогда не поймемъ, если останемся на почвѣ *психологическаго анализа*. Производитель станетъ думать о перемѣнѣ занятій... Это другое дѣло; перемѣна занятій, это—уже экономія; но недостаточно *«думать»* о ней, надо имѣть возможность осуществить свой замыселъ. А если этой возможности нѣтъ? Если производитель чѣмъ нибудь привязанъ именно къ этой отрасли промышленности?—Помилуйте, возражаетъ г. Воронцовъ, да вѣдь мы съ вами предполагаемъ общество свободныхъ и независимыхъ товаро-производителей. Очень хорошо! Но разъ мы «предположили» такое общество, то намъ и слѣдуетъ имѣть въ виду *объективную логику* его внутреннихъ отношеній, а не пускаться въ психологическія разсужденія, *которыя*, взятыя сами по себѣ, *ровно ничего не доказываютъ*. Кромѣ того, разъ мы предположимъ общество свободныхъ и независимыхъ товаропроизводителей, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ извѣстную «промышленную организацію общества», а г. Воронцовъ обѣщалъ намъ «строго систематически» развить свое ученіе о стоимости, опираясь на независимые отъ промышленной организаціи общества «вѣчные и существенные» законы производства, которые онъ неправильно назвалъ производственными отношеніями [1]). Какъ видно, не много помогли ему его вѣчные и существенные законы-отношенія!

---

[1]) Очерки, стр. 65—66.

[2]) См. его статью: Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx въ Архивѣ Брауна.

---

[1]) По ученію г. Воронцова даже законъ спроса и предложенія не зависитъ отъ промышленной организаціи общества. «Общественное выраженіе

Откуда взялась у г. Воронцова эта странная склонность апеллировать къ вѣчнымъ производственнымъ отношеніямъ? Это легко понять. Если, какъ думалъ иногда Д. Ст. Милль, основные принципы распредѣленія или, что тоже, отношенія производителей въ общественномъ процессѣ производства или, что тоже, промышленная организація общества зависятъ только отъ воли и сознаніялю дей, то для *экономической* науки остается очень мало мѣста. Мы уже указывали на это выше. Г. Воронцову хочется согласиться съ Д. Ст. Миллемъ: взглядъ англійскаго экономиста, можно сказать, такъ и просится въ субъективную соціологію нашего русскаго писателя. Но въ тоже время этому послѣднему не хочется вырывать почву изъ подъ ногъ той самой науки, къ разработкѣ которой онъ «приложилъ» свою искусную руку. Вотъ онъ и старается найти такія «отношенія», которыя не зависятъ отъ промышленной организаціи общества, обусловливаемой мнѣніями людей: эти будто бы вѣчныя отношенія и должны стать незыблемой основой экономической науки. А такъ какъ, отвлекаясь отъ промышленной организаціи общества — или, что тоже, отъ отношеній производителей въ процессѣ производства, онъ отвлекается отъ условій мѣста и времени, то неудивительно, что искомыя имъ «отношенія» кажутся вѣчными, существенными, неизмѣнными, естественными, словомъ какими хотите, но только *не историческими*. Говоримъ—кажутся, потому что на самомъ дѣлѣ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ *отношеній производства* нѣтъ и быть не можетъ.

Если въ *экономіи* г. Воронцова оказывается бездна самой непозволительной путаницы, то этимъ онъ обязанъ своей *субъективной соціологіи* [1].

совокупности частныхъ интересовъ—законъ спроса и предложенія—составляетъ явленіе, независимое отъ общественныхъ отношеній, образуетъ самостоятельный факторъ въ ряду другихъ общественно-экономическихъ дѣятелей». (Очерки, стр. 15). Съ какихъ это поръ законъ=явленію? Взгляды г. Воронцова, это—постоянное царство хаоса!

[1] Интересно, что, по мнѣнію этого субъективиста, общество есть организмъ (см. „Очерки“, стр. 93). Что думаютъ объ этой ереси другіе субъективисты?

Единственнымъ, не вызывающимъ сомнѣній, результатомъ анализа является у г. Воронцова тотъ выводъ, что «цѣнность образуется не на рынкѣ, а въ процессѣ производства» [1]). Но это давно и хорошо знали экономисты-классики. Пусть припомнитъ г. Воронцовъ, что говорили объ этомъ *физіократы* въ спорѣ съ *меркантилистами.*

Есть въ «Очеркахъ» г. Воронцова мѣсто, которымъ онъ, повидимому, особенно гордится. Въ этомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о томъ, *какъ разрѣшается на практикѣ столкновеніе закона стоимости съ закономъ равнаго уровня прибыли.*

Г. Воронцовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ рекомендуетъ это мѣсто вниманію читателей.

«Отдавая свой трудъ на благосклонный судъ читателя, мы считаемъ не лишнимъ, въ виду имѣющейся на стр. 90 настоящаго изданія ссылки на приготовляемую къ печати III книгу сочиненія Маркса «Капиталъ»—разъяснить, что въ настоящее время эта книга уже вышла въ свѣтъ и потому читатель имѣетъ возможность убѣдиться въ томъ, насколько наша попытка примиренія трудовой теоріи цѣнности съ закономъ равенства нормы прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ или, иначе говоря, указанный нами путь превращенія производственной цѣнности въ рыночную (стр. 92—93), по основной его мысли, близокъ къ тому рѣшенію вопроса, какое дается Марксомъ. Убѣдившись вмѣстѣ съ тѣмъ въ простотѣ и, такъ сказать, элементарности этого рѣшенія, читатель, надѣюсь, согласится и съ высказанной на стр. 208—9 нашей книги мыслью о безплодности поклоненія, воздаваемаго этому замѣчательному мыслителю его многочисленными и горячими послѣдователями» [2]).

Въ чемъ же состоитъ предложенное г. Воронцовымъ простое и элементарное рѣшеніе?

Оно сводится вотъ къ чему.

«Въ современномъ обществѣ капиталистъ участвуетъ въ предпріятіи изъ-за прибыли, изъ-за $^0/_0$ отношенія дохода къ затратамъ капитала, изъ-за того, чтобы получить такое-же % отноше какъ и остальные капиталисты страны. Товаръ же, вырабатывае въ различныхъ отрасляхъ промышленности, даетъ прибавоч стоимость (источникъ чистаго дохода), стоящую въ различном отношеніи къ затратамъ капитала; и если бы прибавочная ст мость, образующаяся въ различныхъ предпріятіяхъ, поступ цѣликомъ собственнику соотвѣтствующаго капитала, послѣ бросалъ бы однѣ отрасли и переполнялъ другія. Рынокъ бер на себя задачу уравнять выгоды капиталистовъ. Онъ заставл однихъ производителей уступить часть своего дохода други распредѣляетъ между ними общую массу прибавочнаго проду иначе, чѣмъ это сдѣлано техническими условіями различн промышленныхъ отраслей; и такъ какъ въ его распоряже имѣется только одно орудіе—цѣна товара, то и требуемаго предѣленія барышей онъ достигаетъ, отклоняя мѣновыя стоим продуктовъ отъ ихъ внутренней цѣнности, повышая рыноч стоимость одного, понижая—другого... Общій прибавочный проду страны извѣстнымъ образомъ распредѣляется между всѣми пр водителями, для чего мѣновыя цѣнности товаровъ отклоня отъ внутреннихъ. Предѣломъ этого отклоненія служитъ до женіе одинаковаго отношенія дохода къ расходу во всѣхъ п пріятіяхъ—таковъ законъ мѣновой цѣнности въ капиталист скомъ обществѣ» [1]).

---

[1]) Очерки, стр. 87.

[2]) Очерки, предисловіе.

Это рѣшеніе не только просто, но и не ново. Его далъ Рикардо въ своихъ Principles of political Economy and T tion. Рикардо принимаетъ въ соображеніе не только составъ питала, какъ это дѣлаетъ г. Воронцовъ, но также и *время оборота*,—обстоятельство, на которое у г. Воронцова нѣтъ указа въ примѣрѣ, приводимомъ имъ для поясненія своей мысли. К мы уже замѣтили выше, *единственное «отклоненіе» Рикардо теоріи трудовой стоимости состоитъ именно въ призна этого неизбѣжнаго въ капиталистическомъ обществѣ дѣйст закона равнаго уровня прибыли* [2]). И если г. Воронцовъ сч возможнымъ «отклониться» въ ту самую сторону, въ какую отклонился Рикардо, онъ не имѣлъ никакого права упрекать этого экономиста въ непослѣдовательности. Точно также не имѣлъ онъ никакого права утверждать, что «экономисты-классики не съумѣли выйти изъ затрудненія, встрѣчаемаго трудовой теоріей цѣнности при объясненіи равенства прибыли въ разныхъ занятіяхъ»[1]). Какъ же не сумѣли, когда въ лицѣ Рикардо, самой яркой звѣзды между ними, они вышли изъ него въ 1817 году, какъ разъ такъ, какъ вы, г. Воронцовъ, выходите въ настоящее время.

---

[1]) „Очерки“, стр. 92—93.

[2]) На первобытныхъ ступеняхъ общественнаго развитія (in the e stages of society) дѣйствіе закона равнаго уровня прибыли почти незав

Смыслъ басни сей таковъ, что и неправильное изложеніе чужихъ взглядовъ иногда не безъ пользы для излагающаго предпринято быть можетъ. Если бы г. Воронцовъ вѣрно передалъ читателямъ ученіе Рикардо о стоимости, то онъ могъ бы сказать только одно: въ своемъ рѣшеніи я слѣдую за этимъ замѣчательнымъ экономистомъ-классикомъ. Но такъ какъ онъ приписалъ Рикардо *«отклоненіе» въ сторону теоріи издержекъ производства*, то онъ могъ претендовать чуть не на цѣлое открытіе и сопоставлять себя съ авторомъ «Капитала».

Написавъ эти строки, мы кладемъ перо и спрашиваемъ себя: да полно, могъ ли, даже и въ этомъ случаѣ? Вѣдь вотъ онъ, г. Воронцовъ, упоминаетъ о Родбертусѣ, который, по его словамъ, рѣшился, вмѣстѣ съ Марксомъ, «послѣдовательно проводить разъ признанное начало цѣнности» (стр. 90), и достигъ на этомъ пути блестящихъ результатовъ! Когда г. Воронцовъ писалъ свою статью о «стоимости», третій томъ «Капитала» даже еще и не печатался, но «блестящіе результаты», достигнутые Родбертусомъ, были и тогда уже всѣмъ извѣстны. Въ чемъ они состояли?

Вотъ въ чемъ.

Прибавочная стоимость, которую Родбертусъ называетъ, какъ извѣстно, *рентой*, распредѣляется прежде всего между предпри-

---

вслѣдствіе ничтожности капитала. Тамъ товары обмѣниваются почти исключительно (almost exclusively) по количеству воплощеннаго въ нихъ труда Намъ нѣтъ надобности говорить людямъ, знакомымъ съ ученіемъ Рикардо, что первобытнымъ обществомъ онъ считаетъ *общество простыхъ товаропроизводителей.*

[1]) Очерки, стр. 90.

нимателями, производящими (руками своихъ рабочихъ) «*сырой продуктъ*» (Rohprodukt), съ одной стороны, и предпринимателями, производящими «*продуктъ фабрикаціи*» (Fabrikationsprodukt), продукты обрабатывающей промышленности,—съ другой. Это распредѣленіе совершается сообразно количеству труда, употребленнаго на производство въ каждой изъ этихъ отраслей промышленности. Часть прибавочной стоимости, доставшаяся предпринимателямъ, производящимъ «продуктъ фабрикаціи», разсматривается этими предпринимателями какъ прибыль на капиталъ и подраздѣляется между ними *пропорціонально размѣру капитала, затрачиваемаго каждымъ изъ нихъ*... «*Такимъ образомъ дается извѣстный уровень прибыли, сообразно которому уравниваются прибыли* отдѣльныхъ предпріятій (die Kapitalgewinne), а слѣдовательно опредѣляется также и та часть ренты, приходящейся на сырой продуктъ, которая составляетъ прибыль на земледѣльческій капиталъ...[1]) Другими словами можно сказать, что прибыль во всякой данной отрасли промышленности будетъ составлять X процентовъ затраченнаго капитала. Сообразно этому уровню и будутъ теперь уравниваться прибыли. Еслибы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности прибыль оказалась выше этого уровня, то конкуренція вызвала бы усиленный притокъ капитала въ эти отрасли. Никто не станетъ затрачивать свой капиталъ тамъ, гдѣ онъ не считаетъ возможнымъ получить прибыль, соотвѣтствующую общему уровню...»[2]).

Родбертусъ разсматриваетъ капиталъ, употребляемый для производства «продукта фабрикаціи», какъ одинъ общій національный капиталъ, а капиталы отдѣльныхъ отраслей обрабатывающей промышленности, какъ части этого общаго капитала, пропорціонально величинѣ которыхъ и распредѣляется рента, приходящаяся на «продуктъ фабрикаціи». Что такое распредѣленіе при неодинаковомъ составѣ капитала, фигурирующаго въ различныхъ отрасляхъ промышленности, возможно только при нѣкоторомъ отступленіи — въ ту или другую сторону — рыночной стоимости продукта отъ его трудовой стоимости, это понятно само собою. Но во избѣжаніе недоразумѣній Родбертусъ прямо указываетъ на это въ четвертомъ *«Соціальномъ письмѣ къ Кирхману»*.

---

[1]) Остальная часть этой ренты достается землевладѣльцамъ въ видѣ поземельной ренты. По ученію Родбертуса, *эта часть* ренты, въ противность Рикардо, никогда не можетъ быть равна нулю, но не въ этомъ здѣсь дѣло: здѣсь насъ не касается Родбертусово ученіе о поземельной рентѣ.

[2]) Zur Beleuchtung der sozialen Frage, Th. I. Zw. Aufl., стр. 163.

«Я никогда не былъ того мнѣнія, — говоритъ онъ тамъ — что въ каждомъ изъ послѣдовательныхъ подраздѣленій, на которое распадается, какъ на отдѣльныя отрасли промышленности, производство даннаго продукта, измѣряемая трудомъ стоимость достаточна для того, чтобы образовать прибыль, достигающую обычнаго въ странѣ уровня. Это прямо невозможно въ виду указаннаго подраздѣленія и при дѣйствіи закона равномѣрной прибыли на капиталъ. Легко показать это». Слѣдуютъ доказательства. За тѣмъ Родбертусъ продолжаетъ. «Однако конкуренція требуетъ равномѣрной прибыли, и такимъ образомъ, вслѣдствіе закона равномѣрной прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ, на которыя распадается нынѣ производство одного и того же продукта, видоизмѣняется то положеніе, согласно которому стоимость продукта, равная его трудовой стоимости, достаточна была бы для того, чтобы изъ нея могла образоваться прибыль на капиталъ». Родбертусъ не только признавалъ такое *«видоизмѣненіе»* принципа трудовой стоимости, но считалъ себя *первымъ экономистомъ*, его отмѣтившимъ, въ отличіе отъ англійской школы, которая будто бы совсѣмъ не замѣчала его. Послѣ того, что мы сказали о Рикардо, читатель видитъ, что въ этомъ случаѣ Родбертусъ очень ошибался. Но намъ теперь это безразлично; намъ важенъ слѣдующій общій выводъ Родбертуса.

«Но я крѣпко держусь того взгляда, что если рыночная стоимость готоваго предмета потребленія не всегда совпадаетъ съ его трудовою стоимостью, то все-таки она *тяготѣетъ* къ ней. И точно также, хотя измѣряемая трудомъ стоимость, конечно, не вполнѣ покрываетъ собою обычную нынѣ прибыль на отдѣльныхъ ступеняхъ производства, однако *въ цѣломъ она достаточна* для того, чтобы составить собою *сумму*, равную общей совокупности всѣхъ тѣхъ частей ренты, — т. е. поземельной ренты и прибыли на капиталъ,—которыя достаются кому слѣдуетъ на различныхъ ступеняхъ производства одного и того же продукта. Слѣдовательно, я держусь того мнѣнія, что если *національный продуктъ вообще* имѣетъ лишь стоимость соотвѣтствующую труду, то этого достаточно, чтобы обезпечить существованіе всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ рентъ, поземельной ренты и ренты на капиталъ» [1]).

Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ видны какъ слабыя, такъ и сильныя стороны взгляда Родбертуса. Авторъ «Соціальныхъ писемъ» былъ совершенно правъ, когда объявилъ неудовлетворительной точку зрѣнія отдѣльнаго предпринимателя или, что тоже, точку зрѣнія вульгарнаго экономиста. Онъ былъ правъ, когда приглашалъ ученыхъ разсматривать національный капиталъ, какъ одно цѣлое, какъ одинъ общій капиталъ, части котораго распредѣляются между отдѣльными отраслями промышленности, а затѣмъ и отдѣльными предпріятіями. Онъ былъ правъ, когда, разсматривая экономическую жизнь капиталистическаго общества съ этой общественной точки зрѣнія, онъ приходилъ къ тому заключенію, что, въ силу закона равномѣрной прибыли, рыночная стоимость продукта неизбѣжно и очень часто будетъ отклоняться отъ его трудовой стоимости. Но онъ былъ совершенно неправъ, когда покидалъ эту имъ же горячо защищаемую общественную точку зрѣнія; когда въ угоду своему предвзятому взгляду на *поземельную* ренту, онъ, подраздѣливъ національный продуктъ на двѣ части—сырой продуктъ и продуктъ фабрикаціи, совершенно произвольно объявилъ, что рыночная стоимость каждой изъ этихъ частей равна ея трудовой стоимости и совершенно достаточна для того, чтобы «покрыть» собою заработную плату и ренту въ ея различныхъ подраздѣленіяхъ [2]). Онъ забывалъ при этомъ, что законъ равнаго уровня прибыли дѣйствуетъ, если можно такъ выразиться, *одновременно на всей экономической территоріи общества.* Лишь перегородивъ эту территорію искусственнымъ барьеромъ, отдѣлявшимъ производство *сырого* продукта отъ обрабатывающей промышленности, Родбертусъ вспоминалъ объ этомъ законѣ и изслѣдовалъ его дѣйствіе *въ области этой послѣдней*. Здѣсь оказывалось, что отклоненіе рыночной стоимости продукта отъ трудовой совершенно неизбѣжно въ капиталистическомъ обществѣ.

---

[1]) Das Kapital. Vierter socialer Brief an von Kirchmann, ss. 11—13.

[2]) Именно въ этомъ смыслѣ надо понимать сказанное имъ въ послѣдней изъ сдѣланныхъ нами выписокъ.

Но этотъ выводъ не помѣшалъ Родбертусу «твердо держаться» того взгляда, что рыночная стоимость каждой изъ двухъ большихъ частей національнаго продукта, взятой отдѣльно, *въ общемъ* совпадаетъ съ ея трудовой стоимостью. Совсѣмъ напротивъ! Ученіе Родбертуса о поземельной рентѣ только и могло явиться какъ результатъ страннаго, искусственнаго соединенія этого взгляда съ ученіемъ о томъ равномъ уровнѣ прибыли, который долженъ былъ сначала опредѣлиться отношеніемъ прибавочной стоимости къ капиталу *въ одномъ*—«фабричномъ»—отдѣлѣ національнаго производства, а затѣмъ уже *опредѣлить собою* распредѣленіе дохода между землевладѣльцами и сельско-хозяйственными капиталистами [1].

Этотъ, совершенно несостоятельный, пріемъ разсужденія довольно сильно обезображивалъ собою «блестящіе результаты», достигнутые Родбертусомъ. Его непослѣдовательность била въ глаза [2]. Тѣмъ не менѣе блестящихъ «результатовъ» было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы найти то «простое и такъ сказать элементарное» рѣшеніе, которое нашелъ г. Воронцовъ. Даже (выразимся такъ для мягкости) позабывъ о Рикардо, трудно было позабыть о Родбертусѣ. Поэтому совершенно непонятно, съ какой стати нашъ «*простой*» цвѣточекъ дикой лѣзетъ въ горшокъ съ гвоздикой.

Правда, окончательные выводы автора «Капитала» совпали съ «рѣшеніемъ» г. Воронцова. Но почему? Единственно потому, что эти выводы *не разошлись* съ тѣми выводами Рикардо и Родбертуса, которые повторилъ нашъ дикой цвѣточекъ. Мы, право, не видимъ большой заслуги въ такомъ повтореніи. Вѣдь вотъ авторъ «Капитала» говоритъ иногда о дифференціальной поземельной рентѣ тоже самое, что говорилъ Рикардо. Ученіе Рикардо о поземельной рентѣ повторялось многими и многими писателями. Неужели эти писатели могутъ говорить теперь: смотрите, мы предложили нѣкоторыя простыя и элементарныя рѣшенія, съ которыми согласенъ и авторъ «Капитала»? Позвольте господа, надо же и честь знать! Развѣ это *ваши* рѣшенія?

---

[1] Именно въ этомъ заключается, по нашему глубокому убѣжденію, ошибка Родбертуса, а не въ какомъ-то *физіократическомъ предразсудкѣ*, въ которомъ упрекалъ его покойный Зиберъ.

[2] На нее указывалъ еще въ шестидесятыхъ годахъ Трункъ въ нѣмецкой литературѣ; на нее же, если мы не ошибаемся, указывали у насъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ „*Отечественныя Записки*", въ которыхъ писалъ г. Воронцовъ.

Дикой цвѣточекъ, даже и сидя въ одномъ горшкѣ съ гвоздикой, не всегда становится душистымъ. Рѣшеніе, предложенное г. Воронцовымъ, сходится въ послѣднемъ счетѣ съ рѣшеніемъ, даваемымъ авторомъ «Капитала». Но кто прочиталъ третій томъ этого сочиненія, тотъ знаетъ, что названное рѣшеніе обосновывается тамъ далеко—о, безконечно далеко!—не такъ «элементарно», какъ въ «*Очеркахъ теоретической экономіи*» [1]. Кромѣ того, дикой цвѣточекъ, изложивъ свое, заимствованное у Рикардо—Родбертуса

---

[1] Т. е. опять-таки не въ «Очеркахъ» г. Воронцова, а въ «Principles» Рикардо и въ различныхъ сочиненіяхъ Родбертуса. Но не въ этомъ дѣло. Мы хотѣли сказать, что даже и послѣ такихъ людей, какъ Рикардо и Родбертусъ, оставалось еще очень много сдѣлать для изслѣдованія вопроса о томъ, какъ и почему отклоняется рыночная стоимость продукта отъ его трудовой стоимости. То же и въ ученіи о дифференціальной рентѣ: въ «Капиталѣ» мы находимъ на этотъ счетъ, если хотите, то же, что въ «Principles» Рикардо. Но это „*то же*“ до такой степени исправлено и дополнено, что получается, пожалуй, и *совсѣмъ не то*. А вотъ объ „Очеркахъ“ этого сказать нельзя. Если г. Воронцовъ „рѣшаетъ“ вопросъ о поземельной рентѣ совершенно такъ, какъ рѣшалъ его Рикардо, то онъ не дополняетъ взглядовъ покойника, а искажаетъ ихъ. „Возьмите,—говоритъ онъ—напримѣръ, законъ ренты: разница въ доходѣ на почвахъ, обрабатываемыхъ при болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ производства. Вытекаетъ этотъ законъ, во-первыхъ, изъ естественныхъ различій плодородія земли, во-вторыхъ, изъ не менѣе естественныхъ условій размноженія населенія и, наконецъ, изъ техническихъ условій производства. Но онъ не стоитъ ни въ какой зависимости отъ потребностей разныхъ экономическихъ классовъ, между тѣмъ какъ распредѣленіе именно и имѣетъ цѣлью удовлетвореніе этихъ послѣднихъ; онъ не знаетъ этихъ потребностей, несогласованъ съ ними. Онъ—самъ по себѣ; онѣ—сами по себѣ“ (Очерки, стр. 33). Тутъ, что ни фраза, то—удивительна несравненная, чисто воронцовская путаница понятій.

«рѣшеніе», спѣшитъ тотчасъ же исказить его ни съ чѣмъ несообразными комментаріями.

«Выслушавъ это, читатель, можетъ быть, скажетъ, что здѣсь онъ видитъ противорѣчіе трудовой теоріи цѣнности. Если эта теорія создана для объясненія мѣновой стоимости, и если затѣмъ оказывается, что послѣдняя отклоняется отъ того, что выдается за ея основу, то спрашивается, что побуждаетъ считать трудовую теорію истинной и зачѣмъ создавать ученіе, завѣдомо не согласующееся съ фактами, подлежащими объясненію? Это замѣчаніе врядъ ли можетъ быть признано справедливымъ. Начать съ того, что теорія цѣнности имѣетъ цѣлью объяснить не одинъ только голый фактъ обмѣна, а весь циклъ экономическихъ явленій, обнаруживающихся въ товарномъ обществѣ черезъ посредство рынка. Затѣмъ, политическая экономія—наука абстрактная, а не конкретная, она открываетъ начала, присущія обществу, какъ организму вообще, а не какъ особенной только его формѣ товарно-капиталистическаго уклада. Эта особенная форма, какъ и всякая другая, потребуетъ нѣкотораго измѣненія основныхъ началъ общежитія, открытыхъ наукой, и это не будетъ противорѣчить теоріи, которая ищетъ общее, абстрактное и объясняетъ помощью его частное, конкретное. Поэтому, мы должны заранѣе примириться съ тѣмъ, что принципы организаціи, присущіе обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія и которые пытается открыть экономическая наука, потерпятъ въ той или другой конкретной формѣ извѣстное измѣненіе. Это относится и къ закону цѣнности, и въ особенности въ примѣненіи къ капиталистическому обществу. Изъ перваго очерка намъ извѣстно, какова роль рынка и сколько различныхъ операцій выполняетъ онъ однимъ фактомъ назначенія цѣны. Уже въ силу одного этого, послѣдняя не можетъ быть постоянной и точнымъ образомъ отражающей какое-нибудь основное начало общежитія. Но она не можетъ и не имѣть такого начала, потому что ея функція—регулированіе отношеній, свойственныхъ не одному только разсматриваемому типу общества, а и такихъ вѣчныхъ и постоянныхъ, напримѣръ, какъ производство. Поэтому, напрасно будетъ искать теорію цѣнности, которая бы, во 1-хъ, обладала свойствомъ объяснять всю совокупность явленій, такъ или иначе связанныхъ съ феноменомъ цѣны, и, во 2-хъ, буквально повторялась (?!) на рынкѣ. Мы должны быть удовлетворены, если намъ удастся построить гипотезу, *объясняющую* происхожденіе и составъ цѣны и въ тоже время удовлетворяющую другимъ требованіямъ, предъявляемымъ теоріи. Изъ всѣхъ же предложенныхъ гипотезъ этому условію всего лучше удовлетворяетъ трудовая теорія цѣнности» [1]).

Отмѣтимъ пока, что въ этомъ отрывкѣ встрѣчается одно изъ тѣхъ открытій, на которыя г. Воронцовъ такой мастеръ, и въ которыхъ несравненно больше оригинальной мысли, чѣмъ въ его «рѣшеніи». Прежде г. Воронцовъ открылъ намъ, что «явленіе» спроса и предложенія не зависитъ отъ общественныхъ отношеній, и что существуютъ вѣчныя «производственныя отношенія», независящія отъ промышленной организаціи общества. Теперь мы узнаемъ, что существуютъ также принципы *организаціи*, присущіе обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Жаль, что нашъ авторъ не говоритъ, какую именно «организацію» имѣетъ онъ въ виду: если «*промышленную*» (что весьма вѣроятно), то у насъ получаются значитъ не только вѣчныя отношенія *производства*, но и вѣчные принципы *распредѣленія*. Выходитъ, что экономисты-классики вовсе не были неправы въ своемъ стремленіи открыть эти принципы. Но что сказала бы объ этомъ нашему дикому цвѣточку душистая гвоздика?

Слушайте дальше.

«Изъ всего, что намъ до сихъ поръ извѣстно, слѣдуетъ, что есть цѣнность производственная и цѣнность рыночная, мѣновая. Первая выражаетъ отношенія постоянныя, присущія обществу на всѣхъ ступеняхъ его развитія; отношенія наиболѣе важныя, потому что производствомъ продуктовъ опредѣляется удовлетвореніе потребностей человѣка (а отъ распредѣленія оно не зависитъ?). Вторая есть равнодѣйствующая всѣхъ вліяній, оказавшихся въ данный моментъ на рынкѣ; главнѣйшія изъ нихъ—отношенія производства и распредѣленія продуктовъ: мѣновая цѣнность должна примирить требованія производства и распредѣленія. И вотъ, предлагается отыскать такое начало цѣнности, исходя изъ котораго можно было бы объяснить всю совокупность подлежащихъ явленій и которое въ то же время было бы вполнѣ тожественно съ началомъ, скрывающимся за мѣновой цѣнностью и составляющимъ его основу. Это требованіе предполагаетъ, между прочимъ, что какова бы ни была организація общества и законы распредѣленія продукта, рыночная цѣнность послѣдняго представляетъ постоянную величину (постоянную величину! Побойтесь Бога, г. Воронцовъ; никто ничего подобнаго не «предполагаетъ»). Такое предположеніе намъ кажется неосновательнымъ (ну еще бы!) и именно вотъ почему. Если мѣновая цѣнность выражала только отношенія производства—цѣна какого либо продукта была бы та же самая при всевозможныхъ организаціяхъ общества, если только техническія условія производства въ сравниваемыхъ случаяхъ одинаковы! Но коль скоро мѣновая стоимость должна отступать отъ производственной ради удовлетворенія требованіямъ распредѣленія,—естественно предположить, что размѣръ этого отступленія будетъ зависѣть отъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ распредѣленія. А если такъ, то мѣновая стоимость лишается постоянства (вотъ оно что!) и слѣдовательно теряетъ надежду (воображаемъ ея отчаяніе!) получить какое либо неизмѣнное основаніе» [1]).

---

[1]) «Очерки», стр. 93—94.

Это уже полное торжество субъективизма въ политической экономіи. Первоначально г. Воронцовъ съ анализа отношеній производителей въ процессѣ производства сбивался на анализъ того, что должно происходить въ душѣ этихъ *производителей*. Теперь онъ *одушевляетъ мѣновую стоимость* и изображаетъ ее передъ нами въ видѣ задерганной лошади, которая, тщетно стараясь «примирить» одно съ другимъ тѣ направленія, по которымъ дергаетъ ее неумѣлый ѣздокъ, «теряетъ», наконецъ, «надежду» проникнуть въ его намѣренія и идетъ, какъ попало. Можетъ быть оно, по ученому-то, такъ и надо, но душистая гвоздика и въ этомъ случаѣ врядъ-ли согласилась бы съ дикимъ цвѣточкомъ.

Мѣновая стоимость выражаетъ собою отношенія товаропроизводителей въ общественномъ процессѣ производства. Пока и поскольку мы имѣемъ дѣло съ обществомъ простыхъ товаропроизводителей, до тѣхъ поръ и постольку она выражаетъ ихъ точно и, *въ общемъ*, совпадаетъ съ *трудовою стоимостью* продуктовъ. Но вотъ общественныя отношенія производителей усложняются. Простые товаропроизводители становятся капиталистическими товаропроизводителями (вѣдь капиталъ это—тоже общественное отношеніе производства). Мѣновыя стоимости производятся теперь ради производства *прибавочной* стоимости. Это усложненіе общественныхъ отношеній производителей вліяетъ на мѣновую стоимость въ смыслѣ ея отклоненія отъ трудовой стоимости. Вотъ только и всего. Неужели это не ясно? Неужели это не просто?

---

[1]) «Очерки», стр. 97—98.

Возьмемъ примѣръ изъ физики. Физика говоритъ, что лучи свѣта распространяются по прямой линіи. И она, разумѣется, насъ не обманываетъ. Въ пустомъ пространствѣ и въ однородной средѣ свѣтъ, дѣйствительно, распространяется такимъ образомъ. Если бы мы этого не знали, то совсѣмъ не могли бы объяснять свѣтовыя явленія. Но при переходѣ свѣтового луча изъ одной прозрачной среды въ другую, отличающуюся другою плотностью, происходитъ его преломленіе. Движеніе свѣтового луча совершается въ этомъ случаѣ уже *по ломанной*, а *не по прямой* линіи. Преломленіе свѣта тоже имѣетъ свои законы. Ихъ тоже надо знать, чтобы объяснять явленія свѣта. Ну и что же, «отклоняются» отъ чего нибудь ученые, изслѣдующіе законы преломленія свѣта и указывающіе ихъ дѣйствіе? «*Противорѣчатъ*» они основному положенію оптики, гласящему, что свѣтъ распространяется по прямой линіи? Устраняютъ ли законы преломленія свѣта законъ его прямолинейнаго распространенія? Нѣтъ, они только видоизмѣняютъ *окончательный результатъ его дѣйствія*, а самъ онъ ни на одно мгновеніе не перестаетъ дѣйствовать. И это всякому понятно; всякій образованный человѣкъ знаетъ, что столкновеніе двухъ законовъ природы не прекращаетъ дѣйствія ни одного изъ нихъ. А вотъ въ политической экономіи этому многіе продолжаютъ удивляться. И самъ г. Воронцовъ, предлагая свое (гмъ! гмъ!) «рѣшеніе», чувствуетъ себя такъ неловко, что топитъ совершенно правильную (хотя и чужую) мысль въ безобразной «*телемахидѣ*» комментаріевъ, способныхъ показать только одно:

то, что онъ совершенно не усвоилъ духа новѣйшей теоріи стоимости. Такъ мало привыкли «образованные люди» обращаться съ понятіемъ о законосообразности общественныхъ явленій!

Но какъ бы ни объяснялась печальная дѣйствительность, она не перестаетъ быть печальной. Чѣмъ бы ни вызывалось отклоненіе рыночной стоимости продукта отъ трудовой его стоимости, оно все-таки совершается, и г. Воронцовъ чувствуетъ себя не хорошо. Ему хотѣлось бы устранить непріятную прозу капитализма. И вотъ его фантазія начинаетъ усиленно работать. Наконецъ, загадка разрѣшается, г. Воронцовъ дѣлаетъ новое открытіе.

«Мы можемъ представить себѣ — говоритъ онъ — и такую организацію общества, при которой, даже при существованіи работы на рынокъ, мѣновыя стоимости вполнѣ бы соотвѣтствовали внутренней. Для этого достаточно, чтобы добавочное вознагражденіе производителя за затрату лишнихъ, сравнительно съ другими, средствъ производства, взяло на себя правительство, получающее нужныя для этого средства путемъ общаго налога» [1]).

Утопія, которая со временемъ несомнѣнно займетъ свое, хотя и не весьма почетное, мѣсто въ исторіи *утопическихъ соціальныхъ системъ!*

Когда г. Воронцовъ оспариваетъ какую-нибудь теорію, онъ любитъ пускаться въ догадки о томъ, каковы психологическія побужденія людей, ее отстаивающихъ. Такихъ соображеній много какъ въ «Нашихъ направленіяхъ», такъ и въ «Очеркахъ теоретической экономіи». Мы не одобряемъ этой манеры г. Воронцова, но примѣръ заразителенъ, и мы ему слѣдуемъ. Мы спрашиваемъ себя: почему г. Воронцовъ такъ настойчиво, хотя и неудачно, защищаетъ «трудовую теорію» стоимости? Почему онъ такъ горячо любитъ эту стоимость до тѣхъ поръ, пока она не искажается капитализмомъ?

Намъ кажется, что отвѣта на этотъ вопросъ надо искать въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

«Справедливость и равенство правъ, вотъ главнѣйшіе устои, на которыхъ буржуа восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій желалъ бы воздвигнуть свое общественное зданіе на развалинахъ феодальныхъ несправедливостей, неравенства и привилегій. Опредѣленіе же стоимости товаровъ трудомъ и совершающійся на основаніи этого мѣрила стоимости свободный обмѣнъ продуктовъ труда между равноправными товаровладѣльцами,—это и есть та реальная основа, на которой покоится вся совокупность политической, юридической и философской идеологіи современной буржуазіи. Ея лучшія чувства должны глубоко оскорбляться испорченностью такого міра, гдѣ на словахъ трудъ признается мѣриломъ стоимости товаровъ, на дѣлѣ же этотъ основной законъ справедливости, повидимому, ежеминутно нарушается самымъ безцеремоннымъ образомъ. И именно мелкій буржуа, видящій какъ конкуренція крупнаго производства и машинъ ежедневно все болѣе и болѣе обезцѣниваетъ его честный трудъ (исполняемый, впрочемъ, учениками и подмастерьями)—именно этотъ то мелкій производитель и долженъ всего сильнѣе вздыхать о такомъ обществѣ, гдѣ продукты обмѣнивались бы, наконецъ, вполнѣ и безъ всякихъ исключеній, по ихъ трудовой стоимости. Другими словами, онъ долженъ вздыхать о такомъ обществѣ, гдѣ дѣйствовалъ бы исключительно и неограниченно лишь одинъ изъ законовъ товарнаго производства, но были бы устранены тѣ условія, при которыхъ онъ только и можетъ дѣйствовать, а именно остальные законы товарнаго, а затѣмъ капиталистическаго производства».

---

[1]) «Очерки», стр. 100.

Объяснивъ намъ законъ или «явленіе» стоимости (мы уже знаемъ, что г. Воронцовъ смѣшиваетъ эти научные термины) съ точки зрѣнія «вѣчныхъ и существенныхъ» отношеній производства, нашъ не-классическій экономистъ переходитъ къ изслѣдованію «частныхъ экономическихъ законовъ». Въ трехъ довольно большихъ очеркахъ онъ говоритъ о капиталистическомъ законѣ производства, распредѣленія и потребленія, о характерѣ капиталистической промышленности и, наконецъ, о нѣкоторыхъ вспомогательныхъ средствахъ ея эволюціи. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ этихъ очеркахъ.

Очеркъ «Вспомогательныя средства капиталистической эволюціи» посвященъ вопросу о значеніи непроизводительнаго потребленія въ капиталистическомъ обществѣ. Г. Воронцовъ предлагаетъ тамъ то самое «простое» и «такъ сказать элементарное» *рѣшеніе* этого вопроса, которое нѣсколько раньше его предложено было въ сочиненіи Мальтуса «*Principles of political Economy*», извѣстномъ всѣмъ экономистамъ и вышедшемъ... въ 1820 году. Смѣемъ думать, что читателю знакомы взгляды Мальтуса, и потому не находимъ нужнымъ критиковать «рѣшеніе», предлагаемое г. Воронцовымъ. Отмѣтимъ только, что хотя нашъ авторъ, правда, ни разу не называетъ Мальтуса, но за то и не грѣшитъ противъ скромности: онъ ничего не говоритъ о «безплодности поклоненія». Мы очень охотно выдвигаемъ впередъ эту послѣднюю заслугу русскаго изслѣдователя, мы рады похвалить его, но...

Проклятое «*но*»! Книсъ сказалъ какъ-то о Листѣ, что его нельзя осудить иначе, какъ съ большою похвалою, и нельзя похвалить иначе, какъ съ большимъ порицаніемъ. Г. Воронцовъ отчасти похожъ на Листа. Хотя у насъ и нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы порицать его съ похвалою, но мы, къ сожалѣнію, не можемъ похвалить его иначе какъ съ большимъ порицаніемъ. Г. Воронцовъ изложилъ взгляды Мальтуса, правда, ни однажды не назвавши его имени, но за то и ни разу не позабывъ о томъ, что скромность есть лучшее украшеніе писателя. Это очень хорошо. Однако, этой заслугой и ограничивается сдѣланное г. Воронцовымъ для «*теоретической* экономіи». Отсюда и происходитъ наше «*но*» или точнѣе *наши* «но», потому что ихъ много.

Та «промышленная организація общества», тѣ общественныя отношенія производства, съ которыми никакъ не можетъ справиться, въ своей «*теоретической экономіи*», г. Воронцовъ, представляютъ собою неизбѣжное, независящее отъ воли людей слѣдствіе развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Какъ и всякій результатъ историческаго движенія человѣчества, отношенія эти имѣютъ свое начало и свой конецъ, свое дѣтство, свою юность, свой зрѣлый возрастъ и свою старость. Вызванныя къ жизни развитіемъ общественныхъ производительныхъ силъ, они сначала сами содѣйствуютъ дальнѣйшему развитію этихъ силъ, и тогда за нихъ болѣе или менѣе горячо стоятъ, тогда ихъ болѣе или менѣе страстно идеализируютъ всѣ производители, т. е. все общество, за исключеніемъ небольшой кучки сторонниковъ попятнаго движенія. Но когда кульминаціонная точка оказывается пройденной, обнаруживается оборотная сторона медали. Тѣ самыя общественныя отношенія, которыя когда-то способствовали развитію общественныхъ производительныхъ силъ, теперь начинаютъ препятствовать ему, и это столкновеніе производительныхъ силъ съ отношеніями производства порождаетъ цѣлый рядъ противорѣчій, которыя отражаются на всемъ ходѣ общественной жизни и разрѣшеніе которыхъ и становится важнѣйшей общественной задачей даннаго времени.

Отъ этой судьбы не ушла ни одна до сихъ поръ существовавшая система общественныхъ отношеній производителей. Не ушелъ отъ нея и капиталистическій способъ производства. Развитыя имъ колоссальныя производительныя силы передовыхъ странъ Запада все энергичнѣе и энергичнѣе сталкиваются теперь со свойственными ему общественными отношеніями производителей. Въ теченіе довольно долгаго времени столкновеніе это выражалось въ періодическихъ промышленныхъ кризисахъ, теперь оно начинаетъ сказываться хроническимъ переполненіемъ рынка, противъ котораго безсильна какъ дешевая мудрость вульгарныхъ экономистовъ, такъ и добрая воля наученныхъ горькимъ опытомъ предпринимателей.

Объ этомъ столкновеніи говорятъ теперь очень многіе. Говоритъ о немъ и г. Воронцовъ. Но, вѣрный своему обыкновенію, онъ немедленно переноситъ вопросъ въ ту туманную область, гдѣ совершенно пропадаютъ изъ виду всѣ условія мѣста и времени, и гдѣ, поэтому, остается апеллировать лишь къ «*человѣческой природѣ*».

«Если то, что въ видѣ заработной платы входитъ въ издержки производства, потребляется трудящейся частью населенія, то прибавочная стоимость, за исключеніемъ доли, назначенной для требующагося рынкомъ расширенія производства, должна быть уничтожена капиталистами. Если они въ силахъ сдѣлать это и дѣлаютъ его (?)—излишекъ снабженія товарами не имѣетъ мѣста, если же нѣтъ—является перепроизводство продуктовъ, промышленные кризисы, вытѣсненіе рабочихъ съ фабрикъ и слѣдующій за нимъ рядъ бѣдствій, заставляющій однихъ экономистовъ проклинать машины, другихъ — требовать увеличенія непроизводительнаго потребленія капиталистовъ, фабрикантовъ и т. п. Послѣдній совѣтъ, впрочемъ, чуть ли не излишенъ: не скромность и воздержаніе фабрикантовъ служатъ причиною излишка продуктовъ, а ограниченность или недостаточная эластичность человѣческаго организма, не успѣвающаго расширять свои потребительныя способности съ тою быстротой, съ какой растетъ прибавочная стоимость» [1]).

Вопросъ о перепроизводствѣ сводится такимъ образомъ къ вопросу объ эластичности человѣческаго организма; изъ области политической экономіи, мы попадаемъ въ область физіологіи. Удивительно, что никому изъ экономистовъ не пришло до сихъ поръ въ голову столь «простое» и «такъ сказать элементарное рѣшеніе».

Въ прошломъ вѣкѣ отправился во Францію, во время регентства, знаменитый польскій панъ Радзивиллъ. Онъ ѣхалъ на своихъ лошадяхъ и для всякаго ночлега покупалъ домъ. Прибывъ въ Парижъ, онъ очень сошелся съ регентомъ. Однажды, ему понадобилось что-то сообщить этому послѣднему. Онъ послалъ къ нему своего слугу. Слуга долго бродилъ по городу, но не нашелъ Пале-Рояля.—Фу, какая скука, воскликнулъ Радзивиллъ по возвращеніи слуги, велите моему повѣренному скупить дома между моимъ дворцомъ и Пале-Роялемъ, да и сдѣлайте улицу, чтобы этотъ дуракъ не путалъ, когда я его опять пошлю къ регенту! Такъ образовался passage Radzivill.

Очень возможно, что организмъ Радзивилла не былъ эластичнѣе организма г. Воронцова; это не помѣшало и не могло помѣшать ясновельможному пану проживать безконечно больше, чѣмъ проживаетъ г. Воронцовъ. Одного этого анекдота, слышаннаго авторомъ «Былаго и Думъ» отъ Ворцеля, достаточно, чтобы показать, какъ мало расходы высшихъ классовъ зависятъ отъ ихъ физіологическихъ потребностей—собственно такъ называемыхъ—и до какой степени неумѣстно искать въ физіологіи убѣжища отъ затрудненій, встрѣчающихся въ области «теоретической экономіи».

---

[1]) «Очерки», стр. 161.

Это показываетъ, если не ошибаемся, что въ горнозаводской промышленности дѣла капитализма обстоятъ не такъ ужъ плохо, какъ этого хотѣлось бы гг. народникамъ. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ: «за послѣднія 25 л. эта отрасль въ Россіи возросла почти въ 10 разъ, въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ всего въ $3^1/_2$ раза, въ Австріи въ 3 раза, въ Германіи въ 2—3 раза и въ Англіи въ $1^1/_2$ раза»[1]. Не ясно ли, что въ этой отрасли капитализмъ не встрѣчаетъ тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, которыя вырастаютъ для него изъ... примѣрныхъ ариѳметическихъ расчетовъ г. Воронцова? А если это такъ, то не ясно ли, что расчеты эти не вполнѣ состоятельны?

Рецензентъ «Новаго Слова» прибавляетъ: «Но тѣ же цифры получатъ совершенно иное значеніе, если отъ относительныхъ величинъ мы перейдемъ къ абсолютнымъ и узнаемъ, что тогда какъ средняя ежегодняя добыча угля въ теченіи 1881—1890 гг., сравнительно съ пятилѣтіемъ 1866—1870 гг., въ Австріи повысилась на 853 милл. пуд., въ Германіи на 2,635 милл. пуд., въ Великобританіи на 3,709 милл. пуд. и въ Соединенныхъ Штатахъ на 4,853 милл. пуд., въ Россіи она увеличилась всего на 261 милл. пуд., — меньше, нежели въ крошечной Бельгіи (на 337 м. п.)».

Намъ кажется, что когда рѣчь идетъ о *развитіи* той или другой отрасли промышленности, то важны прежде всего именно *«относительныя величины»*, которыя однѣ только и способны показать, стоитъ ли она на одномъ мѣстѣ, подвигается ли она впередъ, или, напротивъ, идетъ назадъ. Мы видѣли, что «относительныя величины», показывающія ростъ горнаго дѣла въ Россіи, не оправдываютъ народническихъ предсказаній касательно «судебъ русскаго капитализма». Что же касается абсолютныхъ величинъ, то онѣ только свидѣтельствуютъ, что горное дѣло развито у насъ пока еще слабо; но о будущей судьбѣ этого дѣла онѣ не говорятъ, да и говорить не могутъ. А если и говорятъ, то говорятъ скорѣе противное тому, въ чемъ хотѣлъ бы увѣрить насъ г. Воронцовъ: онѣ показываютъ, что въ этой отрасли промышленности капиталисты-предприниматели *могутъ еще очень и очень широко рас-*

---

[1] Тамъ же, стр. 81.

ширять свое производство. И вотъ тутъ-то и является многозначительнымъ свидѣтельство «относительныхъ величинъ», изъ котораго явствуетъ, что горное дѣло растетъ у насъ дѣйствительно чрезвычайно быстро. А развитіе горнаго дѣла даетъ новый толчекъ другимъ отраслямъ промышленности, развитіе которыхъ въ свою очередь увеличитъ рынокъ для сбыта продуктовъ горнаго дѣла. Таковъ естественный и неизбѣжный теперь ходъ вещей, противъ котораго напрасно ополчается г. Воронцовъ со своими соображеніями объ «эластичности» человѣческаго организма и со своими примѣрными расчетами

«Постоянный избытокъ товаровъ на рынкѣ—говоритъ нашъ авторъ—долженъ служить огромнымъ препятствіемъ дальнѣйшему прогрессу капиталистической промышленности. При такомъ избыткѣ цѣны продуктовъ падаютъ, многіе производители разоряются, другіе претерпѣваютъ сокращеніе доходовъ» [1]).

Что правда, то правда; именно такія явленія наблюдаются тамъ, гдѣ рынокъ переполненъ товарами. Эти явленія до такой степени неизбѣжны, что тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ ними, мы почти безъ ошибки можемъ умозаключить къ переполненію рынка товарами. Посмотримъ же, «разоряются» ли русскіе производители-капиталисты.

Изъ опубликованныхъ въ «Вѣстникѣ финансовъ» отчетовъ за 1887 годъ видно, что чистой прибыли получили:

Россійская бумагопрядильня въ Петербургѣ	15	проц.
Товарищество мануфактуры Балина	16	»
» Викулы Морозова	16	»
Нарвская льнопрядильня	18	»
Сампсоніевская бумагопрядильня	21,3	»
Товарищество Екатерингофской бумагопрядильни	23	»
Бумагокрасильная фабрика Рабенека	25,4	»
Измайловская бумагопрядильня	26	»
Никольская мануфактура Морозова	28	»
Невская бумагопрядильня	38	»

---

[1]) «Очерки», стр. 180.

Кренгольмская мануфактура.	44,9 проц.
Товарищество шерстяныхъ издѣлій Торнтона . .	45 » [1]

Это уже очень почтенныя цифры, но говорятъ, что онѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности; что на самомъ дѣлѣ чистая прибыль нашихъ предпринимателей еще и очень значительно выше. Такъ, напримѣръ, есть основанія думать, что мануфактура Викулы Морозова дала не 16, а 28 процентовъ чистаго дохода, Невская бумагопрядильня не 38, а 53, Никольская мануфактура не 28, а свыше 40 проц. и т. д. [2]). Допустимъ, однако, что это преувеличенный расчетъ; допустимъ, что наши крупные предприниматели не скрываютъ истины и не стараются ложными отчетами «сохранить за собою право плакаться на худыя дѣла». Все-таки выходитъ, что мы очень далеки отъ того переполненія нашего рынка, которое ведетъ за собою разореніе предпринимателей, и что какова бы ни была «эластичность» организма нашихъ капиталистовъ, она не мѣшаетъ имъ дѣлать хорошія дѣла и съ увѣренностью смотрѣть въ будущее, какъ выразился года два тому назадъ г. Морозовъ въ своей нижегородской рѣчи. Выходитъ, что каковы бы ни были препятствія, встрѣчаемыя русскимъ капитализмомъ со стороны нашихъ устарѣлыхъ «производственныхъ отношеній», этотъ способъ производства еще не попалъ у насъ въ тѣ противорѣчія, которыя несомнѣнно явятся, когда онъ станетъ склоняться къ упадку и на которыя хотѣлъ указать г. Воронцовъ своими разсужденіями объ эластичности человѣческаго организма.

Предпринимательская прибыль очень высока у насъ въ настоящее время; и именно этимъ обстоятельствомъ объясняется ничтожность усилій, дѣлаемыхъ русскими капиталистами *для завоеванія иностранныхъ рынковъ.*

Когда у насъ въ литературѣ поднимается вопросъ о такомъ завоеваніи, то наши изслѣдователи ограничиваются рутиннымъ и ровно ничего не объясняющимъ соображеніемъ, сводящимся къ формулѣ: «гдѣ ужъ намъ». Даже Императорское Вольное Экономическое Общество въ своихъ «*Ходатайствахъ*» безъ дальнѣйшихъ доказательствъ и объясненій заявляетъ, что и самыя распространенныя у насъ хлопчатобумажныя издѣлія, «68 лѣтъ уже протежируемыя запретительными пошлинами, все еще не могутъ конкуррировать съ дешевыми чужестранными ни на одномъ доступномъ рынкѣ» (стр. 35). Это совсѣмъ не вѣрно, какъ это хорошо знаютъ иностранцы, знакомые съ состояніемъ русской хлопчатобумажной промышленности и съ качествомъ ея издѣлій.

---

[1]) Ходатайства Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. С.-Петербургъ. 1890 г. стр. 150.

[2]) Тамъ же, стр. 151.

«Въ общемъ русская хлопчатобумажная промышленность удивительно растетъ...—говоритъ г. Г. Кунъ—изготовляются преимущественно нисшіе номера пряжи, но что касается этихъ номеровъ, то Россія *можетъ успѣшно соперничать даже съ Англіей*» [1]).

А что говорятъ сами англичане, безспорно наиболѣе компетентные судьи въ этомъ дѣлѣ?

13-го Сентября 1889 года Джорджъ Н. Кэрцонъ прочиталъ передъ собраніемъ Британской Ассоціаціи въ Ньюкэстлѣ докладъ, посвященный вопросу о торговомъ соперничествѣ Россіи и Англіи на среднеазіатскихъ рынкахъ. Общій выводъ Кэрцона тотъ, что «русскіе торговцы все болѣе и болѣе укрѣпляются въ Средней Азіи, вслѣдствіе чего деньги перестаютъ приливать въ бомбейскіе и манчестерскіе карманы, направляясь въ карманы нижегородскіе и московскіе» [2]).

Кэрцонъ повторяетъ и подтверждаетъ этотъ выводъ въ своемъ большомъ сочиненіи: *Russia in Central Asia*. London, 1889.

Калькутскій «*Englishman*» въ № отъ 12 Октября 1892 года заявляетъ, что съ постройкой закаспійской желѣзной дороги рынки Средней Азіи оказываются фактически закрытыми (closed) для англо-индійскихъ продуктовъ.

Лондонскій «*Board of Trade Journal*» далекъ отъ пессимизма Кэрцона. Въ статьѣ «Manchester Cotton Goods in Persia», напечатанной въ мартовской книжкѣ этого журнала за 1894 годъ, приводится мнѣніе одного свѣдущаго человѣка, который думаетъ, что англичане могутѣ удержать за собою всѣ свои прежніе персидскіе рынки за исключеніемъ Мешеда. Но эта надежда основывается главнымъ образомъ вотъ на какомъ соображеніи:

---

[1]) Die Baumwolle, ihre Kultur, Structur und Verbreitung. Wien, Pest, Leipzig. 1892, стр. 264—265.

[2]) Asiatic Quarterly Review, October 1889, стр. 439.

«Говоря вообще, англійскія хлопчатобумажныя издѣлія предпочитаются въ Персіи и продаются тамъ дороже русскихъ, такъ какъ они болѣе приспособлены ко вкусамъ персіянъ. Русскія ткани вообще лучше *качествомъ* (курсивъ нашъ), но ўже англійскихъ» (стр. 322).

Это мнѣніе англичанина-практика о качествѣ русскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій удивитъ многихъ изъ тѣхъ русскихъ читателей, которые принимаютъ за хорошую монету тенденціозныя, а отчасти и просто невѣжественныя сужденія нѣкоторой части нашей печати. Но въ англійской публикѣ мнѣніе это не является чѣмъ либо исключительнымъ.

Въ 1886 г. генеральный консулъ У. Дек. Эбботъ предпринялъ цѣлое слѣдствіе касательно сбыта англійскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій въ Персіи. Вотъ что узналъ онъ между прочимъ:

It is asserted that these Russian goods leave completely in the background those which are now being imported into this market from Manchester; that they are superior as regards colour, printing, cloth, and especially so in soundness [1].

Эбботъ не сомнѣвается въ томъ, что Манчестеръ можетъ производить ситцы лучше московскихъ (еще бы усомнились въ этомъ англичане, бывшіе до послѣдняго времени царями хлопчатобумажныхъ рынковъ!). Москва не убьетъ Манчестера. Но въ восьмидесятыхъ годахъ привозимыя въ Персію русскія издѣлія все-таки оказались значительно лучше англійскихъ, и Эбботъ обращаетъ на это вниманіе англійскаго правительства и англійскихъ фабрикантовъ, замѣчая, что обстоятельство это стоитъ въ тѣсной связи (this subject is intimately connected) съ большимъ развитіемъ русской торговли не только въ Персіи, но и во всей Средней Азіи [1]).

---

[1] Т. е. что русскія издѣлія этого рода (дѣло идетъ о миткалѣ и ситцѣ) оставляютъ далеко за собою манчестерскія издѣлія въ смыслѣ качества тканей, ихъ набивки, красокъ и особенно прочности. Foreign Office. Miscellaneous series, 1886, № 15. Persia. Report on the importation of cotton goods of an inferior quality into Persia. p. 3.

Предостереженіе Эббота было принято къ свѣдѣнію манчестерскими фабрикантами. Подъ вліяніемъ русской конкуренціи, во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, равно какъ и въ девяностыхъ, качество хлопчатобумажныхъ издѣлій, присылаемыхъ въ Персію англійскими фабрикантами, значительно улучшается. Соотвѣтственно этому измѣняется и тонъ консульскихъ отчетовъ. Теперь рѣже встрѣчаются заявленія о безусловномъ превосходствѣ московскихъ издѣлій. Генеральный консулъ въ Мешедѣ Р. Томпсонъ вь своемъ докладѣ за 1892—1893 г. говоритъ, что эти издѣлія не могутъ сравниться съ манчестерскими. «Но, прибавляетъ онъ, русскіе бодрствуютъ, между тѣмъ, какъ мы спимъ; ихъ издѣлія очень сильно улучшаются съ каждымъ днемъ». Особенно прогрессируютъ, по его мнѣнію, русскіе *ситцы*: они «have improved immensely». Поэтому общій выводъ его не особенно утѣшителенъ для англичанъ: «статистика показываетъ, говоритъ онъ, что въ теченіе послѣдняго года наша торговля сдѣлала большіе успѣхи, а русскіе пошли назадъ. За это мы должны благодарить холеру... Если холера явится и въ этомъ году, то насъ ожидаетъ результатъ, подобный прошлогоднему, а если нѣтъ, то намъ предстоятъ большія пораженія» [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 5.

[2]) Foreign Office. 1893. Annual Series, № 1268. Report for the year 1892—1893 on the Trade of the consular district of Meshed, p. p. 3 а 4. Ср. также докладъ ген.-консула Макъ-Лина за 1889—90 г.: All articles of English manufacture are considered infinitely superior, and are much preferred to Russian goods, but being of better materials, and having to be brought a longer distance, they cannot be sold so cheaply. At the present moment English and Russian chintzes are selling at the same price in the bazaars. The Russians are trying to force the English articles out of the market by the importation of large quantities of their own chintz, which they are selling at a very small profit. The English chintz, on the other hand, must be got rid of, and soit, too is being sold at a loss, or at no profit, etc.

Мнѣнію Макъ-Лина можно противопоставить выше цитированное мнѣніе англійскаго свѣдущаго человѣка *о лучшемъ качествѣ* русскихъ издѣлій, цитируемое Г. Л. Черчиллемъ, консуломъ въ Рештѣ, въ отчетѣ за *1892—93 годъ*.

Замѣчательно, что какъ ни горды англичане качествомъ своихъ манчестерскихъ издѣлій, но они вынуждены были признать, что на персидскомъ рынкѣ нѣкоторыя русскія ткани, напримѣръ *кумачъ*, даже будучи уже англійскихъ на нѣсколько дюймовъ, спрашиваются больше и оплачиваются дороже [1]). Имъ пришлось поэтому подражать московскимъ издѣліямъ [2]).

Мы могли бы заимствовать изъ отчетовъ тѣхъ же консуловъ не безъинтересныя свѣдѣнія о сбытѣ въ Персіи русскихъ металлическихъ издѣлій, сахара и т. п. Но это выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи. Мы хотѣли лишь указать на то, что, вопреки мнѣнію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, русскія хлопчатобумажныя издѣлія *могли бы* успѣшно конкурировать даже съ англійскими, если бы... если бы наши предприниматели дорожили иностранными рынками. Но они не дорожатъ, да, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, и не имѣютъ основанія дорожить ими.

Послушаемъ опять англичанъ.

«Наши торговцы болѣе обстоятельные люди и довольствуются нисшимъ уровнемъ прибыли», говоритъ генеральный консулъ Айетъ, въ отчетѣ за 1893—94 годы, вполнѣ соглашаясь въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ цитируемой имъ газеты «*Кавказъ*» [3]).

«Русскій и особенно московскій хлопчато-бумажный фабрикантъ не довольствуется умѣренной прибылью, скажемъ въ 5 процентовъ. Обыкновенно онъ стремится получить 15, 20 и даже болѣе процентовъ на свой капиталъ, говоритъ въ своемъ докладѣ за 1892 годъ петербургскій консулъ Майгелль... Онъ не захочетъ взяться за предпріятіе, не сулящее ему подобной, необыкновенно высокой прибыли» [4]).

Майгелль указываетъ и причину этой необыкновенной «эластичности организма» русскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ. Они привыкли получать высокій уровень прибыли благодаря излишнему покровительству (excessive protection), говоритъ онъ. И это мнѣніе раздѣляется очень многими иностранцами.

---

[1]) Foreign office, 1894. Annual Series, № 1376. Persia. Report for the years 1892—93 and 1893—94 on the trade etc. of the consular district of Ispahan, p. 19.

[2]) Тамъ же стр. 68: our importers have... found it necessary to have cotton goods printed in the same style and designs as some of the Russian chintz. These are known in bazaars as *chit-oorus* or Russian chintz»...

[3]) F. O. A. S. № 1429, стр. 2.

[4]) Board of Trade Journal, sept. 1893 годъ, ст. «Cotton manufacture in Russia», стр. 303

Если оно справедливо, а мы думаемъ, что оно совершенно справедливо, то слабый вывозъ нашихъ мануфактурныхъ издѣлій объясняется не тѣмъ, что *«куда ужъ намъ»*, а тѣмъ, что *«зачѣмъ же намъ»* и *«стоитъ ли руки марать изъ-за пустяковъ»*?

Если бы нашъ внутренній рынокъ дѣйствительно былъ хронически переполненъ мануфактурными издѣліями, какъ въ этомъ насъ стараются увѣрить наши старомодные противники капитализма, то тогда наши фабриканты, переставъ получать привычную для нихъ, непомѣрно высокую прибыль, обратили бы серьезное вниманіе на иностранные рынки. Теперь же ихъ не тянетъ на иностранные рынки по той простой причинѣ, что имъ достаточно хорошо, даже болѣе, необыкновенно хорошо и у себя дома.

«Вывозъ изъ Россіи издѣлій сталъ съ половины восьмидесятыхъ годовъ довольно сильно возрастать — говоритъ г. Моревъ. До 1886 года ихъ никогда не вывозилось болѣе, чѣмъ на 7.360,000 рублей, въ среднемъ же выводѣ за десятилѣтіе 1876—1885 гг. вывозъ составлялъ только 6.107,000 руб.; въ послѣднее же пятилѣтіе съ 1888 по 1892 г. средній вывозъ издѣлій равнялся 25.144,000, слѣдовательно, увеличился въ 4 раза. Несмотря, однако, на такое быстрое увеличеніе вывоза издѣлій, они и теперь еще составляютъ очень незначительную часть въ общей суммѣ нашего отпуска» [1]).

Это безусловно справедливо и, какъ мы видѣли, вполнѣ понятно.

Покровительственный тарифъ въ теченіе нѣкотораго времени былъ совершенно необходимъ для развитія нашей крупной и вообще капиталистической промышленности. Но теперь и особенно при тѣхъ размѣрахъ, которые приняло покровительство въ девяностыхъ годахъ, онъ, продолжая быть выгоднымъ для нѣкотораго слоя русскихъ *капиталистовъ*, начинаетъ задерживать дальнѣйшее развитіе русскаго *капитализма.* Наша промышленность не сдѣлаетъ всѣхъ тѣхъ успѣховъ, которые она можетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока существуетъ нынѣшняя почти запретительная система. Впрочемъ она не можетъ быть долговѣчной. Чѣмъ болѣе капиталистическій способъ производства будетъ охватывать наше земледѣліе [1]), тѣмъ сильнѣе скажется необходимость уступокъ нашимъ фритрэдерамъ, и теперь въ значительной степени сознательно или безсознательно вдохновляемыхъ *интересами земледѣльческаго капитала*, и всякая такая уступка послужитъ сильнымъ толчкомъ для развитія нашей обрабатывающей промышленности [2]). Тогда и дѣло завоеванія внѣшнихъ рынковъ приметъ у насъ другой оборотъ, а лучше сказать,—тогда оно *дѣйствительно начнется.* А теперь—*мы можемъ, да не видимъ надобности.*

---

[1]) Очеркъ коммерческой географіи и промышленной статистики Россіи, изданіе четвертое, стр. 304.

Наши старомодные «враги капитализма» воображаютъ, что разъ на всемірномъ рынкѣ утвердились «болѣе передовыя страны», то странамъ «отсталымъ» тамъ рѣшительно нечего дѣлать. Это представленіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ «отсталыя страны» силою вещей *вынуждаются* догонять «передовыя» и часто соперничаютъ съ ними *очень успѣшно.* Было время, когда нѣмцамъ странно было бы и думать о соперничествѣ съ Англіей, а теперь горькій опытъ показываетъ англичанамъ, какіе быстрые успѣхи дѣлаетъ нѣмецкая промышленность [3]).

Да что нѣмцы! Теперь съ англичанами конкурируетъ (на китайскихъ рынкахъ) уже Остъ-Индія и даже Японія [4]). Промышленная монополія Англіи отошла уже въ область преданія,—и *это обстоятельство имѣетъ огромную важность для всего культурнаго міра: оно несомнѣнно будетъ способствовать новому, прогрессивному видоизмѣненію общественныхъ отношеній производителей въ самой Англіи, и въ то же время оно означаетъ, что «отсталыя страны» все болѣе и болѣе разрываютъ съ идіотизмомъ ветхозавѣтной, сельской жизни; что одна Обломовка за другою пробуждается отъ своего вѣкового сна.* Сожалѣть объ этомъ могутъ только тѣ, которые сами еще не совсѣмъ проснулись или которымъ хотѣлось бы по той или иной причинѣ усыпить другихъ.

---

[1]) Ниже мы увидимъ, въ какомъ видѣ этотъ способъ производства является у насъ, мѣстами, въ земледѣліи.

[2]) Хотя, разумѣется, только до извѣстныхъ предѣловъ. О полной свободѣ торговли теперь у насъ не можетъ быть рѣчи (да не о ней говорятъ и наши фритрэдеры).

[3]) «There has been for some years a panic among British merchants here with regard to german trade, which, they maintain is beating the British import, out of the country». F. O. 1892. A. S. № 1099. Report district of the consulate-general at Constantinople, p. 5.

[4]) До какой степени здѣсь неумѣстенъ схематизмъ и все зависитъ отъ сочетанія великаго множества отдѣльныхъ условій, показываетъ слѣдующій примѣръ. Остъ-Индскія хлопчато-бумажныя ткани съ трудомъ выдерживаютъ

Г. Воронцовъ увѣряетъ, что онъ вовсе не сторонникъ промышленнаго сна и экономическаго застоя, что онъ тоже сторонникъ поступательнаго движенія, но что онъ не видитъ, почему поступательное движеніе должно совершаться подъ знаменемъ капитализма, а не подъ знаменемъ *народной* промышленности. Въ послѣдующихъ главахъ мы на примѣрѣ Россіи увидимъ, до какой степени правъ былъ экономистъ, сказавшій, что тотъ способъ производства, который у г. Воронцова называется *народнымъ*, превращается по своей неизбѣжной внутренней діалектикѣ въ производство *капиталистическое*. А теперь, подводя итоги сказанному нами о г. Воронцовѣ, какъ политико-экономѣ, замѣтимъ:

Взгляды экономистовъ-классиковъ во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Это знаетъ теперь всякій школьникъ. Но если бы мы не имѣли для замѣны этихъ устарѣлыхъ взглядовъ ничего, кромѣ сбивчивыхъ и запутанныхъ экономическихъ воззрѣній г. Воронцова, то намъ лучше было бы покрѣпче держаться за экономистовъ-классиковъ: маленькая рыбка все же лучше, чѣмъ большой тараканъ—справедливо полагалъ нашъ сатирикъ.

на китайскихъ рынкахъ конкуренцію манчестерскихъ, между тѣмъ какъ остъ-индская пряжа легче сбывается тамъ, чѣмъ англійская.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Г. ВОРОНЦОВЪ, КАКЪ ТЕОРЕТИКЪ НАРОДНИЧЕСТВА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Г. Кудринъ выразилъ въ «Русскомъ Богатствѣ» ту человѣколюбивую мысль, что г. Воронцову слѣдуетъ простить его скитанія въ дебряхъ «Нашихъ направленій». Мы ничего не имѣемъ противъ этого: и въ самомъ дѣлѣ, почему не простить г. Воронцову его теоретическихъ злоключеній? Мы не понимаемъ только, почему г. Кудринъ не идетъ дальше и не извиняется также и за «Очерки теоретической экономіи»: они еще слабѣе «Нашихъ направленій». Вообще, если ужъ прощать, то прощать цѣликомъ и безъ оговорокъ. И не мѣшаетъ помнить при этомъ, что г. Воронцовъ остался вѣренъ себѣ и въ своихъ очеркахъ современной экономической жизни Россіи. Онъ вездѣ такой же убѣжденный субъективистъ и такой же плохой мыслитель, какимъ мы видимъ его въ непроходимыхъ дебряхъ «*Нашихъ направленій*».

Въ этомъ отдѣлѣ мы хотимъ изучить г. Воронцова, какъ теоретика народничества.

Г. Воронцовъ говоритъ: «интересы народа, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его коллективной мыслью или другія, соотвѣтствующія его желаніямъ, какъ средство, и самодѣятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи—таковы три положенія, характеризующія народничество, какимъ оно опредѣлилось въ переформенную эпоху нашей исторіи. Практическое осуществленіе этихъ pia disederia требуетъ умственнаго подъема массы, который поэтому и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента» ¹).

Для ознакомленія съ формами, вырабатываемыми коллективной мыслью народа, намъ надо ознакомиться съ общиной и съ кустарной промышленностью. Мы начнемъ съ общины.

---

¹) Наши направленія, стр. 7.

ГЛАВА I.

Община.

Основное соціологическое положеніе г. Воронцова, какъ мы уже знаемъ, гласитъ, что форма общественнаго быта представляетъ собою «производное» человѣческихъ чувствъ и воззрѣній. Вѣрный этому своему *first principle*, г. Воронцовъ въ «Итогахъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики» стремится показать, что у русскихъ крестьянъ существуетъ независимое отъ внѣшнихъ условій «*стремленіе къ общинѣ, какъ къ формѣ быта*» [1].

Онъ увѣряетъ насъ, что, когда бывшіе однодворцы переходятъ отъ т. н. четвертного землевладѣнія къ общинному, то рѣшающимъ моментомъ въ дѣлѣ этого перехода являются не экономическія нужды землевладѣльцевъ и государства, а «чувства и мысли массы». Экономія является, такимъ образомъ, функціей психологіи.

Если это положеніе г. Воронцова вообще можетъ быть доказано, то, разумѣется, нигдѣ нельзя найти болѣе убѣдительныхъ доказательствъ въ его пользу, какъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда однодворцы отъ частной собственности на землю, существовавшей у нихъ съ очень отдаленнаго времени, переходятъ къ общинному землевладѣнію. Самый фактъ подобнаго перехода, совершающагося подчасъ на нашихъ глазахъ, повидимому, дѣлаетъ указанное положеніе совершенно несомнѣннымъ и ужъ, конечно, проливаетъ яркій свѣтъ на «формы, вырабатываемыя коллективной мыслью» народа.

Приглядимся же къ нему внимательнѣе. По словамъ г. Семевскаго, уже въ началѣ второй половины XVIII-го вѣка однодворцы стали сознавать необходимость введенія передѣловъ. Это сознаніе сказывается въ нѣкоторыхъ наказахъ депутатамъ въ извѣстную Екатерининскую коммиссію. «Одновременно съ этимъ— прибавляетъ г. Воронцовъ—о необходимости введенія передѣловъ раздаются голоса *и изъ среды мѣстной администраціи* (курсивъ нашъ). Толчкомъ къ фактическому осуществленію указаннаго стремленія было генеральное межеваніе, при которомъ однодворческая земля отводилась не каждому владѣльцу особо, а вмѣстѣ цѣлому селенію, разверстаніе же отведенной площади между совладѣльцами предоставлено было самимъ крестьянамъ. При этомъ мѣстами произошло, вѣроятно, тоже самое, что можно было наблюдать при размежеваніи четвертныхъ земель въ новѣйшее время: малоземельные крестьяне настаивали на разверстаніи земли по душамъ, такое требованіе находило поддержку въ спутанности землевладѣнія и затруднительности опредѣлить юридическую долю каждаго совладѣльца въ общей площади угодья. Гдѣ встрѣтилась указанная комбинація обстоятельствъ, тамъ вопросъ разрѣшался распредѣленіемъ земли по душамъ. При такихъ, вѣроятно, условіяхъ произошло обращеніе четвертнаго владѣнія въ общинное въ концѣ прошлаго вѣка. Но хотя описываемое время представлялось весьма удобнымъ моментомъ для этого процесса, такъ какъ, при благопріятномъ идеѣ уравненія настроеніи правительства, тогда шло всеобщее размежеваніе, но въ массѣ населенія идеи перехода отъ подворнаго владѣнія къ общинному, повидимому, недостаточно еще назрѣла, а при относительномъ многоземеліи, переходъ къ общинѣ и не могъ представляться настолько необходимымъ, какъ въ настоящее время, вслѣдствіе чего обращеніе четвертнаго владѣнія въ общинное осуществилось сравнительно въ небольшомъ числѣ поселеній. За то разъ начавшись, процессъ продолжалъ развиваться и послѣ исчезновенія указанныхъ благопріятныхъ условій, что доказывается существованіемъ переходовъ отъ четвертей на души въ 10-хъ и 20-хъ гг. текущаго столѣтія... Новый толчекъ процессъ обращенія четвертнаго владѣнія въ общинное получилъ въ 30-хъ годахъ, благодаря сочувственному отношенію къ общинѣ учрежденій, находившихся подъ управленіемъ графа Киселева...... Третьимъ моментомъ, оказавшимъ вліяніе на процессъ обращенія четвертнаго владѣнія въ душевое, было спеціальное размежеваніе послѣднихъ десятилѣтій, имѣвшее цѣлью уничтоженіе черезполосицы разныхъ владѣній... При размежеваніи четвертныя земли каждаго селенія по возможности собирались въ одинъ кусокъ и отмежевывались отъ сосѣднихъ владѣній казны другихъ крестьянскихъ обществъ и помѣщиковъ. Разъ это было сдѣлано, крестьянамъ ставилась задача... разбить общую площадь четвертной земли между совладѣльцами такъ, чтобы каждый изъ нихъ получилъ долю, какою пользовался до размежеванія. Во многихъ случаяхъ задача эта была довольно затруднительна, такъ какъ постоянное раздробленіе участковъ привело къ тому, что до размежеванія владѣніе каждаго нерѣдко состояло изъ разбросанныхъ тамъ и здѣсь клочковъ не точно опредѣленной величины, а мѣстами площадь, принадлежащая каждому члену общины, измѣрялась не десятинами, а неопредѣленною мѣрою— «четверть», или даже выражалась въ частяхъ общаго владѣнія, въ зависимости, между прочимъ, отъ степени близости родства владѣльца съ родоначальникомъ общества. Этотъ способъ измѣренія владѣній сообщественниковъ иногда приводилъ къ такой запутанности землевладѣнія, что и до размежеванія крестьянамъ трудно было разбираться въ своихъ участкахъ. Такъ, въ татарской деревнѣ Тетюшскаго уѣзда, Степные Енали, единственнымъ лицомъ, знающимъ и вѣдающимъ дѣла односельцевъ, является Хасанъ Ислаковъ. «Безъ Хасана бѣда, говорятъ крестьяне, онъ кончалъ (умретъ)—айда споръ,—лучше бы уже подъ одну шапку». Такой исходъ спутанности и дробности землевладѣнія, какъ подведеніе «подъ одну шапку» встрѣчается нерѣдко и имѣетъ мѣсто какъ при размежеваніи такъ и внѣ его» [1]).

---

[1] «Крестьянская община», стр. 42.

Все это съ поразительной ясностью доказываетъ, что въ фактѣ перехода крестьянъ отъ четвертного владѣнія къ общинному роль «внѣшнихъ условій» была очень велика. Разъ возникло у читателя это убѣжденіе,—а оно не можетъ не возникнуть—онъ естественно спрашиваетъ себя: да ужъ не въ этихъ-ли условіяхъ и

) Крестьянская община, 31—35.

все дѣло? Не ими-ли создалось, не ими-ли поддерживалось стремленіе четвертныхъ крестьянъ «къ общинѣ, какъ къ формѣ быта»?

Г. Воронцовъ торопится разсѣять эти сомнѣнія.

«Такая запутанность и неопредѣленность землевладѣнія, однако,—говоритъ онъ—существовала далеко не во всѣхъ обществахъ, перешедшихъ отъ четвертей на души; ее нельзя считать единственнымъ и даже главнымъ основаніемъ такого перехода. Съ другой стороны, при извѣстномъ психическомъ настроеніи массы, распредѣленіе земли между совладѣльцами и при запутанности отношеній могло бы все-таки разрѣшиться на принципѣ стараго владѣнія, хотя бы для этого и пришлось неоднократно обращаться къ суду. Въ крайнемъ случаѣ, наконецъ, общество рѣшилось бы на то, чтобы разрубить гордіевъ узелъ подушной разверсткой земли, прибѣгая къ этой мѣрѣ лишь какъ способу разверстанія, за неимѣніемъ лучшаго, и оставляя юридическія основанія землевладѣнія нетронутыми, сохраняя наслѣдственное владѣніе землей. Легкое согласіе крестьянъ на примѣненіе этого способа разрѣшенія затрудненій, конечно, свидѣтельствовало бы о значительномъ развитіи соціальныхъ чувствъ въ населеніи и отсутствіи того индивидуализма, развивающагося на почвѣ частной собственности, который является большимъ препятствіемъ къ мирному разрѣшенію земельныхъ затрудненій. Но если, не ограничиваясь единовременнымъ передѣломъ земли, общество вводило его въ обычную практику, это доказываетъ нѣчто большее, чѣмъ соціальную покладистость населенія; оно свидѣтельствуетъ о сочувствіи массы къ идеѣ, опредѣляющей тотъ или другой складъ соціальныхъ отношеній» [1].

Итакъ, значительное развитіе соціальныхъ чувствъ и отсутствіе индивидуализма въ крестьянской средѣ способствовало *мирному разрѣшенію поземельныхъ затрудненій*. Это столь отрадно, что мы приглашаемъ читателя вмѣстѣ съ нами подольше насладиться зрѣлищемъ такой идилліи.

Вотъ, напр., какъ произошло «*мирное разрѣшеніе поземель-*

---

[1] Тамъ же, стр. 36—37.

нихъ затрудненій» въ Раненбургскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

«Когда неравномѣрность владѣнія у различныхъ семей становилась рѣзко замѣтной, когда значительной части домохозяевъ становилось тѣсно на ихъ надѣлахъ, малоземельные начинали агитацію о передѣлѣ всей земли по душамъ; они составляли многочисленную и очень дружную группу и скоро склоняли на свою сторону преобладающее большинство домохозяевъ; при этомъ многіе даже изъ предвидѣвшихъ уменьшеніе своего владѣнія вслѣдствіе передѣла безъ сопротивленія соглашались на него, предвидя отъ новаго порядка пользу въ будущемъ, при увеличеніи семьи. Стоявшее за передѣлъ большинство домохозяевъ уговаривало, уламывало остальныхъ; многихъ подпаивали и при этомъ добивались ихъ согласія, подписи за передѣлъ; самыхъ упорныхъ запугивали, нерѣдко избивали, портили ихъ посѣвы; увозили телѣги со дворовъ, бывали случаи поджоговъ и т. п. Однимъ словомъ, употреблялись всѣ средства, чтобы вынудить у противившихся передѣлу «земляковъ» (т. е. многоземельныхъ) согласіе на него. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этихъ собственныхъ средствъ оказывалось достаточно и вся земля передѣлялась безъ вмѣшательства суда и вообще начальства; но нерѣдко, несмотря на всѣ усилія большинства, оставалась нѣкоторая, обыкновенно небольшая, часть домохозяевъ, не уступавшихъ никакимъ натискамъ, не согласныхъ на передѣлъ. Тогда дѣло переходило къ начальству, въ судъ. Въ большинствѣ случаевъ и здѣсь «душевые» принимали мѣры, чтобы склонить «начальниковъ» на свою сторону, и имѣли въ этомъ обыкновенно гораздо больше успѣха, чѣмъ ихъ малочисленные противники. По рѣшенію суда и послѣ «увѣщаній» начальства передѣлялась или вся земля, или за исключеніемъ участковъ нѣсколькихъ самыхъ многоземельныхъ и упорныхъ домохозяевъ» [1]).

Во многихъ случаяхъ попытки земельнаго передѣла совершенно разбились о сопротивленіе «земляковъ», иначе—«ширркодачниковъ». Такъ, напр., въ д. Кондратьевой, Спасской волости,

---

[1]) К. П—въ. «Четвертное землевладѣніе». «Русская Мысль», 1886, № 3, стр. 28—29.

Курскаго уѣзда крестьяне «выѣзжали уже на поле дѣлить землю по душамъ, но широкодачники помѣшали—чуть было смертоубійства не сдѣлали». Въ селѣ Высокомъ той же волости «составили приговоръ о передѣлѣ на души и выѣхали въ поле приводить его въ исполненіе, но широкодачникъ затѣялъ драку, въ которой убили одного крестьянина, что и помѣшало совершенію передѣла». Въ деревнѣ Ваниной, Старковской волости, «передѣлъ по приговору состоялся, владѣли по душамъ четыре года, но потомъ широкодачники дѣло назадъ повернули; обошлось имъ это больше 2,000 рублей [1]). Въ селѣ Грязновкѣ, Троицкой волости, Раненбургскаго уѣзда, «во время размежеванія поднялись сильные споры о передѣлѣ земли по душамъ; согласились-было на это всѣ, кромѣ двухъ-трехъ самыхъ многоземельныхъ дворовъ, которые затѣмъ перетянули на свою сторону еще нѣсколькихъ хозяевъ. Ожесточеніе противъ нихъ было сильное; на поляхъ дрались въ колья, и т. д. Наконецъ, обѣ стороны наняли адвокатовъ и повели дѣло судомъ, который рѣшилъ его въ пользу четвертнаго владѣнія» [2]). Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, въ д. Быковѣ, Карповской волости «въ 40-хъ годахъ два раза переходили на души, но оба раза изъ-за смутъ, возвращались къ четвертямъ. Дѣло доходило, говорятъ, до кольевъ и ножей, такъ что священникъ выходилъ въ поле въ церковномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ» [3]).

При ближайшемъ разсмотрѣніи идиллія оказывается не столь привлекательной, какъ это мы думали, основываясь на словахъ г. Воронцова. Запугиванія и притѣсненія несогласныхъ на передѣлъ, поджоги, драки на поляхъ кольями и ножами, убійства, «увѣщанія» со стороны «*начальниковъ*»,—все это придаетъ *мирному* разрѣшенію поземельныхъ затрудненій нѣсколько *воинственный* видъ. Съ другой стороны, «стремленіе къ общинѣ, какъ къ формѣ быта», обнаруживается только у малоземельныхъ крестьянъ и совершенно чуждо широкодачникамъ. А это значитъ, что оно является результатомъ тѣхъ самыхъ «внѣшнихъ условій», отъ которыхъ оно, по увѣренію г. Воронцова, не зависитъ. До какой степени велико здѣсь значеніе внѣшнихъ условій, показываетъ слѣдующій замѣчательный случай. «Въ с. Колыбельскомъ и Демкинѣ около 1860 года передѣлили было по душамъ бо́льшую часть земли, выдѣливъ на уголъ участки несоглашавшихся на это; но затѣмъ многіе изъ давшихъ сначала свое согласіе на передѣлъ потребовали возстановленія прежняго владѣнія: соглашаясь, они имѣли въ виду передѣлъ всей земли, а судъ разрѣшилъ передѣлить лишь земли «согласныхъ»; за выдѣломъ самыхъ многоземельныхъ, какъ несогласныхъ, многимъ изъ согласившихся прежде на передѣлъ онъ сталъ невыгоденъ и потому не состоялся» [1]. Иначе сказать, пока малоземельные надѣялись, что имъ удастся поживиться землей широкодачниковъ, у нихъ было сильное «стремленіе къ общинѣ, какъ къ формѣ быта», а когда ожидавшаяся добыча ускользнула изъ ихъ рукъ, они вдругъ почувствовали совершенно противоположное стремленіе къ частной собственности. Г. Воронцовъ и самъ видитъ, что факты плохо согласуются съ его теоріей. «Переходя къ психологическимъ основаніямъ изучаемаго процесса, нельзя не остановиться прежде всего на узко эгоистическихъ его мотивахъ» [2],—сознается онъ. Однако, его еще не покидаетъ надежда справиться съ фактами, примирить ихъ со «стремленіемъ къ общинѣ, какъ къ формѣ быта».

---

[1] Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губ. Выпускъ первый. Курскій уѣздъ. Москва 1883, стр. 60.

[2] К. П—въ, цитированная статья. «Русская Мысль», 1886, №3, стр. 30.

[3] В. В. «Крестьянская община», стр. 49.

«Но признавая всю важность стремленій малоземельныхъ крестьянъ расширить свои участки на счетъ широкодачниковъ, какъ причины перехода (отъ) четвертей на души, мы не можемъ этому мотиву приписать въ процессѣ обращенія четвертнаго владѣнія въ общинное рѣшающую роль. Для того, чтобы переходъ совершился, за него должно стоять огромное большинство общества; невѣроятно, чтобы все это большинство выигрывало при этомъ на величинѣ участка. Это было бы вѣрно, если бы четвертные владѣльцы распадались на массу крайне малоземельныхъ и небольшое число очень многоземельныхъ крестьянъ. Но подобныя крайности неравномѣрнаго распредѣленія земли встрѣчались, вѣроятно, рѣдко; обыкновенно же на ряду съ крайними группами стояла группа крестьянъ среднеземельныхъ, для которыхъ подушное уравненіе земли не приносило ни замѣтнаго приращенія, ни уменьшенія участковъ. Эта группа своимъ голосомъ нерѣдко рѣшала вопросъ въ пользу уравненія... Присоединеніе среднеземельнаго крестьянина къ сторонникамъ уравненія заставляетъ предполагать, что въ послѣднемъ крестьяне видятъ нѣчто болѣе благовидное, чѣмъ экспропріацію владѣній богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, что переходъ къ общинѣ значитъ для нихъ не одно только уравненіе земли въ настоящемъ, въ которомъ данная группа не участвуетъ, что идея общины связывается въ ихъ представленіи съ идеей формы быта, формы отношеній, отличной отъ той, какая свойственна четвертному владѣнію.

---

[1] К. П—въ, цитированная статья, стр. 30. Это далеко не единственный случай возврата крестьянъ отъ душевого владѣнія къ четвертному.

[2] „Крестьянская община“, стр. 40.

Это стремленіе къ иной организаціи быта... существуетъ и въ сознаніи малоземельныхъ, которымъ такой переходъ выгоденъ непосредственно... Сторонники передѣла весьма часто прибѣгаютъ къ различнымъ благо- и неблаговиднымъ средствамъ побужденія широкодачниковъ не отдѣляться отъ міра—прибѣгаютъ, потому что перспектива расширенія ихъ участковъ составляетъ, какъ мы сказали, важный мотивъ, склоняющій крестьянъ къ общинѣ,—и не успѣвъ въ этомъ, иногда откладываютъ намѣреніе перейти на души; но столь же часто, а можетъ быть и чаще, общество распадается при этомъ на два: нѣсколько богачей остаются при старыхъ правахъ, масса мало- и среднеземельныхъ крестьянъ обращаютъ подворную форму владѣнія въ общинную. Въ такихъ случаяхъ выгоды, проистекающія отъ увеличенія участка, сводятся къ минимуму въ томъ смыслѣ, что таковое увеличеніе достается самой малоземельной группѣ крестьянъ. Если же на переходъ согласилось и остальное большинство, то уже не изъ-за возможности попользоваться при этомъ чужою собственностью, а изъ-за иныхъ преимуществъ новыхъ порядковъ,—иначе говоря,—изъ стремленія къ общинѣ, какъ къ формѣ быта» [1]. «Благопріятное отношеніе къ общинѣ доказали и нѣкоторые изъ крестьянъ, не перешедшихъ со всѣми односельцами на души, когда, черезъ населенія. Для него есть много смягчающихъ обстоятельствъ. Но мы рѣшительно ставимъ въ вину г. Воронцову попытку придать этому неуваженію *мистическій видъ*, найти его источникъ въ нѣдрахъ народнаго духа, какъ и донынѣ выражаются нѣкоторые теоретики «народности», вмѣсто того, чтобы искать его тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится, т. е. въ *экономіи*.

---

[1] „Крестьянская община“, стр. 41—42.

Что касается сочувствія передѣлу «среднеземельныхъ» крестьянъ, которымъ переходъ къ общинѣ не обѣщаетъ будто бы никакойвыгоды, то и оно ровно ничего не доказываетъ. Во-первыхъ, передѣлу сочувствуютъ далеко не всѣ «среднеземельные», какъ это ясно показываютъ тѣ случаи, въ которыхъ передѣлъ не могъ состояться [1]).

Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ среднеземельные крестьяне сочувствуютъ ему, ихъ сочувствіе обусловливается рядомъ «внѣшнихъ условій», имѣющихъ прямое отношеніе къ ихъ интересамъ. Здѣсь повторяется то же самое, что сплошь и рядомъ происходитъ въ мѣстностяхъ съ издавна установившимся общиннымъ землевладѣніемъ. Въ этихъ мѣстностяхъ, *«по произведеннымъ вычисленіямъ, обыкновенно остается въ выигрышѣ отъ передѣла съ небольшимъ половина домохозяевъ»* [2]). Между тѣмъ для его совершенія нужно согласіе $^2/_3$ членовъ общины. На первый взглядъ, кажется, поэтому, что часть домохозяевъ, соглашающихся на передѣлъ, руководствуется исключительно «альтруистическими соображеніями». Но при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, оно представляется въ другомъ свѣтѣ. Вотъ поучительные факты. Въ Бердянскомъ уѣздѣ, въ с. Орловкѣ крестьяне приступили къ передѣлу на томъ основаніи, что малоземельные домохозяева слишкомъ обременены были «натуральными повинностями, *распредѣляемыми по рабочей силѣ*». Высказываясь за передѣлъ, среднеземельные крестьяне, не имѣя основанія предполагать увеличенія своихъ надѣловъ, повиновались, однако, самому элементарному соображенію выгоды: вѣдь круговая порука заставляетъ ихъ отвѣчать за несостоятельныхъ членовъ общины. Въ с. Н. Троицкомъ, Днѣпровскаго уѣзда, «жители котораго занимались больше скотоводствомъ, нежели хлѣбопашествомъ, и многіе бросали землю и уходили на сторону, первый передѣлъ по наличнымъ душамъ въ 1878 году имѣлъ цѣлью распредѣленіе убылыхъ душъ и избавленіе общества отъ платежа за нихъ; слѣдующій передѣлъ по наличнымъ же душамъ въ 1884 г., произведенъ съ цѣлью устраненія отъ пользованія землей лицъ, причисленныхъ къ обществу безъ надѣла, но захватившихъ мірскія угодья». Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ «стремленіе крестьянъ распредѣлить недоимки на новыхъ основаніяхъ между платежными силами всюду служило почти главнымъ регуляторомъ при передѣлахъ земли» [1]).

---

[1]) „Гдѣ имѣются болѣе полныя данныя, тамъ представляется возможность сдѣлать заключеніе, что обращеніе четвертной земли въ общинную совершается въ разныхъ мѣстностяхъ далеко не равномѣрно. Такъ, слѣдующіе уѣзды съ широкимъ развитіемъ четвертнаго землевладѣнія характеризуются въ то же время и его устойчивостью. Въ Тимскомъ уѣздѣ, гдѣ четвертные крестьяне составляютъ три четверти населенія, а остальная четверть почти сплошь занята крестьянами бывшими помѣщичьими, отъ подворнаго къ общинному владѣнію перешло всего три общества... Въ Курскомъ уѣздѣ, гдѣ число обществъ, владѣющихъ землей на четвертномъ правѣ, достигаетъ 162, къ общинѣ перешло всего три общества четвертныхъ крестьянъ; въ Корочанскомъ уѣздѣ крестьянъ частью или всецѣло четвертныхъ насчитывается болѣе 50 обществъ, переходъ отъ четвертной на души извѣстенъ для 4 обществъ... въ Щигровскомъ уѣздѣ въ четвертномъ владѣніи состоитъ земля у 82 обществъ, переходъ же отъ четвертнаго владѣнія къ душевому извѣстенъ для 9 общинъ государственныхъ крестьянъ; въ Мценскомъ уѣздѣ изъ 72 обществъ четвертныхъ крестьянъ къ душевому владѣнію перешла одна деревня „Нечаевка“ и т. д. *Крестьянская община стр. 27—28.*

[2]) «Крестьянская община«, стр. 58.

---

[1]) «Крестьянская община», стр. 148—150.

Въ селѣ Таловкѣ, Соломатинской волости, Камышинскаго у. «раньше землей владѣли по числу ревизскихъ душъ... Выморочныя души переходили къ обществу, которое, если находило нужнымъ, отдавало ихъ въ другія семьи. Вслѣдствіе накопленія недоимокъ въ 1881 г. земля была передѣлена на новое число душъ» (Сборникъ Статист. Свѣдѣній по Сарат. губ. Томъ XI, Камышинскій уѣздъ, Саратовъ, 1891 г. Отд. III, стр. 305). Накопленіе недоимокъ очень часто побуждаетъ крестьянъ къ передѣламъ. Но иногда оно же и затрудняетъ передѣлы. Въ хуторѣ Чижовомъ, Красноярской волости, того же уѣзда «лѣтъ уже десять, какъ складка и накладка по силѣ домохозяевъ прекратилась... рѣшено подѣлить землю на число наличныхъ душъ, передѣлъ отложенъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ уплачены недоимки, которыя общество затрудняется распредѣлить на новое число душъ» (тамъ же, Во всѣхъ такихъ случаяхъ—а ихъ можно было бы указать еще великое множество—среднеземельнымъ крестьянамъ, чтобы высказаться за передѣлъ, не было рѣшительно никакой надобности ни въ «альтруистическихъ побужденіяхъ», ни въ стремленіи «къ общинѣ, какъ къ формѣ быта» [1].

Допуская, что не вызываютъ никакихъ сомнѣній тѣ вычисленія, по которымъ въ выигрышѣ отъ передѣла остается съ небольшимъ половина домохозяевъ, несомнѣнно, что эта *«съ небольшимъ половина»* есть *среднее число*, т. е. своего рода *абстракція*. Въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствительность очень отклоняется отъ этой абстракціи: часто отъ передѣла выигрываетъ гораздо большая часть домохозяевъ, которая цѣликомъ и стоитъ за него помимо

стр. 258). »Д. Бирюковка, Посельской волости (Хвал. уѣзда) не считаетъ возможнымъ перейти къ наличнымъ душамъ ранѣе какъ черезъ 5 лѣтъ, когда покроются всѣ недоимки... Та же причина удерживаетъ отъ передѣла Телятниковскую общину Баранов. вол. Прошлый годъ просили старшину дозволить передѣлъ, а онъ сказалъ: «погодите еще успѣете». Въ будущемъ году надѣются набрать двѣ трети голосовъ за передѣлъ, но сначала хотятъ покрыть недоимку» (Сборникъ Статист. Свѣдѣній по Сар. губ. томъ V, Хвалынскій уѣздъ. Саратовъ, 1886 г.. стр. 26). Одна и та же причина приводитъ къ діаметрально противоположнымъ слѣдствіямъ. Изъ этого видно, какъ легко ошибиться, вдаваясь въ огульныя сужденія о современной русской крестьянской жизни, особенно при склонности переносить въ область «народнаго духа» такія причины явленій, которыя коренятся исключительно въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

[1]) Иногда—совсѣмъ напротивъ. Въ с. Рубановкѣ, Мелитопольскаго уѣзда, въ 1869 г.. *по совѣту начальства*, крестьяне, прежде владѣвшіе землею по праву перваго захвата, подѣлили землю на ревизскія души, чтобы избѣжать накопленія недоимокъ и *дать возможность бѣднякамъ сдавать свои надѣлы за арендную плату*. Подобные же мотивы побудили къ передѣлу и юзкуйскую общину въ 1842 г. (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Таврической губерніи, томъ I, вып. II, часть II, стр. 49). Въ этомъ случаѣ среднеземельные могли высказываться за передѣлъ съ заднею мыслью вознаградить себя арендой надѣльныхъ земель. Кромѣ того, среднеземельныя семьи, уже достигшія предѣла рождаемости и разсчитывающія въ будущемъ не на увеличеніе, а на уменьшеніе числа своихъ душъ, естественно будутъ *противъ передѣловъ*; тѣ же среднеземельныя семьи, которыя разсчитываютъ на увеличеніе числа душъ, выскажутся *за нихъ*. Слѣдовательно отношеніе «къ общинѣ, какъ къ формѣ быта», здѣсь будетъ опредѣляться простымъ расчетомъ выгоды.

всякаго «стремленія къ общинѣ» и пр. Когда г. Воронцовъ встрѣчается съ такими случаями, онъ, помня лишь отвлеченное среднее число, не можетъ объяснить ихъ иначе, какъ «альтруистическими побужденіями» общинниковъ.

Кромѣ того, какъ группируются поземельные интересы въ тѣхъ общинахъ, гдѣ передѣлъ выгоденъ дѣйствительно только «съ небольшимъ половинѣ домохозяевъ»? Противъ него высказывается, очевидно, лишь болѣе или менѣе незначительное меньшинство, такъ какъ часть среднеземельныхъ ничего не выигрываетъ, *но и ничего не проигрываетъ* отъ передѣла. Борьба ведется, значитъ, сторонами очень неравными по численности; но въ такомъ случаѣ, тѣмъ среднеземельнымъ крестьянамъ, которые прямо не заинтересованы въ передѣлѣ, часто окажется выгоднѣе поддержать большинство просто изъ страха какихъ нибудь притѣсненій съ его стороны.

Очень часто многіе крестьяне высказываются за передѣлъ именно потому, что онъ не затрагиваетъ ихъ непосредственныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Въ д. Андреевкѣ, Нижне-Добринской вол., Камышинскаго уѣзда «землю надѣльную всегда разверстывали по рабочей силѣ... впрочемъ, эти правила соблюдаются не строго, потому что обладаніе душевымъ надѣломъ не представляетъ ни большого интереса, ни большого убытка» [1]. Въ этомъ случаѣ среднеземельнымъ крестьянамъ не трудно согласиться на передѣлъ и тѣмъ дать г. Воронцову поводъ къ ихъ идеализаціи. А вотъ крестьянамъ-собственникамъ, бывшимъ г. Хомутовой, въ с. Поповкѣ, того же уѣзда, передѣлъ представляется уже не столь безразличнымъ явленіемъ. «До освобожденія ежегодно дѣлили паровое поле по тягламъ, а каждое (изъ трехъ) поле дѣлилось, слѣдовательно, черезъ два года въ третій. По выходѣ на волю каждое поле тоже дѣлили черезъ два года на третій и, вслѣдствіе тяжести лежащихъ на землѣ платежей, при каждой переверсткѣ производили складку и накладку душъ; складывали души съ умершихъ, съ солдатъ, съ больныхъ и съ несостоятельныхъ, а со стариковъ по усмотрѣнію общества; не складывали иногда даже и съ 70-лѣтнихъ. Накладывали на 15 — 18-лѣтнихъ $^1/_2$ души, 18-лѣтняго—1 душу и на женатаго—$1^1/_2$ души. Теперь, вслѣдствіе пониженія выкупныхъ платежей, «туго даютъ, да почти и вовсе не даютъ земли. Надѣлы солдатъ теперь остаются въ ихъ семьяхъ» [1]. Теперь, при новыхъ условіяхъ, противъ передѣловъ высказываются, вѣроятно, многіе изъ тѣхъ, которые прежде за нихъ стояли. Достаточно было незначительнаго облегченія податной тяготы, чтобы измѣнилось направленіе «народной мысли» .

---

[1] Сборникъ Статист. Свѣдѣній по Сарат. губ. Томъ XI, Отд. III, стр. 234.

Наконецъ, если бы часть крестьянъ высказывалась въ данное время за передѣлы совершенно независимо отъ какихъ нибудь соображеній выгоды, то и это еще ни мало не доказывало бы правильности взгляда г. Воронцова на русскую общину. Мысли, чувства, привычки и склонности людей создаются условіями ихъ жизни. Выросшій въ общинѣ крестьянинъ естественно привыкаетъ къ ней и стоитъ за нее даже тамъ, гдѣ онъ отъ этого ровно ничего не выигрываетъ, а пожалуй даже и теряетъ. Въ этомъ сказывается лишь сила привычки, «die Macht der Tradition», какъ выражается г. Кейслеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи объ общинѣ.

Нерѣдко общинникъ даже и не подозрѣваетъ, что можетъ существовать какой нибудь иной родъ *крестьянскаго* землевладѣнія. Это давно уже констатировали у насъ земскіе статистики, о чемъ съ великой радостью напоминаетъ г. Воронцовъ на стр. 141 своей книги—«Крестьянская община». Но эта неспособность крестьянина хоть на минуту выйти мыслью изъ круга обычныхъ представленій свидѣтельствуетъ лишь объ *ограниченности его міросозерцанія*, а вовсе не о томъ, что его стремленіе къ общинѣ *независимо отъ «внѣшнихъ условій»*. Покойный Орловъ хорошо понималъ это говоря: «воззрѣнія крестьянъ Московской губерніи на мірское землевладѣніе различны. и обусловливаются они главнымъ образомъ хозяйственнымъ положеніемъ общинъ, къ которымъ принадлежатъ высказывающіеся крестьяне, а съ другой стороны разницей въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ дворовъ».

---

[1] Тамъ же, стр. 112—113.

Г. Воронцовъ приводитъ (стр. 142) этотъ выводъ Орлова, не догадываясь, что онъ ниспровергаетъ всѣ его разсужденія о независимой отъ «внѣшнихъ условій» приверженности крестьянъ къ общинѣ, «какъ къ формѣ быта». Еще болѣе противорѣчатъ его положенію слѣдующія слова Орлова: «Въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ не имѣется благопріятныхъ условій для земледѣльческаго хозяйства... *крестьяне средняго состоянія стоятъ за сохраненіе мірскаго владѣнія; крестьяне же крайнихъ состояній, т. е. наиболѣе и наименѣе состоятельные, сочувственно относятся къ замѣнѣ мірскаго владѣнія подворно-наслѣдственнымъ*» [1].

Но это замѣчательное явленіе интересно для насъ не только тѣмъ, что оно показываетъ, до какой степени лишены всякаго основанія славянофильскія разсужденія г. Воронцова. Оно свидѣтельствуетъ также о томъ, что крестьянская мысль *уже покидаетъ у насъ свои старыя привычки, что новыя хозяйственныя условія приводятъ крестьянина къ новымъ взглядамъ на поземельныя отношенія*. Г. Воронцовъ, старовѣрческаго упорства котораго не поколеблютъ никакія «*внѣшнія условія*», никакія перемѣны въ нашемъ народномъ хозяйствѣ, очень кстати позабылъ объ интересномъ свидѣтельствѣ московскаго статистика.

По справедливости надо замѣтить, однако, что не одинъ г. Воронцовъ склоненъ у насъ изображать «стремленіе къ общинѣ» какъ нѣчто независимое отъ «внѣшнихъ условій». Эту склонность раздѣляютъ съ нимъ многіе изслѣдователи народной жизни. Г. Ф. Щербина, указавъ на семь общинъ Воронежскаго уѣзда, замѣчаетъ: «Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что передѣлы земли во всѣхъ семи общинахъ могли произойти при наличности прямыхъ выгодъ не у двухъ третей домохозяевъ. Фактъ, конечно, могущій свидѣтельствовать только о томъ, что крестьяне руководились въ этихъ случаяхъ началомъ справедливости, а не однѣми матеріальными выгодами, и что, поэтому, часть изъ большинства домохозяевъ сознательно поступилась своими интересами въ пользу меньшинства. По крайней мѣрѣ иного объясненія приведеннымъ выше цифрамъ никакъ нельзя дать, не насилуя фактовъ» [1]).

---

[1] См. стр. 289—290 извѣстнаго изслѣдованія его: «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи».

Приведенныя г. Щербиной цифры указываютъ лишь перемѣны, вызванныя передѣломъ въ размѣрахъ участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ. Мы уже знаемъ, что передѣлы могутъ быть выгодны, скажемъ болѣе—необходимы крестьянамъ совершенно независимо отъ этихъ перемѣнъ. Поэтому, мы можемъ сказать, что указанные имъ факты еще ровно ничего не доказываютъ. А если бы и доказывали, то развѣ только одно: силу привычки, «die Macht der Tradition». Какъ велика эта сила, «свидѣтельствуетъ» самъ г. Щербина. «Другой формы владѣнія землей крестьяне, собственно говоря, не понимаютъ даже въ примѣненіи къ своей жизни. На вопросъ о томъ, нѣтъ-ли желающихъ подѣлить подворно земли на вѣчныя времена, крестьяне вмѣсто отвѣта не безъ внутренней тревоги твердятъ обыкновенно: «такъ не полагается», «такъ нельзя», «это—не по русски», «Богъ съ нимъ», «за это насъ дѣти проклянутъ» и проч. и проч. Часто въ отвѣтъ на этотъ вопросъ цѣлые сходы обнаруживаютъ свое недоумѣніе однимъ лишь выразительнымъ: «н-ну?!» Еще чаще приходится повторять десять разъ одно и то же въ разныхъ видахъ и съ различными разъясненіями, пока крестьянинъ не успѣетъ, наконецъ, уловить основной смыслъ понятія о подворномъ землевладѣніи» [2]). Дальше этого некуда идти привычкѣ. Но привычка—ненадежная опора: мы видѣли, что въ Московской губ. она уже въ семидесятыхъ годахъ была совсѣмъ подорвана новыми условіями жизни. Мало того, привычка дѣло обоюдоострое, какъ объ этомъ опять «свидѣтельствуетъ» самъ г. Щербина. «Переходя къ совершившимся уже фактамъ передѣловъ у государственныхъ крестьянъ,—говоритъ онъ—необходимо прежде всего замѣтить, что за исключеніемъ одного Кондрашевскаго поселка, Московской волости, въ которомъ передѣлъ со времени ревизіи произведенъ уже въ третій разъ, въ остальныхъ 56 общинахъ (Воронежск. уѣзда) коренная переверстка угодій является въ первый послѣ ревизіи. Двадцать слишкомъ лѣтъ отсутствія фактовъ этого рода настолько отучили крестьянъ отъ періодическихъ дѣлежей, что послѣдніе оказываются своего рода новинкою для позднѣйшихъ крестьянскихъ поколѣній и, поэтому, въ большинствѣ случаевъ совершены какъ бы въ видѣ опыта, имѣющаго измѣниться и принять вполнѣ законченныя формы только съ теченіемъ времени» [1]). Какъ видите, сила привычки поворачивается теперь отчасти уже *противъ* общиннаго землевладѣнія даже въ земледѣльческой Воронежской губерніи. Со временемъ она, разумѣется, еще больше повернется противъ нея. А это показываетъ, что очень непрочны пріуроченныя къ этой силѣ упованія гг. народниковъ.

---

[1]) Сбор. статист. свѣд. по Воронеж. губ. Т. I. Воронежъ, 1884 г., стр. 72—73.

[2]) Цитир. сборникъ, стр. 86—87.

Въ томъ же самомъ Курскомъ уѣздѣ, гдѣ четвертные крестьяне обнаружили «стремленіе къ общинѣ, какъ къ формѣ быта», государственные и помѣщичьи крестьяне, издавна жившіе при условіяхъ общиннаго владѣнія, обнаружили какъ разъ обратное стремленіе. «Въ Курскомъ уѣздѣ со времени послѣдней ревизіи, въ теченіи 24 лѣтъ, не было не только общихъ коренныхъ передѣловъ, т. е. такихъ, при которыхъ измѣняется все количество единицъ разверстки и каждый домохозяинъ получаетъ по какому либо признаку новое количество этихъ единицъ, въ немъ не было даже такъ называемыхъ свалокъ и навалокъ, т. е. снятія извѣстнаго количества надѣловъ съ однихъ домохозяевъ и навалки ихъ на другихъ. Участки приняли тотъ же характеръ родовой собственности, какъ и у сосѣдей—четвертныхъ владѣльцевъ; мало того, переходъ ихъ по наслѣдству практикуется даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ у четвертниковъ: бездѣтная вдова получаетъ весь надѣлъ мужа и «оправдываетъ» подати, между тѣмъ какъ у четвертныхъ владѣльцевъ вдова ничего не получаетъ. Надѣлы душевыхъ крестьянъ всегда переходятъ къ прямымъ наслѣдникамъ, если ихъ нѣтъ, къ дальнимъ родственникамъ и только въ случаѣ полнѣйшей выморочности земля «поступаетъ на общество», которое сдаетъ ее на пополненіе общественныхъ расходовъ. Въ д. Ломоновой, Рышковской волости, намъ сообщили, что «многіе крестьяне передали свои земли кому хотѣли; нѣкоторые надѣлы перешли къ постороннимъ лицамъ по домашнимъ завѣщаніямъ — міръ ничего подѣлать съ ними не можетъ»; въ заключеніе крестьяне прибавляютъ: «у насъ только начни когда нибудь передѣлы — такое побоище выйдетъ!» [1].

---

[1]) Тамъ же, стр. 75—76.

«Изъ сказаннаго — прибавляютъ изслѣдователи Курск. у.— видно... что поскольку четвертное землевладѣніе утрачивало свой характеръ родовой собственности и пріобрѣтало особенности, характеризующія общинную форму, постольку, наоборотъ, послѣдняя утрачивала въ Курскомъ уѣздѣ этотъ характеръ и самое общинное землевладѣніе представляется далеко не преслѣдующимъ ту точную уравнительность, которая достигается въ общинахъ средней полосы Россіи» [2].

Г. Воронцовъ думаетъ, что у русскихъ крестьянъ слабо развито «чувство личной собственности» [3]. Вообще говоря, это, разумѣется, совсѣмъ не вѣрно. Что касается движимой собственности, то нашъ крестьянинъ стоитъ за нее ровно въ такой же мѣрѣ, какъ и крестьянинъ Западной Европы [4]. Но по отношенію къ землѣ чувство личной собственности мѣстами дѣйствительно «слабо развито» въ немъ, на что существуетъ совершенно достаточная причина: исторія *отучила* его смотрѣть на землю, какъ на объектъ личнаго присвоенія.

---

[1] Сборн. стат. свѣд. по Курской губ., выпускъ первый, стр. 69—70.

[2] Тамъ же, стр. 70—71.

[3] «Крестьянская община», стр. 49.

[4] „Извѣстной дозой кулачества обладаетъ каждый крестьянинъ, за исключеніемъ недоумковъ, да особенно добродушныхъ людей и вообще „карасей“. Каждый мужикъ въ извѣстной степени кулакъ, щука, которая на то и въ морѣ, чтобы карась не дремалъ... Я не разъ указывалъ, что у крестьянъ крайне развитъ индивидуализмъ, эгоизмъ, стремленіе къ эксплуатаціи... каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася“. Энгельгардтъ. „Изъ Деревни“. С.-Петербургъ, 1885. стр. 491.—„Мы, люди деревни, живущіе среди крестьянъ и имѣющіе съ ними постоянныя сношенія, знаемъ, что при нынѣшней степени ихъ развитія и при ихъ нынѣшнихъ этическихъ взглядахъ, развѣ лишь въ весьма рѣдкомъ изъ нихъ нѣтъ «кулака» въ зародышѣ“. И. М. Рева. „*Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство*“. Кіевъ, 1893, стр. 14.

Въ исторіи русскаго крестьянскаго — да и не одного только крестьянскаго—землевладѣнія остается до сихъ поръ не мало темныхъ вопросовъ, разъясненіе которыхъ составитъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашихъ будущихъ историковъ. Но какъ бы ни было ограниченно наше знаніе судебъ русскаго землевладѣнія, уже теперь совершенно несомнѣнно то обстоятельство, что современная наша община съ передѣлами вовсе не есть тотъ остатокъ первобытнаго коммунизма, за который еще недавно принимали ее многіе русскіе и западно-европейскіе писатели. «Учрежденія нашихъ общинъ суть произведенія новаго времени, — говоритъ г. Чичеринъ, заканчивая свою знаменитую статью: «*Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи*»,—и сравнивать ихъ съ патріархальными общинами другихъ народовъ, значитъ отрицать въ насъ историческое развитіе» [1]. Историческіе взгляды, высказанные г. Чичеринымъ въ этой статьѣ, теперь уже во многихъ отношеніяхъ устарѣли, да и въ моментъ ихъ обнародованія они, можетъ быть, не чужды были нѣкоторой тенденціозности. Но окончательный выводъ г. Чичерина неоспоримъ и теперь: *дѣйствительно, нельзя уподоблять нашу современную поземельную общину родовымъ общинамъ первобытныхъ народовъ*; *дѣйствительно, эта община есть продуктъ длиннаго историческаго развитія*, смыслъ котораго давно уже пора понять нашимъ народолюбцамъ.

Разложеніе первобытныхъ кровныхъ союзовъ привело у насъ къ тому, что г-жа А. Ефименко очень удачно назвала *долевой* деревенской организаціей. «Это не было общинное владѣніе, такъ какъ величина участка каждаго деревенскаго совладѣльца опредѣляется наслѣдованіемъ, покупкой и т. п. основаніями, не имѣющими ничего общаго съ тѣми основаніями, которыми теперь опредѣляется право общинника на его долю. Но это не было и подворно-участковое владѣніе, такъ какъ каждый деревенскій совладѣлецъ являлся представителемъ идеальной доли цѣлаго, деревни, всего, «что къ той деревни изстарь потягло». Каждый сосѣдъ, складчикъ, сяберъ въ смыслѣ поземельнаго владѣнія есть только дробь деревенской единицы и ужъ, конечно, еще гораздо дальше отстоитъ отъ современнаго крестьянина-собственника, чѣмъ отъ крестьянина-общинника»[1]. Это былъ чрезвычайно важный переходный моментъ въ развитіи поземельной собственности. «Долевая деревенская организація можетъ быть сочтена за материнскую форму, которая заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой. Отъ постороннихъ вліяній зависѣло, которыя стороны будутъ подхвачены жизненнымъ процессомъ, получатъ питаніе и ростъ, которыя замрутъ. Существеннѣйшимъ изъ такихъ вліяній было то, въ какомъ отношеніи останется крестьянинъ къ своей землѣ. Если онъ сохранитъ на нее право собственности... то неизбѣжное послѣдствіе—разрушеніе деревенской организаціи и возникновеніе участковаго владѣнія, начало котораго мы и видимъ на сѣверѣ въ XVIII вѣкѣ. Если право собственности на землю будетъ отдѣлено отъ земледѣльческаго класса и перейдетъ къ государству или къ другому классу, какъ было въ центрѣ,—тѣ стороны, подъ давленіемъ которыхъ развивалось индивидуальное владѣніе, замрутъ, и получатъ возможность роста и развитія лишь тѣ, которыя будутъ поддерживать коллективность формы»[2].

---

[1] Опыты по исторіи русскаго права. Москва. 1858, стр. 58.

Развитіе «*коллективности формы*» совершенно правильно ставится г-жей Ефименко въ связь съ отдѣленіемъ права собственности отъ земледѣльческаго класса, т. е. говоря проще, съ экспропріаціей этого класса. Но одной экспропріаціи его было еще недостаточно: экспропріація могла бы повести только къ созданію *безземельнаго пролетаріата*. Чтобы вмѣсто такого пролетаріата появился крестьянинъ-общинникъ, надо было лишить земледѣльческій классъ не только права собственности на землю, но также и права собственности на самого себя, т. е. свободы: надо было закрѣпостить его высшимъ классамъ или государству. При этомъ условіи «коллективность формы» не только *могла* возникнуть, но и *возникала* также неизбѣжно, какъ возникала она во всякомъ рабовладѣльческомъ хозяйствѣ, гдѣ ни одна рабочая сила не въ состояніи предъявить права частной собственности на то помѣщеніе и на тѣ орудія труда, которыми она пользовалась и которыя она употребляла въ дѣло съ разрѣшенія и въ интересахъ хозяина. «Коллективныя формы», подобныя нашей общинѣ, являлись всюду, гдѣ по тѣмъ или инымъ историческимъ причинамъ оказывались на лицо оба указанныя нами условія: въ Византіи, въ древнемъ Египтѣ, въ Индіи, въ Китаѣ.

---

[1] Изслѣдованія народной жизни, выпускъ первый, Москва, 1884, стр. 225.

[2] Тамъ же, стр. 225—226.

По мѣрѣ того какъ росли нужды Московскаго государства, земли черносошныхъ крестьянъ, равно какъ и сами эти крестьяне, все болѣе и болѣе превращались въ государственную собственность. Пока много было «порозжихъ», «дикихъ» земель, которыми можно было «довольствовать» безземельныхъ, рѣдко представлялась надобность отрѣзывать «лишнія» земли у тѣхъ крестьянъ, которые издавна владѣли ими. Но по мѣрѣ роста народонаселенія и захвата земель служилымъ сословіемъ и духовенствомъ такая надобность стала встрѣчаться все чаще и чаще. Поэтому уже въ московскомъ періодѣ обнаруживается значительное стремленіе къ тому, что впослѣдствіи названо было,—посредствомъ мѣткаго, хотя и произвольнаго словосочетанія,—*генеральнымъ поравненіемъ*. Уже уложеніе царя Алексѣя Михайловича лишаетъ тяглыхъ людей въ черныхъ сотняхъ и слободахъ всѣхъ правъ поземельной собственности, угрожая имъ жестокимъ наказаніемъ за продажу или залогъ своей земли («а кто черные люди тѣ свои дворы продадутъ или заложатъ, и тѣхъ черныхъ людей за воровство бити кнутомъ»). Но московскій періодъ зналъ только цвѣтики этой поземельной политики: ея ягодки созрѣли въ XVIII столѣтіи. «Казалось, московская формула: «чтобы земля не выходила изъ тягла»—была всеобъемлюща; но это только казалось, говоритъ г-жа Ефименко. На самомъ дѣлѣ масса силъ выскользала изъ подъ нея, выдвигая впереди себя тяглецовъ, которые и расплачивались передъ государствомъ за все про все...

Ревизія (1719 г.) и указъ о введеніи подушной подати (1722 года) ввели, на мѣсто стараго принципа, «чтобы земля не выходила изъ тягла», новый, «чтобы никто не былъ въ избылыхъ», т. е., «чтобы никто не былъ безъ платежа подушной подати»... Но очевидно, что выбираться подать должна была съ той же земли. Правительство это такъ и понимало съ самаго начала» [1]). Подушное распредѣленіе земли сдѣлалось сознательной и неизбѣжной цѣлью его поземельной политики: «Если государство есть настоящій собственникъ тяглой земли, а не крестьянство, если каждая душа должна платить, — естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждою душой возможность платить путемъ надѣленія ея землей» [2]). Знаменитыя межевыя инструкціи совершаютъ цѣлый переворотъ въ крестьянскомъ землевладѣніи. Мѣстами крестьяне настойчиво ходатайствуютъ о «неотъемѣ отъ нихъ старинной ихъ владѣемой земли», ихъ просьбы остаются безъ послѣдствій. Мѣстами они даже возстаютъ «многолюдственно, съ дубьемъ и дреколіемъ»; ихъ сопротивленіе, какъ это понятно само собою, подавляется, имъ «чинятъ нещадное батожьемъ наказаніе», а землю все-таки передѣляютъ сообразно государственнымъ видамъ. Передѣлы земли между крестьянами выходятъ за границы отдѣльныхъ общинъ или даже цѣлыхъ волостей и распространяются, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, на все государство [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 325.

[2]) Тамъ же, стр. 326. Ср. также Кейслера Zur Geschichte und Kritik des Gemeindebesitzesin, Russland I, стр. 106—107 и III, стр. 33. и слѣд.

[3]) Въ 1800 году производившіе ревизію сенаторы докладываютъ сенату, что смоленская казенная палата поступаетъ неправильно, дѣлая разверстку по каждой волости, между тѣмъ какъ ей надо «соблюсти въ предлежащемъ случаѣ по крайней возможности такое правило, чтобы всякій изъ поселянъ казенныхъ, будучи одинаковою повинностью обязанъ, одинаковыя же со стороны земляного пространства и почвы имѣлъ выгоды». В. Якушкинъ, »*Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вѣкѣ*». Москва, 1890, стр. 160.—«Бывшіе до крестьянской реформы 1861 года земскіе управители въ Алтаѣ очень часто собственною властью, по одному словесному распоряженію, даже безъ отмѣтокъ на планахъ, уравнивали селенные надѣлы...». «*Алтай*» Ист. Стат. Сборн. ред. П. Голубева, Томскъ, 1890,

«Генеральное поравненіе» коснулось также и владѣльцевъ четвертныхъ земель. Потомки служилыхъ людей нисшаго разряда, охранявшихъ нѣкогда московскія украйны, владѣльцы эти уже въ царствованіе Петра Великаго были положены въ подушный окладъ и почти совершенно сравнены съ другими крестьянами. Прежде земля давалась имъ на началахъ помѣстнаго права. Но съ теченіемъ времени понятіе о помѣстьѣ, какъ о жалованіи за службу, теряло свое значеніе: помѣстья служилыхъ людей высшихъ разрядовъ мало-по-малу приравнены были къ *вотчинамъ*, помѣстья же «однодворцевъ» сошли на степень крестьянскаго надѣла, который, какъ мы уже знаемъ, признавался собственностью государства. Въ интересахъ казны, государство и здѣсь не перестаетъ заботиться какъ объ «удовольствованіи» владѣльцевъ землею, такъ и о неотчуждаемости ихъ участковъ. Указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 14 августа 1727 г. повелѣваетъ «впредь сего у однодворцевъ, которые по переписи въ поголовный окладъ положены и содержатъ ландмилицкіе полки, дачи ихъ земель, которыми они владѣютъ, никому не покупать и никакимъ образомъ не крѣпить и не записывать, чтобы изъ того въ платежѣ подушныхъ денегъ и въ содержаніи ландмилицкихъ полковъ помѣшательства не было». Инструкція межевщикамъ 1754 года, въ которой цѣлая глава посвящена однодворцамъ, предписываетъ намежевать каждому двору, считая его въ

стр. 28.—Основной мотивъ всѣхъ этихъ мѣропріятій ясно выражается указомъ 19 мая 1769 года, который повелѣваетъ: «Въ случаѣ неуплаты крестьянами въ годовой срокъ подушной недоимки, забирать въ города старостъ и выборныхъ, держать подъ карауломъ, употреблять ихъ въ тяжкія работы безъ платежа заработныхъ денегъ, доколѣ вся недоимка заплачена не будетъ». Г. Заблоцкій-Десятовскій, приведя эготъ «жестокій указъ», замѣчаетъ, что онъ имѣлъ огромныя послѣдствія для экономическаго быта государственныхъ крестьянъ: «онъ уничтожилъ личную отвѣтственность плательщика за подать, ввелъ круговую поруку, обратилъ сельскія свободныя общины въ податныя единицы, а податной системѣ придавалъ значеніе постоянной контрибуціи». (*Графъ П. Д. Киселевъ и его время.* С.-Петербургъ, 1882, т. 2-й, стр. 30). На счетъ свободы сельскихъ общинъ мы замѣтимъ, что она и прежде была очень ограничена. Но то несомнѣнно, что указъ 19 мая далъ сильный «толчокъ» развитію нашей общины.

четыре души, по десяти четвертей въ полѣ, на усадьбу и всякія угодья—по 30 дес.,—«и по намѣреніи толикаго числа земли на каждыя четыре души, отмежевать къ слободамъ, селамъ и деревнямъ въ одну окружную межу ото всякаго чина помѣщичьихъ земель особо, а въ той межѣ дѣлить имъ ту землю для содержанія себя по пропорціи, и изъ той общей межи имъ, однодворцамъ, земель своихъ никому, въ силу 1727 г. указа, не продавать и не закладывать и въ наемъ не отдавать, а если кто продастъ или заложитъ, то онымъ купчимъ или закладнымъ недѣйствительнымъ быть». Третій пунктъ той же инструкціи предписываетъ: если въ какомъ селеніи однодворческой земли не хватитъ до указанной пропорціи, а въ другихъ селеніяхъ того же уѣзда окажется излишество, то изъ недостаточныхъ селеній переселять въ изобильныя нужное число однодворцевъ по жребію; а если въ уѣздѣ такихъ лишнихъ земель не оказывается, то о переселеніи въ другія мѣста сноситься съ ландмилицкой украинской канцеляріей. То же подтверждается и инструкціей 1766 г. [1]. Смыслъ этихъ распоряженій очевиденъ. Предписывая однодворцамъ дѣлить отмежеванную имъ землю «для содержанія себя по пропорціи» и указывая, какова должна быть эта «пропорція», государство тѣмъ самымъ объявляло внѣ закона установившееся у четвертныхъ семейно-наслѣдственное владѣніе. Неудивительно, поэтому, если, какъ говоритъ г. Воронцовъ, генеральное межеваніе послужило «толчкомъ» для перехода отъ четвертного владѣнія къ общинному. Удивительно только, что г. Воронцовъ счелъ возможнымъ изобразить этотъ переходъ, какъ слѣдствіе независимой отъ «внѣшнихъ условій» эволюціи народной мысли. Нечего сказать, хороша независимость! Саратовскіе статистики поняли это интересное явленіе гораздо лучше, чѣмъ нашъ трудолюбивый, но мало сообразительный теоретикъ народничества.

Вотъ, напр., что читаемъ мы въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Хвалынскому уѣзду (рѣчь идетъ о бывшихъ служилыхъ татарахъ, нѣкогда владѣвшихъ землею на основѣ подворно-семейнаго права).

---

[1] В. Якушкинъ. Цитированное сочиненіе, стр. 106 и 163.

«Генеральное межеванiе 1798 г. обмежевало земли татаръ отъ казны и сосѣднихъ владѣльцевъ по душамъ пятой ревизiи, опредѣливъ на каждую 15 десятинъ, а всю остальную землю подъ названiемъ «примѣрной» оставило при тѣхъ же селенiяхъ, гдѣ она и была. Этотъ актъ имѣлъ огромное значенiе. Во-первыхъ, онъ ввелъ, вмѣсто подворнаго наслѣдственнаго владѣнiя съ четвертями разной мѣры, общинное, уравнительное по числу душъ ревизiи, во-вторыхъ, отвергъ помѣстный характеръ жалованныхъ земель, признавъ ихъ казенно-общественными... Естественные результаты генеральнаго межеванiя обнаружились весьма скоро. Казенная палата стала распоряжаться четвертными землями, какъ казенно-общественными, а не какъ помѣстными. Она стала отмежевывать *примѣрныя* земли въ видѣ *излишнихъ* отъ однихъ татарскихъ селенiй къ дачамъ тѣхъ селенiй, у которыхъ не хватало до указанной 15-десятинной пропорцiи на ревизскую душу» [1]).

Кажется ясно? Обративъ бывшихъ служилыхъ людей въ податное сословiе, государство обращаетъ въ свою собственность ихъ земли, съ которыми оно и обращается затѣмъ по своему усмотрѣнiю, имѣя въ виду прежде всего интересы своего казначейства.

Г. Воронцовъ старательно оттѣняетъ ту гармонiю, которая обнаружилась въ этомъ случаѣ между видами государства, съ одной стороны, и пресловутыми народными идеалами — съ другой. По его словамъ, «успѣхъ правительственной агитацiи (подразумѣвается та агитацiя въ пользу общиннаго землевладѣнiя, которую вели впослѣдствiи чиновники *графа Киселева*)... имѣвшей результатомъ превращенiе въ теченiе года сотенъ тысячъ десятинъ земли изъ частнаго владѣнiя въ общинное, конечно, можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что само населенiе стремилось къ тому же, и что предложенiе правительства совпало съ мыслью большинства. Дѣлая свое предложенiе, правительство не вносило въ сознанiе крестьянъ новой идеи, а, такъ сказать, заявляло сторонникамъ уравненiя, что въ ихъ борьбѣ съ противниками оно будетъ на ихъ сторонѣ» [2]).

---

[1]) См. стр. 7—8 названнаго сборника.

[2]) «Крестьянская община», стр. 33.

Эта гармонія сводится къ слѣдующему.

Уже ко времени генеральнаго межеванія нѣкоторые изъ четвертныхъ владѣльцевъ были, вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ и продажи своихъ участковъ, частью почти совсѣмъ обезземелены, частью сильно стѣснены. Сравнительно большой надѣлъ, обѣщанный имъ правительственными указами, являлся для нихъ желаннымъ выходомъ изъ тяжелаго экономическаго положенія. Поэтому они обрадовались этимъ указамъ, увидя въ нихъ желаніе правительства прійти къ нимъ на помощь. Хвалынскіе четвертные татары [1]) немедленно—и очень наивно—изъявили *«желаніе на рѣшеніе въ надѣленіи ихъ землею»* (назв. сбор стр. 8). Само собою понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство въ состояніи было исполнить это «желаніе на рѣшеніе въ надѣленіи», малоземельные четвертные владѣльцы радостно привѣтствовали новый порядокъ вещей: онъ приносилъ имъ прямую, очевидную выгоду. Но за то тамъ, гдѣ по недостатку земель, надѣлы четвертныхъ не могли быть увеличены до обѣщанной «пропорціи», и гдѣ, слѣдовательно, ожидавшееся четвертными владѣльцами «надѣленіе» землею не состоялось, они были сильно разочарованы, и когда, въ началѣ 19-го вѣка, казенныя палаты, продолжая «правительственную агитацію» предлагали имъ перейти къ душевой разверсткѣ, они уже гораздо чаще давали отрицательный отвѣтъ. Въ Сарат. г. Хвал. и Кузн. уу. нѣкоторыя татарскія деревни, какъ, напр., Могилки, Демина, Сулеймановка и друг. поголовно отказались отъ уравнительнаго раздѣла земель и всецѣло остались при четвертномъ владѣніи безъ всякой перемѣны; въ другихъ деревняхъ въ пользу общины высказались лишь малоземельные четвертные владѣльцы [2]). «Широкодачники» рѣшительно протестовали теперь противъ нея. И это понятно. Первоначально широкодачники могли вмѣстѣ съ малоземельными выражать свое «желаніе на рѣшеніе въ надѣленіи», полагая, что правительство лишь приведетъ дачи бѣдняковъ къ 15-ти-десятинной нормѣ прирѣзкой къ нимъ незанятыхъ казенныхъ земель. А когда они увидѣли, что «рѣшеніе въ надѣленіи» означаетъ уменьшеніе размѣровъ ихъ собственныхъ участковъ, они возстали противъ него, какъ противъ вопіющей несправедливости. Тамъ, гдѣ планъ правительства осуществленъ былъ вопреки ихъ сопротивленію, они, мѣстами, и до сихъ поръ не могутъ забыть нанесенной имъ обиды.

---

[1]) Т. е. собственно малоземельные, имѣвшіе меньше обѣщанныхъ 15 дес. на душу.

[2]) «*Сарат. Дневникъ*», 1886 года № 50, статья г. Чекалина, цитировано въ „Сборн. статист. свѣд. по Кузнецкому уѣзду“, стр. 95.

Даже тамъ, гдѣ переходъ къ общинному землевладѣнію и не состоялся, бывшіе четвертные владѣльцы, сохранившіе память о своихъ старыхъ привилегіяхъ, негодуютъ на обращеніе ихъ въ податное сословіе. Такъ, напр., «въ настоящее время могилковскіе татары считаютъ попранными свои законныя права... Къ общинному владѣнію и связанной съ нимъ круговой порукѣ татары относятся крайне враждебно и, наоборотъ, очень дорожатъ своимъ четвертнымъ земельнымъ устройствомъ, съ которымъ для нихъ связаны представленія о старинныхъ привилегіяхъ и надежды на возобновленіе этихъ привилегій въ будущемъ» [1].

Г. Воронцовъ изображаетъ ходъ этихъ событій примѣнительно къ вышеуказанной, любезной ему гармоніи. У него выходитъ, какъ мы знаемъ, что въ концѣ прошлаго вѣка идея перехода отъ четвертного владѣнія къ общинному «недостаточно еще назрѣла въ массѣ населенія», и поэтому онъ совершается тогда лишь въ небольшомъ числѣ поселеній. Для своего дальнѣйшаго «назрѣванія» идея эта нуждалась въ новыхъ «толчкахъ» со стороны государства, которые, къ счастью для Россіи, и были даны ей сначала графомъ Киселевымъ, а потомъ спеціальнымъ размежеваніемъ послѣднихъ десятилѣтій.

Извѣстное латинское изреченіе гласитъ, что книги имѣютъ свою судьбу. Имѣютъ свою судьбу и государственные дѣятели. Судьба покойнаго графа П. Д. Киселева замѣчательна тѣмъ, что онъ, прекрасно понятый и оцѣненный императоромъ Николаемъ I, былъ совершенно непонятъ какъ своимъ преемникомъ, графомъ Муравьевымъ, такъ и нашей народолюбивой «интеллигенціей». У этой послѣдней вошло въ обычай превозносить бывшаго министра государственныхъ имуществъ не за то, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ для государства, а за то, что онъ является въ *ея воображеніи* какимъ-то *предтечей народничества.* Даже г. Семевскій, отъ котораго, какъ отъ мужа науки, можно было бы ожидать болѣе осмотрительнаго и вдумчиваго отношенія къ предмету, изображаетъ Киселева чуть не Гракхомъ. Нечего и говорить, что такое изображеніе ни мало не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что оно, *навѣрное,* вызвало бы справедливо-негодующее изумленіе въ самомъ Павлѣ Дмитріевичѣ. Какъ мало похожи были взгляды графа на «идеалы» гг. народниковъ, показываетъ его записка о *«мѣрахъ къ усиленію дѣйствія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ»* (дѣлаемъ выписки по книгѣ самого г. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 37—38).

---

[1] «Сборн. статист. свѣд. по Кузнецкому уѣзду», отдѣлъ III, стр. 13.

«Въ Англіи, Ирландіи и нѣкоторыхъ частяхъ Италіи, подобно тому, какъ у насъ въ остзейскихъ губерніяхъ, съ освобожденіемъ крестьянъ земли остались въ полномъ и неограниченномъ распоряженіи дворянства; крестьяне, за малымъ исключеніемъ кортомщиковъ или фермарей, сдѣлались вольными поденщиками, т. е. бобылями: положеніе опасное при всякомъ недостаткѣ выгодной работы для бобылей и особенно при неурожаѣ или внутреннихъ замѣшательствахъ, гдѣ люди, неимѣющіе осѣдлости, обыкновенно бываютъ орудіемъ злоумышленныхъ дѣйствій. Во Франціи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи крестьяне вмѣстѣ со свободою получили прежнія крестьянскія поля, а помѣщикамъ оставлены одни господскія запашки. Въ Пруссіи земли также раздѣлены между помѣщиками и крестьянами. Симъ распоряженіемъ, во-первыхъ, нарушены права собственности дворянства, во-вторыхъ, ослаблена самостоятельность высшаго государственнаго сословія и черезъ то уничтожена важнѣйшая нравственная сила, черезъ которую верховная власть дѣйствовала на народъ, и, въ третьихъ, по праву вотчинной собственности привлечена къ участію въ важнѣйшихъ предметахъ государственнаго управленія масса народа, которая силою необузданнаго большинства ниспровергаетъ равновѣсіе въ частяхъ и колеблетъ порядокъ государственнаго устройства». «Система Франціи, Швейцаріи, нѣкоторыхъ частей Германіи и Пруссіи, утвердившая за крестьянами право вотчинничества, основанная на началахъ демократіи и порожденная политическими переворотами, должна быть чужда всякаго примѣненія къ Россіи». Въ Россіи нужно поставить «крестьянъ на приличную для нихъ степень свободныхъ или обязанныхъ земледѣльцевъ», но не слѣдуетъ давать имъ «права, принадлежащія одному только дворянству».

Эти взгляды Киселевъ высказалъ въ то время, когда онъ уже былъ министромъ государственныхъ имуществъ, т. е. когда онъ могъ, сообразно съ ними, оказывать сильное вліяніе на поземельные порядки государственныхъ крестьянъ. Крестьяне этого разряда были, какъ мы уже знаемъ, *закрѣпощены государству*, которое и обращалось съ ними, какъ помѣщикъ обращался со своими крѣпостными [1]). Помѣщикъ заботился о томъ, чтобы своевременно «использовать» всякую новую рабочую силу, выросшую въ его деревнѣ: какъ только крѣпостной крестьянинъ приходилъ въ надлежащій возрастъ, его женили и «сажали на тягло», т. е. ему давали извѣстный надѣлъ, налагая на него извѣстныя обязанности. Подобное же тягло налагало на каждаго изъ *своихъ* крестьянъ и государство. Періодически происходившія ревизіи имѣли цѣлью именно приведеніе въ извѣстность того числа крестьянъ, которое въ данное время можно было «использовать». Занявъ постъ министра государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ ни на іоту не отступилъ отъ этой экономической политики. Но онъ держался ея строже, онъ проводилъ ее послѣдовательнѣе, чѣмъ это дѣлалось когда-либо прежде. Въ этомъ и заключается главная отличительная черта его дѣятельности, какъ министра государственныхъ имуществъ.

Ко времени назначенія его министромъ, на казенныхъ крестьянахъ накопилось множество недоимокъ [1]. Это было, разумѣется, очень неудобно, и императоръ Николай I указалъ на необходимость «твердыхъ правилъ къ постоянному платежу податей». Чтобы положить конецъ непріятному положенію дѣлъ, Киселевъ рѣшился аттаковать зло въ его источникѣ, а источникомъ зла явилась, по крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстностяхъ, недостаточность крестьянскихъ надѣловъ. Графъ нашелъ, что на каждую казенную ревизскую душу должно быть отведено отъ 8 (въ «малоземельныхъ») до 15 (во «многоземельныхъ» губерніяхъ) десятинъ земли. Въ дѣйствительности эта мѣра никогда не была осуществлена даже съ приблизительною точностью, но вѣрно то, что всюду, гдѣ было приступлено къ ея осуществленію, она послужила сильнымъ «толчкомъ» къ переходу крестьянскихъ земель изъ однѣхъ рукъ въ другія. У крестьянъ, какъ государственныхъ, такъ и четвертныхъ и удѣльныхъ, до сихъ поръ сохранилось довольно живое воспоминаніе объ этомъ «толчкѣ». Вотъ примѣры.

---

[1]) „Смотря по тому, на чьей землѣ находились крестьяне: на казенной (государственной). удѣльной (принадлежавшей Императорской Фамиліи) или помѣщичьей (принадлежавшей дворяннамъ),—крестьяне назывались государственными, удѣльными или помѣщичьими. До 19-го февраля 1861 года всѣ крестьяне были крѣпостными (т. е. находились въ крѣпостной зависимости или во владѣніи) государства, удѣловъ (управленіи имѣніями Императорскаго Дома) или помѣщиковъ-дворянъ». *«Сельское и лѣсное хозяйство Россіи»*, изданіе Департамента Земледѣлія Сельской Промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ. С.-Петербургъ, 1893, стр. 55.

Деревня Ушаковка, Золотовской волости, Камышинскаго уѣзда. «До 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія «пахали вольницу»; къ этому времени сложилось довольно устойчивое подворно-участковое землевладѣніе, на что указываютъ сохранившіяся до сего времени названія частей пашни по прозваньямъ ихъ владѣльцевъ: Шишкина пашня, Мозолевъ хуторъ и пр Къ душевому владѣнію перешли по настоянію властей, вѣроятно, одновременно съ переходомъ въ удѣлъ, когда ихъ заставили раздѣлить пашни на три поля и нарѣзать ихъ на десятины. Распоряженіе это встрѣтило сильное сопротивленіе, окончившееся ссылкой нѣсколькихъ человѣкъ въ Сибирь» [2].

«При переходѣ отъ четверти на души д. Заломской, Булановск. волости, Новооскольскаго уѣзда (въ концѣ 50-хъ годовъ), начальство, въ лицѣ окружнаго, по словамъ крестьянъ, дѣятельно способствовало этому переходу въ виду того, что душевое владѣніе подчиняло крестьянъ закону о круговой порукѣ въ платежѣ податей...» Въ «Бѣлгородскомъ уѣздѣ, с. Наумовка, Толоконской волости, перешло на души послѣ X ревизіи при размежеваніи, подъ вліяніемъ, съ одной стороны требованія малоземельныхъ, а съ другой—настоянія начальства, руководствовавшагося тѣмъ, что при введеніи общиннаго владѣнія съ общества можно будетъ по круговой порукѣ взыскать недоимку, въ большихъ суммахъ накопившуюся за нѣкоторыми домохозяевами. Крестьяне с. Черная Поляна, Старогородской волости, въ концѣ 50-хъ годовъ подѣлили было землю на души, при поддержкѣ окружнаго начальства, но когда узнали, что для перехода требуется согласіе $^2/_3$ хозяевъ, а большинство, желавшее уравненія, не достигало этой цифры, то вернулись къ четвертному владѣнію» [1]. Въ Обоянскомъ уѣздѣ *по единогласному отзыву крестьянъ*, «община создана или прямо и непосредственно правительствомъ, или же при его иниціативѣ и при его болѣе или менѣе активномъ участіи». Время этого «созданія» относится къ 1839—1840 г., когда по уѣзду разъѣзжали чиновники, предлагавшіе крестьянамъ передѣлить ихъ подворные четвертные участки по ревизскимъ душамъ. Эта «агитація» вызвала чрезвычайно сильное волненіе между крестьянами. Если министерство государственныхъ имуществъ руководилось тѣмъ соображеніемъ, что переходъ на души равносиленъ былъ добровольному принятію крестьянами на себя значительныхъ платежей, отъ которыхъ были свободны четвертные владѣльцы, то малоземельные хозяева надѣялись поживиться на счетъ болѣе зажиточныхъ семей, съ своей стороны, всѣми силами противодѣйствовавшихъ этимъ планамъ добрыхъ сосѣдей. Дѣло не разъ доходило до открытаго сопротивленія властямъ со всѣми его послѣдствіями. Въ большинствѣ случаевъ непокорные должны были смириться, но иногда имъ, сверхъ чаянія, удавалось «отхлопотать свою землю отъ *душевого* передѣла».

---

[1] Несмотря на то, что въ 1814 году сложено было со счетовъ недоимокъ 30 милл. руб. асс. и съ 1826 по 1836 г. на 17 милл. руб., къ 1 января 1838 года въ недоимкѣ оставалось 64 милл. руб.“. Л. Ходскій. «Земля и Земледѣлецъ», С.-Петербургъ, 1891 г., т. II, стр. 143.

[2] Сб. ст. св. по Камыш. у., отд. III, стр. 59.

Графъ Киселевъ былъ лучшимъ представителемъ той поземельной политики, которая подсказывалась московской и потомъ петербургской Россіи отсталымъ состояніемъ ея производительныхъ силъ и неотложными нуждами государственнаго управленія.

---

[1] «Крестьянская община», стр. 34.

При тогдашнемъ экономическомъ положенія Россіи нужды эти не могли быть удовлетворены иначе, какъ посредствомъ превращенія въ несвободныхъ тяглыхъ людей всѣхъ производителей. Но какъ ни разумна была, *при указанныхъ условіяхъ*, эта экономическая политика, она въ послѣднемъ счетѣ, привела къ результатамъ, идеализировать которые въ высшей степени странно. Она поставила землевладѣльца въ то самое положеніе, въ какомъ мы видимъ его, напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ [1], и въ концѣ концовъ превратилась въ *сильнѣйшее препятствіе для развитія тѣхъ самыхъ производительныхъ силъ, отъ недостатка которыхъ издавна страдало русское государство.* Теперь она уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть продолжаема, *и чѣмъ скорѣе она будетъ устранена, тѣмъ болѣе выиграетъ и народное, и государственное хозяйство.* Всякія колебанія въ этомъ отношеніи — *а ихъ до сихъ поръ было слишкомъ много* — только усилятъ то тяжелое, даже прямо невыносимое положеніе, въ которомъ находится теперь русскій производитель и въ которомъ онъ, оставаясь по прежнему несвободнымъ и беззащитнымъ тяглецомъ, «государевымъ сиротою», страдаетъ одновременно и отъ существенныхъ неудобствъ старой экономической политики и отъ дурныхъ сторонъ новаго, пореформеннаго хозяйства. Нужно много наивности и много «интеллигентной» беззаботности на счетъ народныхъ интересовъ, чтобы, подобно г. Воронцову, строить утопіи на почвѣ идеализаціи нашей старой поземельной политики. *Что было, то быльемъ поросло, а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому!*

Въ ноябрьской книжкѣ «Новаго Слова», въ статьѣ: «*По поводу внутреннихъ вопросовъ*», г. С. К., жалуясь на современное состояніе русской литературы, между прочимъ говоритъ:

«Вотъ статьи противъ народниковъ, напоминающія прежнія статьи западниковъ противъ славянофиловъ и не желающія знать, что народничеству не меньше ихъ авторовъ близки всѣ положительныя стороны и идеалы европейской жизни» (стр. 191).

---

[1] См. Масперо: Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique, Paris, 1872.

Мы не имѣемъ удовольствія знать, какіе идеалы «близки» г. С. К., но, что касается гг. народниковъ вообще, то нельзя не видѣть, что идеалы восточной жизни имъ гораздо ближе, чѣмъ идеалы Европы, и что единственное названіе, приличествующее имъ въ настоящее время, это—названіе *восточниковъ*.

Но возвратимся къ русской общинѣ.

Что крестьянинъ, въ теченіе долгаго времени испытывавшій на себѣ вліяніе указанной поземельной политики, постепенно приспособилъ къ ней свои взгляды на землевладѣніе, въ этомъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго: было бы удивительно, если бы не произошло такого приспособленія. Но видѣть въ немъ результатъ независимаго отъ внѣшнихъ условій движенія народной мысли, значитъ ровно ничего не понимать въ психологіи русскаго народа.

Накладывая тягло на крестьянина, государство говорило ему: вотъ тебѣ земля, которая дастъ тебѣ возможность исполнять мои требованія. Извѣстно, что крестьянинъ часто искалъ въ бѣгствѣ спасенія и отъ земли, и отъ требованій. Но когда бѣгство было невозможно или неудобно, когда, волей-неволей, приходилось исполнять требованія, онъ естественно желалъ, чтобы имъ соотвѣтствовалъ извѣстный поземельный надѣлъ. Малоземельный крестьянинъ просилъ за свою «службу» земли, нисколько не заботясь о томъ, откуда возьметъ «казна» эту землю: отрѣжетъ-ли она ее отъ участковъ «широкодачниковъ», или отъ своихъ собственныхъ владѣній. Совершенно такъ же помѣщичій крестьянинъ просилъ земли у бурмистра или старосты, сажавшаго его на тягло.

Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, во многихъ губерніяхъ началось между крестьянами движеніе въ пользу коренныхъ передѣловъ общинныхъ земель, однимъ изъ главныхъ доводовъ, выдвигавшихся сторонниками «равненія» была ссылка на то обстоятельство, что сельская молодежь пошла въ военную службу, не получивъ, однако, никакого надѣла (извѣстно, что у государственныхъ крестьянъ передѣловъ не было въ большинствѣ случаевъ со времени послѣдней ревизіи [1]). Здѣсь ясно вы-

---

[1] «Въ настоящее время большинство крестьянъ (государ. Славяно-

Въ крѣпостной общинѣ передѣлы совершались по волѣ помѣщика. Выражаясь словами г. Воронцова, мы можемъ сказать, что при крѣпостномъ правѣ господствовалъ принципъ помѣщичьяго регулированія періодическаго перераспредѣленія земли. Но и при крѣпостномъ правѣ передѣлы совершались иногда по почину крестьянъ, какъ въ этомъ могутъ убѣдить г. Воронцова случаи, указываемые г. Семеновымъ, котораго онъ же цититуетъ на стр. 58—60 своей книги. Изъ словъ г. Семенова видно, что «свободная инииціатива общины» проявлялась тогда, когда особенно давало себя чувствовать «неудовлетворительное положеніе» нѣкоторыхъ тяголъ, а помѣщикъ почему-либо медлилъ предписать передѣлъ. При этомъ «начало свободной инииціативы общины» всегда стояло въ совершенно подчиненномъ отношеніи къ принципу помѣщичьяго регулированія. Крестьяне не считали себя въ правѣ совершить самовольный передѣлъ; они просили на него позволенія у помѣщика. Совершенно то же видимъ мы въ передѣлахъ, совершавшихся въ теченіи прошлаго десятилѣтія и давшихъ г. Воронцову поводъ *сочинить* «эволюцію» народной мысли. Почувствовавъ нужду въ передѣлѣ, крестьяне долго не рѣшаются приступить къ нему безъ «царскаго указа». Они съ нетерпѣніемъ ждутъ новой ревизіи, чтобы распредѣлить землю по наличнымъ душамъ, которыя будутъ записаны въ новыхъ ревизскихъ сказкахъ.

Но такъ какъ ревизіи все нѣтъ и нѣтъ, а нужда въ передѣлѣ сказывается все сильнѣе, то самыя смѣлыя или наиболѣе понукаемыя нуждою общины рѣшаются, наконецъ, совершить его «*самовольно*». Видя, что подобное «самовольство» не влечетъ за собою никакого возмездія со стороны начальства, сосѣднія общины также приступаютъ къ передѣлу, и разъ начавшееся движеніе усиливается. Въ настоящее время есть уѣзды, гдѣ «самовольныя ревизіи» произошли, за малыми исключеніями, повсемѣстно. Иногда новый передѣлъ совершался на опредѣленный срокъ, а иногда крестьяне формально оговаривались, что новое распредѣленіе земли *должно оставаться въ силѣ до казенной ревизіи, до ожидаемаго указа.* «Начало свободной инииціативы общины» громко заявляло, такимъ образомъ, о своемъ подчиненіи «принципу государственнаго регулированія». Это знакомое намъ дореформенное отношеніе.

Что, совершая передѣлы, крестьяне вовсе не думали посягать на «принципъ государственнаго регулированія», доказываютъ очень многіе факты.

Въ селѣ Митякинѣ Руднянской волости *Камышинскаго* уѣзда крестьяне въ 1886 году «передѣлили землю отчасти «по предписанію» исправника и отчасти потому, что семейный составъ не соотвѣтствовалъ ревизскимъ душамъ» [1]. Въ *Хвалынскомъ* уѣздѣ первый передѣлъ у государственныхъ крестьянъ произошелъ въ 1881 году въ деревнѣ Дубовомъ Гаѣ, гдѣ «по совѣту мѣстнаго предводителя дворянства, В. В. Безобразова, крестьяне раздѣлили... земли на наличныя души» [2]. Въ *Мелитопольскомъ* уѣздѣ движеніе въ пользу передѣловъ очень усилилось послѣ того, какъ мировые посредники на вопросъ крестьянъ, какъ владѣть землей, отвѣчали: хотите—по дворамъ владѣйте, хотите—по ревизскимъ душамъ; хоть по наличнымъ, хоть на бабъ, хоть на скотъ дѣлите. Въ *Славяносербскомъ* уѣздѣ въ с. Первозвановскомъ передача неревизскимъ подросткамъ надѣловъ умершихъ ревизскихъ душъ совершилась по внушенію непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ [3]. Въ... но, кажется, нѣтъ надобности приводить новые примѣры. Дѣло ясно какъ день. Въ передѣлахъ новѣйшаго времени сказалась не «эволюція» народной мысли, а вѣрность ея старымъ преданіямъ.

По мнѣнію г. Воронцова, «сущность процесса, совершавшагося до послѣднихъ лѣтъ среди государственныхъ крестьянъ», состояла не только въ замѣнѣ извѣстнаго «*принципа*» извѣстнымъ «*началомъ*,» но и въ «переходѣ отъ разверстки земли по душамъ мужскаго пола къ болѣе совершеннымъ системамъ» (онъ замѣчаетъ, правда, что этотъ послѣдній переходъ замѣтенъ «*уже*

---

[1] Сборн. стат. свѣд. по Сарат. губ., т. IX, Отд. III, стр. 484.

[2] Сборн. стат. свѣд. по Сарат. губ., т. V, стр. 23.

[3] „Крестьянская община“, стр. 109.

Прежде всего укажемъ на нѣкоторыя общины, въ которыхъ новая разверстка по наличнымъ душамъ не могла состояться. Въ Камышинскомъ у. ко времени изслѣдованія (1886—1887 гг.) изъ 57 общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ къ наличной разверсткѣ перешло лишь 32, т. е. около $56^{0}/_{0}$ общаго числа. Правда, во время изслѣдованія шли толки о передѣлахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ общинахъ, но въ то же время были случаи *возврата* отъ наличной разверстки къ ревизской [1]. Намъ не важно здѣсь знать, сколько еще общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ этого уѣзда перешло къ наличной разверсткѣ: допустимъ, что при ревизской разверсткѣ осталось *только* $10^{0}/_{0}$ общинъ (хотя это и мало вѣроятно). Эти 10 (или сколько ихъ тамъ окажется) процентовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что старый порядокъ крестьянскаго землевладѣнія очень сильно шатается.

---

[1] См. «Сборн. статист. свѣд. по Камышинскому уѣзду», отдѣлъ I. стр. 157. Подобные случаи возврата были, разумѣется, и въ другихъ мѣстахъ. По словамъ г. Постникова въ Новороссіи, «съ 1880 годовъ въ группѣ государственныхъ крестьянъ, перешедшихъ отъ ревизской къ наличной раскладкѣ, начинается попятное движеніе къ ревизской раскладкѣ. Земская статистика зарегистрировала 23 такихъ обратныхъ перехода. Случалось, что одно и тоже селеніе мѣняло въ теченіи десятилѣтія нѣсколько разъ систему своихъ раскладокъ». «Южно-русское крестьянское хозяйство», Москва 1891, стр. 41.

«При первомъ передѣлѣ на наличныя души многія общины удержали тотъ же размѣръ пашни на наличную душу, коимъ владѣла ревизская душа; въ другихъ общинахъ этотъ размѣръ только не много понизился. Достигалось это очень просто, путемъ ряспашки выгона. Но послѣ 2—3 передѣловъ по наличнымъ душамъ, почти весь выгонъ оказался распаханнымъ, приростъ населенія продолжался своимъ чередомъ и наличная душа м. п. дѣлалась владѣльцемъ только $3^{1}/_{2}$—4 дес. земли вмѣсто прежней 8 десятинной пропорціи. Черезъ 15 лѣтъ эти 4 дес. превратятся въ 2, а потомъ въ 1 десятину, на которой можно заниматься садоводствомъ или огородничествомъ; но сѣять хлѣбъ уже нельзя. Это быстрое уничтоженіе толоки, это измельчаніе душеваго надѣла напугало крестьянъ, и 80-ые годы обнаружили анти-общинныя тенденціи. Многія крестьянскія общества стали составлять приговоры о возвратѣ къ старой раскладочной единицѣ—ревизской душѣ. Мало того, большинство общинъ прямо стало стремиться къ выкупу земли и раздѣлу ея на подворно-наслѣдственные участки, т. е. къ полному уничтоженію общиннаго землевладѣнія». Сборн. статист. свѣд. Таврич. губ. Мелитопольскій уѣздъ, стр. 52—53.

Владѣніе надѣльной землей по *старымъ* ревизскимъ душамъ есть, безъ сомнѣнія, тоже *общинное владѣніе*, но уже *совершенно особаго порядка*: при немъ значительная часть сельскаго населенія лишается права на земельный надѣлъ, а общинники-землевладѣльцы являются *привилегированнымъ слоемъ*. Такимъ образомъ, то простое обстоятельство, что часть крестьянъ удерживаетъ ревизскую развертку, наноситъ смертельный ударъ той общинѣ, которую наши народники привыкли считать воплощеніемъ правды и справедливости. *Это Өедотъ, да не тотъ* [1]).

Но и тамъ, гдѣ состоялся переходъ отъ ревизской развертки къ наличной, явленіе это осложнилось многими обстоятельствами, придавшими ему весьма поучительный смыслъ. Такъ напримѣръ, въ слободѣ Слюсаревой, Камышинскаго уѣзда, съ 1883 года развертывали землю по наличнымъ душамъ мужского пола съ 12-ти лѣтняго возраста. Но при этомъ «новое число разверсточныхъ душъ пригонялось къ старому, чтобы на душу доставалось то же количество земли» [2]). *Это опять Өедотъ и опять не тотъ.*

---

[1]) Не надо думать, что наличная разверстка вездѣ практикуется теперь большинствомъ общинъ. Въ Ростовскомъ на Дону уѣздѣ «надѣльныя земли во всѣхъ безъ исключенія русскихъ общинахъ распредѣляются между домохозяевами по числу ревизскихъ душъ, получившихъ надѣлъ». Въ Херсонской губерніи «преобладаютъ въ огромномъ числѣ общины, сохраняющія ревизскую раскладку земли (95% общаго числа), при чемъ большая часть ихъ не производитъ у себя никакихъ ни частныхъ передѣловъ-переверстокъ, ни пережеребьевокъ». Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи въ большинствѣ общинъ «сохраняется пока еще ревизская раскладка» (Постниковъ, цитир. соч., стр. 51, 44 и 42).

[2]) См. цитир. сборникъ, отдѣлъ II, стр. 279.

Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ прежде другихъ возвратилось къ ревизской разверсткѣ с. Ново-Николаевка (Шульговка). «Въ 1873 году шульговцы были увлечены общимъ движеніемъ и подѣлили землю на наличныя души, но уже черезъ 5 лѣтъ они раскаялись въ этомъ и въ 1878 году составили приговоръ о раздѣлѣ земли на старыя ревизскія души. Вслѣдъ затѣмъ Ново-Ивановка въ 1880 году перешла отъ наличныхъ душъ къ ревизскимъ, въ 1881 году—Орлинскъ, въ 1882 году уже 5 общинъ составили приговоръ о переходѣ отъ наличной къ ревизской раскладкѣ (Горѣлое, Кириловка. Ново-Конотоповка, Ново-Поповка, Ново-Успеновка), въ 1883 году—Ефремовка и Пескошенное. Движеніе въ пользу ревизской раскладки охватило цѣлую раскладка [1]). Это въ высшей степени замѣчательный отвѣтъ. Мысль крестьянина, его давшаго, далеко не пропитана «индивидуализмомъ»: въ принципѣ онъ стоитъ за уравнительную раскладку; но земли мало, и онъ вынужденъ признать, что лучше смѣшанная раскладка. Онъ считается съ «внѣшними условіями» и поневолѣ подчиняется имъ.

Г. Постниковъ говоритъ, что фактически общинное землевладѣніе не спасаетъ крестьянъ отъ безземелья. Мы видѣли, что это совершенная правда. Такъ же справедливо и слѣдующее соображеніе того же писателя (стр. 65).

«Не трудно... предвидѣть, что число такихъ крестьянъ, de jure имѣющихъ право на землю, но de facto ею не пользующихся, будетъ постоянно возрастать въ сельскомъ обществѣ. По мѣрѣ дробленія земли и уменьшенія надѣла, приходящагося на домохозяевъ, послѣдніе все болѣе будутъ терять въ валовомъ и чистомъ доходѣ отъ своего земледѣлія. Съ уменьшеніемъ площади хозяйства избытокъ продуктовъ съ нея надъ собственнымъ потребленіемъ и содержаніемъ скота и хозяйственнаго инвентаря можетъ настолько уменьшиться, что онъ не обезпечитъ уже возможности уплаты податей, дастъ крестьянину менѣе того, что онъ можетъ добыть своимъ трудомъ на сторонѣ. Дальнѣйшее веденіе хозяйства станетъ для него невозможнымъ, и, такъ какъ въ собственномъ селѣ спросъ на работниковъ ограниченный, онъ долженъ идти на сторону и, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ лишаться своей надѣльной земли».

Конечно, можно запретить обезземеленіе отсутствующихъ членовъ общины. Но это не поведетъ ни къ чему. Это не устранитъ «*тѣсноты*», существующей въ современной деревнѣ, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣсноты будетъ стремленіе одной части общинниковъ поживиться на счетъ надѣловъ другой части, почему-либо неспособной выдержать все болѣе обостряющуюся борьбу за существованіе. *Прогоните антагонизмъ въ дверь, онъ влетитъ въ окно.*

Г. Воронцовъ, подгоняющій факты подъ свою любимую идейку объ эволюціи «критической мысли» крестьянъ въ сторону усовершенствованнаго землевладѣнія, разсказываетъ, что «критика существующаго не остановилась и передъ формальнымъ правомъ: требованіе передѣла раздалось и въ тѣхъ селеніяхъ, которыя юридически установили у себя подворное владѣніе; а нашлись и такіе подворники, которые вовсе отрицали свой переходъ отъ одной формы владѣнія къ другой, не смотря на то, что этотъ переходъ санкціонированъ формальнымъ приговоромъ» [1]).

---

[1] Тамъ же, стр. 65.

Въ настоящее время дѣло почти повсюду обстоитъ такъ, что многіе крестьяне не остановятся передъ какимъ бы и чьимъ бы то ни было «формальнымъ правомъ» ради хотя бы временнаго увеличенія своего надѣла. Случается, какъ мы уже сказали, что общины настаиваютъ на передѣлѣ даже «купчихъ» земель своихъ болѣе зажиточныхъ членовъ,—чего прежде никогда не было. Но все это указываетъ лишь на затруднительность современнаго экономическаго положенія крестьянъ, затруднительность, ведущую за собою *полную расшатку старыхъ «устоевъ» крестьянскаго міросозерцанія.* А что эта расшатка приведетъ вовсе не къ торжеству «идеи передѣла» и общиннаго землевладѣнія, за это ручается хотя бы та *дифференціація* въ средѣ деревенскаго населенія, на которую единогласно указываютъ всѣ безпристрастные изслѣдователи нашей народной жизни.

«Въ данный моментъ ясно уже обособились, каждая со своими специфическими интересами, три группы въ средѣ крестьянъ: a) богачи, владѣющіе промышленными капиталами и скопившіе эти капиталы путемъ индивидуальной предпріимчивости, помимо общины (кулаки, промышленники, подрядчики-хозяева, землевладѣльцы-собственники, живущіе въ общинѣ и пр.); b) умственно-хозяйственные мужички-землепашцы, коренные общинники, «середняки» по достатку, исключительно стремящіеся къ скопленію въ своихъ хозяйствахъ возможно болѣе надѣльныхъ или арендныхъ общинныхъ земель; c) общинный пролетарій-вольница, безлошадные, бобыли, батраки на собственныхъ надѣлахъ и пр.».

Это писалъ еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, горячій, убѣжденный народникъ, Н. Н. Златовратскій. Его наблюденія, относились, главнымъ образомъ. къ *промышленной* Владимірской губерніи. А вотъ что пишетъ десять лѣтъ спустя г. В. Постниковъ о *земледѣльческихъ* новороссійскихъ губерніяхъ:

---

[1]) „Крестьянская община", стр. 65.

«Въ настоящее время всякое сколько нибудь значительное южно-русское село (и то же, вѣроятно, можно сказать о большинствѣ мѣстностей Россіи) представляетъ столько разнообразія въ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ группъ своего населенія, что крайне трудно говорить о благосостояніи отдѣльныхъ селеній, какъ цѣлыхъ единицъ, и рисовать это благосостояніе средними цифрами. Такія среднія цифры указываютъ нѣкоторыя общія опредѣляющія условія экономическаго быта крестьянства, но онѣ не даютъ никакого понятія о всемъ разнообразіи экономическихъ явленій въ дѣйствительности» [1]).

Совершенно то же слышимъ мы отъ г. Рева, какъ видно, обстоятельно изучившаго положеніе крестьянъ въ *Кіевской* губерніи.

«Со времени освобожденія крестьянъ по настоящій моментъ деревня наша весьма значительно измѣнила свою физіономію и въ ней произошли крупныя измѣненія не земельнаго владѣнія, а земельнаго пользованія. Обстоятельство это совершенно ускользаетъ отъ формальной оффиціальной статистики, а между тѣмъ, для опредѣленія экономическаго благосостоянія крестьянской массы, оно имѣетъ почти рѣшающее значеніе. De jure, каждая крестьянская семья владѣетъ цѣлымъ недѣлимымъ участкомъ, de facto— ничего подобнаго нѣтъ. За послѣднія 30 лѣтъ въ крестьянствѣ нашемъ образовалась глубокая трещина, въ немъ произошло (самый процессъ этотъ, впрочемъ, еще далеко не законченъ) разложеніе на два діаметрально-противоположные лагеря: на крестьянъ достаточныхъ и крестьянъ малоимущихъ» [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, въ новороссійскихъ губерніяхъ *земледѣліе* составляетъ почти *исключительное занятіе* сельскаго населенія. Если къ этому прибавить, что въ нихъ очень распространено *общинное землевладѣніе*, то, довольствуясь средними цифрами, можно съ полнымъ, повидимому правомъ предаться отраднымъ размышленіямъ на ту тему, что Новороссія — не Западъ, и что наше южно-русское крестьянство до сихъ поръ, не смотря ни на что, вѣрно «устоямъ». Но присмотритесь поближе къ быту этого крестьянства, и вы увидите что вашъ оптимизмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ простой ошибкѣ.

---

[1]) Цитир. соч., стр. 106.

[2]) „Кіевскій крестьянинъ“, стр. 12—13.

Земская перепись даетъ слѣдующія поучительныя цифры по тремъ материковымъ уѣздамъ Таврической губерніи [1]):

	Колоніи	Прочія селенія.
Общее число дворовъ	9,496	74,539
число дворовъ безъ рабочаго скота . .	972	11,555
« « « посѣва	865	5,477

Оставляя въ сторонѣ колоніи, какъ поставленныя вообще въ исключительное положеніе, мы видимъ, что въ «прочихъ селеніяхъ» около $^1/_4$ части крестьянъ не имѣютъ рабочаго скота, а отчасти и посѣва. Это уже не такъ отрадно, какъ преобладаніе земледѣлія, широкое распространеніе общины и проч. Но къ этому вы должны прибавить еще вотъ что:

«Въ сущности, не сѣющіе домохозяева и малосѣющіе, обрабатывающіе свою землю наймомъ чужого скота, не представляютъ большой разницы въ своемъ хозяйственномъ положеніи. Первые сдаютъ въ аренду односельцамъ всю свою землю, вторые только часть ея, но какъ тѣ, такъ и другіе либо служатъ батраками у своихъ односельчанъ, либо промышляютъ сторонними и большею частью земледѣльческими же заработками, проживая въ собственной усадьбѣ. Поэтому обѣ категоріи крестьянъ—не сѣющихъ и мало сѣющихъ—можно разсматривать вмѣстѣ; и тѣ, и другіе принадлежатъ къ домохозяевамъ, теряющимъ свое хозяйство, въ большинствѣ случаевъ разорившимся или разоряющимся, не имѣющимъ нужнаго для веденія хозяйства скота и инвентаря» [2]).

Въ Таврической губерніи около $^1/_3$ части домохозяевъ не эксплуатируютъ своей надѣльной земли, сдавая ее въ аренду. Между сдающими есть меньшинство, имѣющее собственную, «купчую», землю и арендующее значительные участки на сторонѣ. Это та же крестьянская аристократія, тѣ же «богачи», «промышленники», съ которыми встрѣчался г. Златовратскій во Владимірской губерніи. Только на югѣ они «промышляютъ» землею, а не пряденьемъ, не ткачествомъ и т. п. Южно-русскіе «богачи» и по своему образу жизни, и по своимъ нравственнымъ привычкамъ и даже по своимъ умственнымъ потребностямъ не имѣютъ уже ничего общаго съ тою голью, которая сдаетъ свои надѣлы *по бѣдности* и «промышляетъ» единственно *продажей своей рабочей силы*. По словамъ г. Постникова, богачи нерѣдко «отличаются строгими нравственными правилами, читаютъ газеты и журналы». Не то съ бѣдняками, съ «*шалтаями*.» Эти, кажется, не очень строги по части нравственности. Они не рѣдко «запутываются въ разгульной жизни и преступленіяхъ». Изъ нихъ «набираются» конокрады и т. д. Богачи и вообще зажиточные крестьяне относятся къ нимъ съ тѣмъ, вполнѣ понятнымъ презрѣніемъ, съ которымъ истинная добродѣтель издавна привыкла, не смотря на свою скромность, смотрѣть на порокъ: «шляется, гуляетъ, о хозяйствѣ никогда не думаетъ» (1). Само собою разумѣется, что добродѣтель не отказывается при случаѣ вознаградить себя за непріятности, причиняемыя ей порокомъ. Она снимаетъ у порока его землю, при чемъ снисходитъ до «угощенія» его виномъ, къ которому порокъ испытываетъ, разумѣется, непреодолимое влеченіе (2). Она придумываетъ подчасъ очень хитроумныя комбинаціи съ «убыльной землей», т. е. съ надѣлами умершихъ или разорившихся домохозяевъ, земли которыхъ поступаютъ «въ міръ». Такъ напр., изъ статистическаго описанія Бахмутскаго уѣзда видно, что «подъ вліяніемъ богатыхъ домохозяевъ, въ убыльное поле отрѣзывается отъ надѣльной дачи кусокъ самой лучшей по качеству земли и, подъ предлогомъ исправнаго поступленія аренды, раздается сельскимъ начальствомъ тѣмъ же богачамъ и зажиточнымъ крупными частями, иногда въ нѣсколько десятковъ десятинъ, а бѣднымъ крестьянамъ изъ нея или ничего не достается, или достается немногимъ по 1—3 десятины. Такой именно «порядокъ» установился съ теченіемъ времени въ селахъ Троицкомъ, Скотоватомъ, Ясеноватомъ и Зайцевѣ, въ которыхъ убыльной земли ежегодно отдается въ аренду 8,221 дес. При всемъ этомъ, много земли разбирается тѣми же богатыми крестьянами даромъ, безъ уплаты аренды, чего они достигаютъ путемъ утайки отъ общества... или, вѣрнѣе, отъ бѣдныхъ крестьянъ цѣлыхъ клѣтокъ въ 25 дес.; способствуютъ имъ въ этомъ дѣлѣ «мѣрщики», которыхъ міръ наряжаетъ, по просьбѣ самихъ же богатыхъ крестьянъ, для провѣрки земли въ натурѣ, и которыхъ богатые-арендаторы обязательно угощаютъ за показаніе впослѣдствіи за ними, арендаторами, меньшаго количества земли, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Арендная плата за убыльную землю назначается ниже существующей въ данной мѣстности цѣны на землю не только того же, но и худшаго качества, по крайней мѣрѣ въ 2—3 раза»[1]. Та же

---

[1]) В. Постниковъ, стр. 134.

[2]) Тамъ же, стр. 134—135.

---

(1) См. тамъ же 130 и слѣд.

(2) „Надѣльная земля служитъ въ настоящее время предметомъ обширной спекуляціи въ южно-русскомъ крестьянскомъ быту. Подъ землю получаются займы съ выдачею векселей, весьма распространенныхъ здѣсь между таврическими крестьянами, причемъ доходъ отъ земли остается въ пользу ссудившаго впредь до уплаты долга, земля сдается или продается на годъ, два и болѣе долгіе сроки, 8, 9, и 11 лѣтъ, и такія сдачи надѣловъ формально свидѣтельствуются въ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ мнѣ случалось видѣть въ большихъ селахъ предъ зданіемъ сельскихъ правленій цѣлыя толпы оживленнаго народа, На вопросъ о причинахъ сбора мнѣ отвѣчали, что это идетъ угощеніе и продажа надѣловъ, свидѣтельствуемыхъ въ книгахъ сельскими властями.

Казенныя недоимки у крестьянъ служатъ также обычною причиною продажи земли, но крестьяне рѣдко допускаютъ, чтобы эта продажа происходила у нихъ вынужденно черезъ расправу (которая по закону имѣетъ право отобранія части надѣла у крестьянъ при недоимкахъ), потому что тогда ихъ земля идетъ дешевле и «безъ верховъ». Продавая же свою землю самъ, крестьянинъ получаетъ «верхи» въ нѣсколько рублей на десятину, а покупщикъ обязывается внести за его землю всѣ подати. Въ большихъ селахъ мнѣ называли и такихъ кулаковъ, которые, скупая надѣлы унуждающихся крестьянъ, потомъ продавали ихъ въ пользованіе другихъ, разумѣется, съ надбавкой за коммиссію». В. Постниковъ, цитиров. сочиненіе, стр. 139.

[1] Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губерніи. Т. II. Бахмутскій уѣздъ. Екатеринославъ, 1886. Отд. II, стр. 181.

самая добродѣтель «учить» порокъ въ волостномъ правленіи [1]). Наконецъ, она же, пользуясь предоставленнымъ общинѣ правомъ удалять своихъ порочныхъ членовъ, упекаетъ порокъ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. «Въ большомъ селѣ Михайловкѣ Мелитопольскаго уѣзда—сообщаетъ г. Постниковъ—въ 1889 году такими мірскими приговорами удалены были изъ селенія цѣлыхъ 29 семействъ» (!) [2]).

Помощи отъ зажиточной добродѣтели бѣдный порокъ, естественно, не имѣетъ никакой. «Какъ ему дать—говорятъ крестьяне—когда съ него нечего взять». Въ Таврической губ. очень распространены сельскія ссудосберегательныя товарищества, пользующіяся поддержкой со стороны государственнаго банка; «но пользуются займами изъ нихъ лишь зажиточные и достаточные домохозяева» [3]). При арендахъ земли *«обществами»* безземельные и вообще бѣднѣйшіе крестьяне совсѣмъ устраняются отъ пользованія снятыми участками. По книгамъ управленія государственныхъ имуществъ, въ 1890 году, въ трехъ материковыхъ уѣздахъ Таврической губерніи около 63% всей сданной въ аренду казенной земли находилось въ рукахъ крестьянскихъ обществъ. Но въ дѣйствительности снятая обществами земля досталась лишь очень небольшой группѣ зажиточныхъ домохозяевъ.—«Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ у зажиточной группы крестьянъ находилось въ пользованіи болѣе $^1/_2$ всей арендованной пашни, въ Бердянскомъ уѣздѣ болѣе $^2/_3$, а въ Мелитопольскомъ, гдѣ всего болѣе арендуется казенной земли, даже болѣе $^4/_5$ арендованной площади. У бѣднѣйшей же группы крестьянъ (засѣвающихъ до 10 дес. пашни) находилось во всѣхъ уѣздахъ всего 1,938 дес. или около 4% арендованныхъ земель»[1].

---

[1]) На этотъ счетъ интересныя данныя можно найти у г. Харизоменова: «Промыслы Владимірской губ.», вып. III, Москва, 1882. Въ этой губерніи бѣднота занимается кустарными промыслами, работая на «фабрикантовъ», роль которыхъ играютъ богатые крестьяне. «Экономическая кабала ткачей повела къ юридическому безправію, но нигдѣ это безправіе не выразилось такъ рельефно, какъ въ обычаѣ подвергать ткачей-должниковъ экзекуціи за неуплату долга фабриканту» (стр. 57 и слѣд.).

[2]) Цит. соч. стр. 131.

[3]) Постниковъ, тамъ же, стр. 138—139.

Очень ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что подобная практика «общественныхъ» арендъ представляетъ собою печальное исключеніе. Совершенно напротивъ. Эта практика все болѣе и болѣе становится общимъ правиломъ, какъ въ этомъ можетъ убѣдить читателя свидѣтельство г. Карышева, посвятившаго «крестьянскимъ внѣнадѣльнымъ арендамъ» особое изслѣдованіе[2]. Вотъ выводъ г. Карышева.

«Чаще всего въ мірской (замѣтьте, читатель, въ *мірской*) арендѣ участвуютъ не всѣ члены міра. Исключаются изъ пользованія снятой землей именно тѣ, кто въ ней больше других нуждается,— хозяева маломощные, обѣднѣвшіе, обладающіе меньшимъ количествомъ рабочихъ силъ и скота. Арендуемая земля дѣлится на паи, при чемъ тѣ, кто могутъ заплатить больше, получаютъ по цѣлому паю, по нѣсколько паевъ, а тѣ, которые не могутъ этого сдѣлать, получаютъ одинъ пай на нѣсколько хозяевъ. Или земля дѣлится просто «по деньгамъ», «по капиталу», «по спроможности» и т. д. Въ иныхъ мѣстахъ при началѣ аренды «вписываются» всѣ домохозяева, но многіе лишь затѣмъ, чтобы немедленно переуступить свои доли болѣе состоятельнымъ сообщинникамъ... Наконецъ, появляется даже пересдача мірской аренды своимъ же сочленамъ за повышенную плату. Шагъ далѣе—мірская аренда мѣняетъ даже названіе, превращаясь въ артельную. Болѣе состоятельные домохозяева, не принимая даже формы общиннаго съема, выдѣляются въ обособленныя группы и арендуютъ землю на свое имя... Такое выдѣленіе болѣе состоятельнаго крестьянскаго слоя, сливокъ земледѣльческой массы, имѣетъ крайне невыгодныя послѣдствія для хозяйственнаго быта остальныхъ домохозяевъ. Послѣднимъ создается конкурренція въ съемѣ земель и тѣмъ болѣе могучая, чѣмъ сильнѣе разница въ имущественномъ положеніи обоихъ классовъ... Болѣе обезпеченные могутъ пріобрѣтать еще, а менѣе обезпеченные отстраняются конкурренціей на второй планъ» (стр. 219—220) [1].

---

[1] Тамъ же, стр. 150.

[2] Оно вышло, какъ извѣстно, въ Дерптѣ въ 1892 г. и составляетъ второй томъ *«Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики»*.

Если бы народная мысль дѣйствительно развилась независимо отъ «внѣшнихъ условій», то, пожалуй, можно было бы надѣяться, что группы, различныя между собой и даже враждебныя одна другой по своему экономическому положенію, дружно пойдутъ рядомъ по пути развитія общинныхъ «идеаловъ» и духа солидарности. Но такъ какъ указанная независимость существуетъ лишь въ воображеніи г. Воронцова, то не можетъ быть и рѣчи о солидарности и прочности общинныхъ идеаловъ въ современной русской деревнѣ,—по крайней мѣрѣ въ той, которой уже коснулось вліяніе новѣйшаго экономическаго движенія. Солидарность уступаетъ мѣсто *ожесточенному соперничеству*, *община становится орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ крестьянъ зажиточными и богатыми.* Какъ сильно это орудіе, показали отчасти уже вышеприведенные факты (пусть припомнитъ читатель массовую ссылку «шалтаевъ»), а отчасти покажетъ слѣдующій случай.

Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ арендовали казенную землю, между прочими, сельскія общества Больше-Копанское и Ново-Алексѣевское. Въ обоихъ обществахъ снятою землею на самомъ дѣлѣ пользовалась лишь небольшая часть зажиточныхъ крестьянъ. Но и этимъ крестьянамъ не удалось «осилить» нанятые за сравнительно высокую цѣну участки. Они оказались несостоятельными. Тогда земля была у нихъ отобрана казною и снова сдана въ аренду «хозяйственнымъ способомъ», по цѣнѣ вдвое нисшей. Недочетъ обязаны были уплатить старые арендаторы (а онъ для Ново-Алексѣевки доходилъ до 4000 руб.). Но кто же эти старые арендаторы? Вѣроятно, тѣ зажиточные крестьяне, которые пользовались казенною землею? Нѣтъ, земля была сдана въ *мірскую* аренду, а потому и отвѣчать за нее пришлось *міру*. Недостающія суммы разложены были по *душамъ* [2]). Если бы аренда принесла *выгоду*, то бѣдняки не имѣли бы къ ней доступа; но такъ какъ она принесла *убытокъ*, то этотъ послѣднiй былъ *братски* разложенъ между всѣми членами названныхъ общинъ. Нечего сказать, замѣчательная эволюцiя «общинной идеи»!

---

[1]) Этимъ, оттѣсняемымъ на второй планъ, наименѣе состоятельнымъ арендаторамъ, приходится платить за землю гораздо дороже, чѣмъ состоятельнымъ. Объ этомъ смотри у г. Карышева, у В. Постникова и др.

[2]) Постниковъ, цит. соч. стр. 152—153.

Г. Воронцова умиляютъ коренные передѣлы, совершившiеся въ очень многихъ общинахъ государственныхъ крестьянъ въ теченiе послѣдняго двадцатилѣтiя. Г. Воронцовъ видитъ только внѣшнюю сторону этихъ явленiй; онъ не замѣчаетъ того, что скрывается за нею, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ. Пусть же недосказанное однимъ народникомъ доскажетъ другой, пусть г. Златовратскiй дополнитъ г. Воронцова.

«Передѣлъ все больше теряетъ свое практически-рацiональное значенiе и дѣлается игрой въ «свалку и навалку душъ», при которой на второй же день послѣ передѣла только что уравненные надѣлы снова складываются въ прежнее statu quo, съ незначительными измѣненiями: надѣлы подбираются экономически-мощными хозяевами, иногда группирующими въ своихъ рукахъ до 8—10 надѣловъ, обрабатывать которые нанимаютъ батраковъ, между тѣмъ какъ сами хозяева этихъ надѣловъ уходятъ въ города, въ заработки или въ батраки на собственные надѣлы... Мы можемъ указать въ особенности на большiя села, которыя представляютъ характерные примѣры особаго рода земледѣлiя, именно общинъ землевладѣльцевъ, а не общинъ земледѣльцевъ. Въ этихъ селахъ фактически владѣютъ землей изъ 700 душъ всего 30 хозяевъ, которые берутъ на себя обработку всей земли, нанимая на время лѣтнихъ работъ цѣлыя армiи батраковъ. Настоящiй же «правовой» хозяинъ земли ходитъ въ заработкахъ или просто по мiру... Вы совершенно поражаетесь, когда видите, что въ селахъ съ 500—700 душъ весь сельскiй сходъ состоитъ только изъ 40 человѣкъ, да изъ нихъ *только* половина работаетъ сама, а прочiе—лавочники, кабатчики, кулаки, «хозяева», собственно же рабочая масса — женщины, батраки и владѣльцы надѣловъ, ушедшiе въ заработки,—не принимаютъ тутъ никакого участiя и на сходъ не ходятъ. Вслѣдствiе всего этого весь хозяйственный инвентарь все болѣе сосредоточивается въ рукахъ незначительнаго меньшинства; большинство теперь почти совсѣмъ перестаетъ его заводить и начинаетъ «жить на хлѣбахъ».

Русская община отличается поразительной гибкостью,—увѣряютъ насъ гг. народники—она умѣетъ приспособиться ко всевозможнымъ внѣшнимъ условіямъ.

Мы видимъ теперь, что гг. народники не ошибаются: дѣйствительно, трудно придумать что нибудь болѣе «*гибкое*», чѣмъ русская община; она *не перестаетъ быть общиной даже въ томъ случаѣ, когда превращается въ свою собственную противоположность.*

Наши старые народники—Златовратскій, Успенскій и многіе другіе—относятся къ новѣйшимъ народникамъ à la Воронцовъ, какъ буржуазные экономисты-*классики* къ *вульгарнымъ* экономистамъ послѣдующей эпохи. Старые народники безстрашно описывали то, что совершалось передъ ними; они не боялись *истины*, потому что еще не вкусили отъ древа познанія добра и зла, потому что имъ даже и въ голову не приходило, что истина противорѣчитъ ихъ «*идеаламъ*». Г. Воронцовъ и ему подобные *подкрашиваютъ дѣйствительность* и *подслащаютъ мужика*, потому что они поняли, что неподкрашенная дѣйствительность и неподслащенный мужикъ сводятъ на нѣтъ ихъ «идеалы».

Что такое крестьяне, не имѣющіе рабочаго скота? Это тѣ — по выраженію Г, И. Успенскаго—*нули цѣлыхъ*, связь которыхъ съ землей уже *совершенно подорвана*. А между тѣмъ, домохозяевъ, не имѣющихъ скота, у насъ вездѣ очень много. *Они составляютъ по крайней мѣрѣ четвертую часть крестьянскаго населенія Европейской Россіи* (не считая 3 остзейскихъ и 10 польскихъ). Не многимъ обезпеченнѣе и положеніе тѣхъ хозяйствъ, въ которыхъ приходится по одной штукѣ рабочаго скота: неурожай, падежъ, даже простая «заминка» въ дѣлахъ, «недохватка» въ деньгахъ, — которыхъ, разумѣется, и безъ того немного — и крестьянинъ лишается послѣдняго «живота», отчего все его хозяйство быстро идетъ подъ гору. Хозяйствъ, обладающихъ одной штукой скота, у насъ считается болѣе 25% крестьянскаго населенія. Взятые вмѣстѣ, эти кандидаты въ пролетаріи составляютъ по-истинѣ ужасающую сумму. Вотъ внушительная таблица, заимствуемая нами у г. П. Скворцова [1]):

---

[1]) „Юридическій Вѣстн.“, 1892, № 11, „Итоги крестьянскаго хозяйства“, стр. 440.

ХОЗЯЙСТВЪ

	Безъ рабочаго скота.		Съ 1 штукой рабочаго скота.		Тѣхъ и другихъ.
	Всего	%	Всего	%	%
Полѣсье центральное . . .	85,852	28,0	105,813	36,9	64,9
Полѣсье сѣверное.	54,661	19,7	127,470	46,0	65,7
Сѣверный трехпольный черноземъ.	216,022	29,4	232,181	34,0	63,4
Сѣверный экстенсивный черноземъ	64,875	18,7	67,575	19,5	38,2
Южный экстенсивный черноземъ.	78,501	25,5	19,586	9,5	35,0
Южный трехпольный черноз. .	230,086	25,1	231,569	25,3	50,4
Итого.	729,997	25,3	784,194	27,2	52,5

Болѣе пятидесяти процентовъ разорившихся хозяевъ, кандидатовъ въ полные прелетаріи! И это по даннымъ восьмидесятыхъ годовъ. Неурожаи 1891 и 1892 гг. еще болѣе увеличили эту цифру. Зная, что именно домохозяева, имѣющіе мало скота или вовсе его не имѣющіе, чаще всего сдаютъ свои надѣлы, мы поймемъ, какъ сильно должна быть распространена сдача этихъ послѣднихъ, а зная это, мы вынуждены будемъ согласиться, что не много преувеличенія въ вышеприведенныхъ словахъ г. Златовратскаго; что, дѣйствительно, передѣлъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое старое практическое значеніе и становится игрой въ свалку и навалку душъ, происходящей прежде всего въ интересахъ сельской добродѣтели—кулаковъ, кабатчиковъ, лавочниковъ, хозяйственныхъ мужичковъ и другихъ щукъ, жадно глотающихъ задремавшихъ карасей [1]).

---

[1]) Много данныхъ, касающихся сдачи надѣловъ, собрано г. Г. Сазоновымъ въ статьѣ: „*Значеніе аренды крестьянскихъ земель въ вопросъ о неотчуждаемости ихъ*“, составляющей приложеніе къ его книгѣ: *Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственно-экономической программой* (чьей? вѣроятно г. Сазонова). С.-Петербургъ, 1889. Г. Сазоновъ, столь твердо вѣрующій во всемогущество государственнаго вмѣшательства, какъ видно, считаетъ прекращеніе сдачи крестьянскихъ надѣловъ цѣлью

Должны будемъ согласиться... Вотъ до чего мы дошли! Въ *девяностыхъ годахъ* приходится съ цифрами въ рукахъ доказывать, какъ *новыя*, тѣ истины, которыя считались *старыми* въ *семидесятыхъ* 1). Но что прикажете? Такова «эволюція» нашего народничества. Прежде народники кричали о разложеніи общины, а теперь, даже въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ именно общинѣ, они предпочитаютъ распространяться на тему объ «эволюціи» крестьянской мысли въ сторону любезныхъ народникамъ идеаловъ. Старость не радость!....

Но послушаемъ еще г. Воронцова: можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ открылъ такія явленія, которыя должны вызвать цѣлый переворотъ въ нашемъ взглядѣ на народную жизнь. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, вопреки неблагопріятнымъ «внѣшнимъ условіямъ», совершился у насъ, по крайней мѣрѣ кое-гдѣ, переходъ къ болѣе совершеннымъ системамъ распредѣленія земли? До сихъ поръ мы въ словахъ г. Воронцова указаній на это не видѣли. Но вѣдь его рѣчь еще не окончена: кто поручится, что она не сдѣлается болѣе убѣдительной?

«Прошлая жизнь дала крестьянину общиннику систему раз-

весьма трудно достижимой. „Не смотря на всю важность неотчуждаемости, сомнѣніе невольно закрадывается въ душу—меланхолически заявляетъ онъ. Положимъ, законоположеніе вошло въ силу, неотчуждаемость стала фактомъ. Какія измѣненія произойдутъ въ землевладѣніи народа? Обширный вышеприведенный матеріалъ позволяетъ усомниться въ важности перемѣны. Теоретически крестьянинъ будетъ собственникомъ неотчуждаемой земли, на самомъ же дѣлѣ онъ—собственникъ фиктивный, ибо земля будетъ принадлежать кредитору, а собственникъ ея будетъ въ сущности арендаторомъ, т. е. существеннаго измѣненія не произойдетъ. Дѣло въ томъ, что земля ускользаетъ изъ рукъ мужика не потому, что нѣтъ закона о неотчуждаемости, а потому, что существуютъ непреоборимыя для крестьянъ причины, создающія сдачу надѣловъ“...

1) „И такъ, теперь общинное землевладѣніе почти утратило всю свою практическую важность — оно не защищаетъ крестьянъ отъ пролетаріата, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ бездомнаго батрачества. Его ненавистное, но законное дитя—міроѣдъ, производя послѣдовательно все больше и больше пролетаріевъ, въ то же время имѣетъ тенденцію сократить размѣры крестьянскаго производства хлѣба“ и т. д. В. Гиляранскій, „Общественно-экономическія отношенія въ юго-восточной Россіи“. „Слово“, Мартъ, 1878, отд. I, стр. 152.

верстки земли по потребительной нормѣ, именно по душамъ мужскаго пола, записаннымъ въ ревизію (мы уже видѣли, что норма эта вовсе не *потребительная*, а грубо, не точно опредѣленная *производительная*—А. В.). Никто не скажетъ, чтобы эта система была совершеннымъ выраженіемъ идеи, лежащей въ основѣ распредѣленія земли по нуждамъ семей (еще бы! она къ нуждамъ семей не имѣла ровно никакого отношенія!) и, наоборотъ, есть основаніе предполагать, что она явилась или по крайней мѣрѣ сохранилась до новѣйшаго времени въ извѣстной мѣры искусственно (вотъ это такъ! Это мы знаемъ навѣрное. Только вы слишкомъ нерѣшительно это выражаете, г. Воронцовъ: *есть основанія* предполагать, что она именно *явилась* «искусственно» и столь же «искусственно» сохранилась). Очень возможно, что не будь въ прошломъ вмѣшательства государства въ поземельныя отношенія—община представилась бы намъ иною, чѣмъ мы ее видимъ въ настоящее время. Но разъ это вмѣшательство возымѣло мѣсто—возможно, что процесъ эволюціи идеи уравненія прерванъ былъ по срединѣ и станетъ продолжаться послѣ того, какъ будутъ устранены задерживавшія обстоятельства. Считая землю ничьей, божьей, государевой, зная, что ея размѣрами опредѣляется благосостояніе семьи, крестьянинъ естественно приходилъ къ мысли о распредѣленіи этого божьяго дара между всѣми, пропорціонально потребностямъ каждаго... Мы не говоримъ, что начало мужской души внесено въ общинную жизнь государствомъ; весьма вѣроятно, что послѣднее исходило въ своихъ мѣропріятіяхъ изъ того, что уже существовало въ дѣйствительности (это уже знакомая намъ «гармонія»); но своимъ авторитетомъ оно закрѣпило существующее, придало ему ту устойчивость, какой при свободномъ развитіи общины оно можетъ быть и не имѣло бы. Съ устраненіемъ же указаннаго вліянія со стороны, естественно, если прерванный процесъ развитія общинной идеи возобновится (?) и рядомъ съ душой мужскаго пола... выдвинутся другія единицы, лучше соотвѣтствующія идеальнымъ началамъ человѣческой природы и соціальному смыслу разсматриваемой формы землепользованія»[1].

---

[1] «Крестьянская община», стр. 250—251.

Такъ какъ передѣлы по новымъ душамъ получили распространеніе недавно, то еще не представляется возможности опредѣленно высказаться о томъ, сохранится ли приведенное правило въ обществахъ, отступившихъ отъ ревизской разверстки, т. е. есть ли это правило естественный продуктъ общинной идеи, или является плодомъ нѣкоторой индивидуализаціи воззрѣній, развивающейся вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія передѣловъ. Судя по примѣру нѣкоторыхъ мѣстностей (см. Мелитопольскій уѣздъ), можно полагать, что такое же правило будетъ имѣть примѣненіе и въ общинахъ съ наличной разверсткой земли. Разсматривая его поэтому, какъ порядокъ общинныхъ отношеній, мы можемъ видѣть въ немъ только средство простого призрѣнія или же считать результатомъ признанія со стороны общины за женщиной права на землю› какъ таковую,—права, получающаго осуществленіе чрезъ посредство мужской части семьи, а за отсутствіемъ таковой лично» [1]).

Г. Воронцовъ высказывается неопредѣленно. Онъ уже не хочетъ отрицать свой собственный взглядъ съ тою похвальною рѣшительностью, съ какой онъ только что сдѣлалъ это относительно Херсонскаго уѣзда. И тѣмъ не менѣе, г. Воронцовъ отступаетъ по всей линіи. Какъ ни запутанно его объясненіе, мы все таки имѣемъ полное право сдѣлать изъ него слѣдующіе выводы.

1) Очень можетъ быть, что «женскій вопросъ» есть «плодъ нѣкоторой индивидуализаціи воззрѣній» не въ одномъ только Херсонскомъ уѣздѣ. Это наше предположеніе перейдетъ въ полную увѣренность, если, при замѣнѣ ревизской разверстки наличною, права женщинъ на землю будутъ ограничены.

2) Но есть основаніе думать, что они при этомъ ограничены не *будутъ*. А если это такъ, то отводъ женщинамъ земли можно разсматривать «*только какъ средство простого призрѣнія*».

3) Можно, однако, взглянуть на него и иначе. Можно допустить, что оно есть результатъ признанія за женщиной права на землю какъ таковую.

4) Но тогда надо помнить, что, будучи признано, право это осуществляется, однако, лишь черезъ «посредство мужской части

---

[1]) Тамъ же, та же страница.

семьи», т. е., другими словами, *вовсе отрицается*, такъ какъ чрезъ посредство мужской части осуществляются права только мужской части.

5) За отсутствіемъ мужской части семьи названное право осуществляется, однако, и «лично» т. е. «чрезъ посредство части *женской*», если такіе случаи не означаютъ «простого призрѣнія».

«Свѣжая струя» низводится до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, что самое существованіе ея можно «разсматривать», какъ нѣчто совершенно сомнительное, тѣмъ болѣе, что уже съ очень давнихъ поръ крестьянскія женщины мѣстами пользуются у насъ надѣломъ по смерти мужа, т. е. «за отсутствіемъ мужской части семьи». Свѣжая струя оказывается, значитъ, и не весьма свѣжей: она есть «результатъ» давняго обычая, который даже возведенъ въ законъ правительствующимъ сенатомъ, согласно указамъ котораго: «общество не можетъ обезземеливать крестьянокъ, пользовавшихся земельнымъ надѣломъ по смерти мужа на правахъ домохозяйки и отбывавшихъ повинности», «пока онѣ не выйдутъ замужъ въ другое общество» (тамъ же, стр. 317, примѣч.).

Мы могли бы изъ книги г. Воронцова заимствовать еще много примѣровъ, хорошо выясняющихъ значеніе «женскаго вопроса». Полагаемъ, однако, что оно и безъ того ясно читателю, а такъ какъ мѣста у насъ не много, то мы предпочитаемъ выяснить крестьянскій взглядъ на землю какъ на «ничью, божью, государеву» ¹).

---

¹) Считаемъ, впрочемъ, не лишнимъ напомнить читателю, какъ обстоитъ «женскій вопросъ» въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, на который указываетъ г. Воронцовъ. «Женщины видимо ратуютъ за ревизскую раскладку и даже, какъ мы видѣли въ Семеновкѣ, участвуютъ въ составленіи неправильныхъ приговоровъ, наполненныхъ плутнями. Дѣло въ томъ, что при наличной разверсткѣ женщины послѣ смерти мужа владѣютъ землею только до слѣдующаго передѣла, стало быть не болѣе 10 лѣтъ (наиболѣе длинный промежутокъ между двумя передѣлами), а затѣмъ надѣлъ у нихъ отбирается, и только «безроднымъ» вдовамъ дается нѣсколько десятинъ міроплатимой земли. При ревизской разверсткѣ, по смерти отца семейства, его душа на всю жизнь остается у вдовы, которая обыкновенно живетъ съ однимъ изъ раздѣлившихся сыновей. Положеніе матери, владѣющей землею, далеко не таково, какъ безземельной: уходя отъ сына, она уноситъ съ собою 8 деся-

Здѣсь мы, во-первыхъ, напомнимъ читателю, что русскій крестьянинъ давно уже не отождествляетъ «ничьей, божьей» земли съ землею казенной, какъ это доказываютъ продолжавшіеся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій побѣги не только помѣщичьихъ, но и казенныхъ крестьянъ въ «прекрасную пустыню», съ казенной земли на ту, которая дѣйствительно была тогда «ничьей, божьей». Но это мимоходомъ. Главное же вотъ что.

Въ Александрійскомъ уѣздѣ помѣщичьи крестьяне въ первое время по освобожденіи не только охотно давали выморочныя и вообще «пустыя» земли лицамъ, не принадлежавшимъ къ ихъ общинамъ, но и сами брали на себя иниціативу отысканія такихъ людей, которые согласились бы взять часть ихъ земли. Настоящій золотой вѣкъ! Самая трогательная идиллія! Крестьяне, очевидно, твердо проникнуты тѣмъ убѣжденіемъ, что земля ничья, божья, государева, и что ее надо распредѣлять по «потребительной нормѣ». Къ сожалѣнію, идиллія была недолговѣчна. Въ настоящее время «крестьяне начинаютъ тѣснить постороннихъ пришельцевъ, не записанныхъ въ ревизскую сказку и уставную грамоту» [1]. Что же это за притча? Отчего люди, прежде смотрѣвшіе на землю, какъ на *ничью*, теперь вдругъ стали смотрѣть на нее, какъ на свою *собственность*, и вспомнили о своихъ юридическихъ правахъ, о ревизскихъ сказкахъ, объ уставныхъ грамотахъ и прочей прозѣ? Очень простое дѣло! Прежде земля не окупала лежащихъ на ней платежей, и тогда принимать на нее постороннихъ людей было *выгодно*. А теперь доходность надѣльной земли повысилась; теперь владѣніе ею не представляетъ уже тягости; теперь *выгодно* стало *уже не приглашеніе* въ общину постороннихъ людей, а

тинъ земли; это обстоятельство заставляетъ дѣтей почитать старуху, слушаться ея. Такимъ образомъ при ревизской раскладкѣ даже бездѣтная вдова на всю жизнь обезпечена 8-десятиннымъ надѣломъ, а при дѣтяхъ положеніе вдовы болѣе почетно и независимо, чѣмъ положеніе безземельной старухи при наличной разверсткѣ». Сборн. статист. свѣдѣній по Таврическ. губ., т. I, вып. II. ч. II, стр. 57. Женскія права плохо уживаются съ общиной, какъ она должна была бы быть, т. е. съ наличной разверсткой... Поэтому женщины *противъ* общины, т. е. за ея искаженіе посредствомъ ревизской разверстки.

[1] В. Постниковъ, цит. соч., стр. 53.

напротивъ, ихъ *удаленіе*,—вотъ и удаляютъ этихъ людей, посредствомъ ревизскихъ сказокъ и уставныхъ грамотъ. Прежде земля черезчуръ уже была казенной, поэтому и старался каждый домохозяинъ, что-бы она сдѣлалась если не *«ничьей»* (это было невозможно), то хоть *чужою* землею,—землею другого домохозяина, все равно, принадлежащаго или не принадлежащаго къ данному обществу. А теперь принадлежность земли «казнѣ» чувствуется уже не такъ сильно, и каждому крестьянину хочется сдѣлать изъ нея *свою* землю; вырвать ее изъ *чужихъ* рукъ. Что можетъ быть проще этого? Но съ другой стороны, что же остается отъ «потребительной нормы»?

«Такого же рода борьба отмѣчается и въ уѣздахъ Екатеринославской губ.,—продолжаетъ г. Постниковъ — гдѣ она указана земской статистикой въ восточныхъ уѣздахъ губерніи, въ мѣстностяхъ, гдѣ сильнѣе шло возвышеніе цѣнъ на землю» [1]). Повторяемъ, это очень просто и естественно. И чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, что человѣческая мысль вообще, а слѣдовательно, и крестьянская въ частности, никогда и нигдѣ не развивается независимо отъ «внѣшнихъ условій». Чуждый этого убѣжденія, г. Воронцовъ, не смотря на массу упорнаго труда (въ этомъ отношеніи ему надо отдать полную справедливость, трудолюбія у него бездна, *охота* у него *смертная*), до сихъ поръ не могъ доработаться до сколько нибудь опредѣленнаго, непротиворѣчиваго взгляда на значеніе современныхъ крестьянскихъ передѣловъ (*участь* г. Воронцова въ этомъ случаѣ очень *горькая*). А вотъ г. Григорьевъ, повидимому безъ труда, совершенно точно и опредѣленно понялъ это значеніе. «Въ группѣ (общинъ) съ наиболѣе доходнымъ надѣломъ—писалъ онъ еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ о крестьянахъ Саратовскаго уѣзда — къ коренному передѣлу приступило со времени X ревизіи менѣе половины общинъ: 48,6%, а тамъ, гдѣ надѣлъ въ тягость большинству дворовъ, коренной передѣлъ произведенъ почти всѣми обществами: 93%. Подобное явленіе отмѣчено и изслѣдователями Московской, Рязанской и проч. губ. Такъ какъ въ Саратовскомъ уѣздѣ число общинъ съ малодоходнымъ надѣломъ весьма значительно, то и процентъ общинъ, совершившихъ коренной передѣлъ со времени X ревизіи, весьма великъ: 70%.

---

[1]) Цит. соч., стр. 54.

Какъ видите, и здѣсь то, что г. Воронцову представляется результатомъ прогрессивнаго развитія общинной мысли, есть на самомъ дѣлѣ результатъ бѣдности крестьянъ, отягощенія ихъ непосильными платежами. Независимость же народной мысли отъ «внѣшнихъ условій» оказывается просто «безлѣпичнымъ» миѳомъ. Именно этими условіями и опредѣляется то или иное отношеніе крестьянъ къ передѣламъ. Настаивая на передѣлѣ или отказываясь отъ него, крестьянинъ руководствуется не отвлеченными принципами, а простымъ расчетомъ выгоды. Такъ несомнѣнно происходитъ дѣло въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянская мысль, подъ вліяніемъ новаго склада экономическихъ отношеній, освободилась уже отъ господства преданія. А такихъ мѣстностей теперь уже очень много: русскій крестьянинъ теперь уже не тотъ, какимъ онъ былъ до реформы 1861 года [1]). А разъ отношеніе крестьянина къ общинѣ стало опредѣляться простымъ расчетомъ выгоды, надъ общиной — т. е. надъ старой общиной, которую любятъ гг. народники — надо поставить крестъ или, по крайней мѣрѣ, надо заблаговременно заготовить этотъ крестъ, потому что все рѣже и рѣже будутъ происходить, все рѣже и рѣже будутъ повторяться такія сочетанія интересовъ отдѣльныхъ домохозяевъ, которыя необходимы для новыхъ передѣловъ. И теперь уже къ общинѣ отрицательно относятся не только кулаки, на которыхъ мы привыкли сваливать всѣ общинныя неурядицы, и которые иногда—тоже расчетъ выгоды!—являются горячими сторонниками общиннаго землевладѣнія, *но и бѣднѣйшая часть общинниковъ*, а это уже гораздо болѣе зловѣщій признакъ.

---

[1]) Пусть не обвиняютъ насъ въ искусственномъ построеніи: мы и здѣсь лишь повторяемъ то, что давно уже было высказано народниками-классиками: «Къ своей общинѣ крѣпостной мужикъ относился, конечно, совершенно иначе, чѣмъ относится мужикъ новѣйшей формаціи, говоритъ г. Златовратскій... Крѣпостной мужикъ не могъ и не имѣлъ достаточно сильныхъ побужденій смотрѣть на свою общину критически: онъ, вмѣстѣ съ бариномъ, принялъ ее, какъ традиціонный фактъ отъ дѣдовъ... Все хорошее и худое держалось по рутинѣ, по традиціи, по убѣжденію, что все установлено по законамъ, не при насъ писаннымъ, какъ и существованіе самого барина». Другое дѣло—мужикъ новѣйшей формаціи: «Къ своей общинѣ, принужденный бороться за существованіе, онъ становится въ критическое отношеніе... Отъ этого мужика вы услышите совсѣмъ другія разсужденія объ его общинѣ, чѣмъ отъ крѣпостного мужика; онъ не поклоняется передъ ней какъ передъ священной и заповѣдной традиціей, онъ знаетъ, что въ ней хвалить, что порицать» и т. д.

Привыкнувъ видѣть въ общинѣ чуть не панацею отъ всѣхъ экономическихъ бѣдствій, наши благодушные народолюбцы воображаютъ, что именно деревенская-то бѣднота и должна всего энергичнѣе стоять за передѣлы. А между тѣмъ, не говоря уже о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда бѣднота христомъ-богомъ отпрашивается отъ земли, она очень нерѣдко обнаруживаетъ къ передѣламъ совершенное равнодушіе. Примѣръ. Село Щербаковка, Банновской вол., Камышинскаго уѣзда: «Землю дѣлятъ по ревизскимъ душамъ... Потребности въ коренномъ передѣлѣ не чувствуется: народъ безхозяйственный» [1]. И такихъ примѣровъ можно привести множество. И всѣ они показываютъ, какъ отвлеченно, какъ поверхностно, какъ односторонне понимаютъ народные интересы наши защитники общины quand même.

Четвертая глава разбираемой нами теперь книги г. Воронцова посвящена «*индивидуалистическимъ стремленіямъ въ современной общинѣ*». Тамъ собрано не мало фактовъ, показывающихъ силу этихъ стремленій. Но г. Воронцову эти факты не мѣшаютъ твердить объ «эволюціи общинной мысли». Когда онъ встрѣчается съ ними, онъ или утѣшаетъ себя тѣмъ соображеніемъ, что процессъ распаденія общины отличается «не вполнѣ сознательнымъ характеромъ» (стр. 162), или придирается (читатель сейчасъ увидитъ, почему мы говоримъ: *придирается*) къ отсутствію формальныхъ приговоровъ о переходѣ къ подворному владѣнію.

«Если считать серьезнымъ рѣшеніемъ, выражаемое крестьянами вскорѣ послѣ перваго появленія идеи передѣла, намѣреніе не дѣлить земли, то это, конечно, равносильно уничтоженію общины обычнаго типа. Но въ такомъ случаѣ общество не остановится на осужденіи возникшаго стремленія къ передѣлу, а естественнымъ образомъ попытается закрѣпить существующее распредѣленіе земли законнымъ приговоромъ о переходѣ къ подворному владѣнію. Пока этого приговора нѣтъ, — на отрицательное отношеніе крестьянъ къ передѣлу общинныхъ угодій нужно смотрѣть не иначе, какъ на переходный моментъ въ эволюціи общинно-земельной идеи, за которымъ можетъ послѣдовать не только переходъ къ подворному владѣнію но и осуществленіе передѣла» (стр. 165).

---

[1] «Сборн. статист. свѣд. по Камыш. у.», отдѣлъ 2, стр. 100.

Что переходъ къ подворному владѣнію не всегда совершается «вполнѣ сознательно», это совершенно вѣрно, но это плохое утѣшеніе для гг. народниковъ. Процессъ распаденія общины и на Западѣ никогда не былъ «вполнѣ сознательнымъ», однако это не помѣшало ему совершиться. Глубокія перемѣны общественныхъ отношеній всегда бываютъ сначала безсознательными. Но тѣмъ хуже для сторонниковъ старыхъ порядковъ, потому что тѣмъ неизбѣжнѣе эти перемѣны [1].

Ссылка на безсознательность имѣетъ въ устахъ г. Воронцова смыслъ надежды на поворотъ къ лучшему: взглянувъ *сознательно* на свои поземельныя отношенія, крестьяне, можетъ быть, и измѣнятъ свое отношеніе къ общинѣ. Читатель согласится, что слаба и эта надежда при нынѣшнихъ «внѣшнихъ условіяхъ», когда все ведетъ къ усиленію неравенства внутри общины. Но между «внѣшними условіями» есть одно, которое можетъ, по мнѣнію г. Воронцова, сразу произвести желательный переворотъ. Въ виду этого «внѣшняго условія» нашъ авторъ и ухватывается за отсутствіе приговоровъ. Послушайте г. Воронцова:

---

[1] На счетъ „сознательности“ г. Воронцовъ предъявляетъ очень высокія требованія. «Если безъ приговора — говоритъ онъ — нѣтъ сознательнаго разрушенія общиннаго владѣнія, то существованіе перваго не доказываетъ еще наличности вполнѣ сознательнаго отношенія міра къ вопросу. Существованіе подобнаго приговора... свидѣтельствуетъ только объ отрицательномъ отношеніи крестьянъ къ общинѣ въ самый моментъ постановленія приговора. Рѣшимость на этотъ шагъ, способный фатально отразиться на судьбѣ будущихъ поколѣній, никоимъ образомъ не доказываетъ, что общество серьезно взвѣсило слабыя и сильныя стороны общиннаго и подворнаго владѣнія... Очень часто приговоръ о подворномъ владѣніи постановляется не въ виду ясно сознанныхъ преимуществъ этой формы владѣнія землей или несоотвѣтствія общиннаго владѣнія міросозерцанію и настроенію населенія, а по недоразумѣнію или подъ вліяніемъ слѣпого эгоизма“... (стр. 169). Надо сознаться, что кто *такъ* умѣетъ отговариваться отъ опыта и логики жизни, тотъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтоб до самой смерти своей сохранить отрадное убѣжденіе относительно блестящаго процвѣтанія „общинной идеи“.

«По ст. 57 Общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, подобные приговоры должны записываться въ особую книгу. Имѣя въ виду, что значительная часть приговоровъ о превращеніи общиннаго владѣнія въ подворное не занесена на бумагу, а изъ остальныхъ, вѣроятно, большая часть не была представлена на утвержденіе присутствія по крестьянскимъ дѣламъ (какъ это извѣстно, напр., относительно случаевъ ямбургскаго у.), — мы можемъ смѣло считать эти приговоры незаконными и переходъ къ подворному владѣнію юридически несостоявшимися» [1]).

Вы понимаете теперь, какое «внѣшнее условіе» имѣлъ въ виду г. Воронцовъ, придираясь къ отсутствію приговоровъ? Это внѣшнее условіе должно объявить незаконными уже состоявшіеся случаи дозволеннаго закономъ перехода къ подворному владѣнію, и г. Воронцовъ предупредительно подсказываетъ ему нужныя на сей конецъ юридическія придирки.

Во взаимномъ отношеніи частей уже знакомаго намъ гармоническаго цѣлаго должна произойти, такимъ образомъ, весьма поучительная перемѣна. Прежде государство являлось только выразителемъ народныхъ стремленій, оно только давало «толчки» къ осуществленію того, что подготовила сама народная мысль. Теперь государство должно останавливать «самодѣятельность» народной мысли, разъ она принимаетъ непріятное г. Воронцову направленіе; теперь «толчки» должны *разрушать* то, что подготовляется народнымъ сознаніемъ. Прежде государство «тащило», теперь оно должно «не пущать».

Кстати о народномъ сознаніи. Народники твердятъ, что во многихъ общинахъ крестьяне не передѣляютъ земли единственно по незнанію своего права на это. Отсюда дѣлается то умозаключеніе, что, когда сельское населеніе лучше ознакомится со своими правами,—«устои» сдѣлаются много прочнѣе. Но врядъ ли это такъ. Самъ г. Воронцовъ признаетъ, напр. (стр. 210), что «незнаніе крестьянами своего права выкупать надѣлы отдѣльно отъ общества» есть одна изъ причинъ слабаго развитія досрочнаго выкупа надѣловъ бывшими помѣщичьими крестьянами. Самъ г. Воронцовъ признаетъ также (стр. 210—211), что «пріобрѣтеніе крестьянами познанія своихъ юридическихъ правъ на землю» содѣйствуетъ учащенію досрочныхъ выкуповъ. И г. Воронцовъ, вопреки своему обычаю, говоритъ совершенную правду. А вѣдь это что значитъ? Это значитъ, что лучшее знаніе крестьянами своихъ правъ можетъ и не повести къ упроченію устоевъ. И вѣрнѣе всего, что устои еще болѣе расшатаются.

---

[1]) «Крестьянская община, стр. 191.

Это болѣе или менѣе смутно «сознаютъ» и сами народники. Потому-то они и кричатъ о необходимости отмѣнить тѣ права домохозяевъ, которыя противорѣчатъ народническимъ «идеаламъ». Потому-то знаменитая 165 ст. и подвергалась столь единодушному осужденію съ ихъ стороны.

Но о томъ, что *будетъ*, мы успѣемъ поговорить, когда оно будетъ. Теперь вдумаемся лучше въ то, что *уже есть* въ нашей народной жизни.

«Если при передѣлахъ общество не отводитъ земли шалтаямъ, говоритъ г. Воронцовъ, то это—главнымъ образомъ по причинѣ того, что они не только не пользуются лично землей, но и не платятъ податей. Другая часть недоимщиковъ, не занимаясь самостоятельно хозяйствомъ, пробивается въ родномъ селѣ поденными работами, службой въ батракахъ и т. п.; наконецъ, извѣстная часть неисправныхъ плательщиковъ готова бы заниматься хозяйствомъ, да не имѣетъ силы сдѣлаться настоящими земледѣльцами. Такъ какъ съ пользованіемъ землей связаны извѣстные платежи, которые, въ случаѣ неисправности отдѣльныхъ лицъ, ложатся на весь міръ, то обществу предстоитъ отнестись къ неплательщикамъ или какъ къ несамостоятельнымъ членамъ, требующимъ мѣръ призрѣнія, и въ такомъ случаѣ отводитъ имъ надѣлы безплатно, какъ они отводятся иногда вдовамъ, престарѣлымъ, сиротамъ и т. п., или считать ихъ за самостоятельныхъ членовъ союза и отбирать у нихъ землю, за которую они не вносятъ платежей (*вотъ вамъ и потребительная норма!*). Обыкновенно общества становятся на вторую точку зрѣнія, а нерѣдко и сами маломощные крестьяне, опасаясь запущенія недоимокъ и не особенно дорожа надѣльной землей, отказываются отъ всего или части участка, приходящагося имъ по общественной разверсткѣ» [1]).

Видите-ли, какъ все хорошо обстоитъ въ русской общинѣ. Во-первыхъ, несостоятельнымъ крестьянамъ «приходятся» извѣстные участки, чѣмъ достигается торжество «потребительной нормы» и доказывается эволюція общинной мысли. Но несостоятельные крестьяне «опасаются запущенія недоимокъ» и потому «*сами*» отказываются, частью или цѣликомъ, отъ своихъ надѣловъ. И это тѣмъ легче дѣлать имъ, что землей они «не особенно дорожатъ», очевидно, имѣя на то достаточныя основанія. Изъ того, что, даже не особенно дорожа землей, крестьяне все болѣе совершенствуютъ свои общинные идеалы, слѣдуетъ, что «внѣшнія условія» дѣйствительно не имѣютъ рѣшительнаго вліянія на развитіе народныхъ идеаловъ. Далѣе. Если у шалтаевъ отбирается земля, то единственно потому, что лично они ею не пользуются — новое торжество потребительной нормы. Наконецъ, если лишаются участковъ даже и такіе домохозяева, которые были бы не прочь лично попользоваться землею, то это происходитъ единственно потому, что съ ними обращаются какъ съ «самостоятельными членами»,—блестящее подтвержденіе той мысли, что община не подавляетъ личности. Чего лучше? Всѣ идеалы спасены и превознесены, всѣ волки сыты, а если нѣкоторыя овцы и не совсѣмъ цѣлы, то онѣ, какъ мы уже знаемъ, и сами «не особенно дорожатъ» своею цѣлостью.

Благодаря своему удивительному стремленію размалевывать розовыми красками то, что въ дѣйствительности имѣетъ несомнѣнный черный цвѣтъ, г. Воронцовъ, противъ собственнаго вѣдома и желанія, разоблачаетъ передъ нами свою истинную сущность, свое настоящее призваніе. Г. Воронцовъ «не особенно дорожитъ» интересами бѣднѣйшей части крестьянства: «шалтаи» не вызываютъ въ немъ чрезмѣрныхъ симпатій: что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь! Героемъ его романа является хозяйственный мужичекъ средней зажиточности,—тотъ мужичекъ, который не остановится даже передъ «формальнымъ правомъ», когда увидитъ возможность пріумножить свое имущество; тотъ мужичекъ, который не постѣснится забрать надѣлъ бѣдняка, заставивъ его «пробиваться въ родномъ селѣ поденными работами, службой въ батракахъ и т. п.», а при случаѣ не откажется и подать свой голосъ за ссылку въ Сибирь непокорнаго «шалтая»,—словомъ, *мелкій буржуа земледѣлія. Призваніе г. Воронцова заключается въ идеализаціи именно этого слоя.*

---

[1]) «Крестьянская община», стр. 300—301.

А онъ обѣщалъ намъ хранить въ чистотѣ общечеловѣческую идею и не облекать ее въ классовые костюмы!

Читатель замѣтилъ, можетъ быть, что до сихъ поръ мы, говоря о деревенскихъ порядкахъ, брали примѣры почти исключительно изъ быта государственныхъ крестьянъ. Мы совершенно сознательно держались на почвѣ, *наиболѣе благопріятной* для г. Воронцова. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ разложенія общины у бывшихъ *помѣщичьихъ* крестьянъ пошелъ гораздо дальше, чѣмъ у *государственныхъ.* Самъ г. Воронцовъ сознается, что «среди значительной части помѣщичьихъ крестьянъ вопросъ о будущемъ общины находится подъ сомнѣніемъ и что фактически здѣсь развиваются черты, свойственныя подворному владѣнію» [1]. Намъ надо было прослѣдить «эволюцію общинной мысли» тамъ, гдѣ она могла быть всего замѣтнѣе. Но за то, разъ мы убѣдились, что и тамъ эта «эволюція» совершается въ сторону разложенія общины, мы можемъ совсѣмъ ужъ не переносить спора на почву, неблагопріятную для г. Воронцова. Мы вполнѣ можемъ удовольствоваться его собственнымъ признаніемъ. Но, разумѣется, мы ни на минуту не должны забывать, какое значеніе имѣетъ это драгоцѣнное признаніе. Мы должны помнить, что если г. Воронцовъ говоритъ: будущее общины находится подъ сомнѣніемъ,—это значитъ, что нѣтъ уже мѣста ни для какого сомнѣнія, что община очевидно и быстро разлагается.

---

[1] Тамъ же, стр. 192.

Намъ тѣмъ болѣе можно и должно оставить безъ разсмотрѣнія успѣхи «общинной мысли» среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, что намъ надо поберечь мѣсто для обсужденія вопроса о томъ, насколько совмѣстимы общинные порядки съ улучшеніями въ земледѣльческой техникѣ. Всѣ признаютъ теперь необходимость такихъ улучшеній, да нельзя и не признавать ихъ: слишкомъ ужъ больно бьетъ насъ, какъ выражался покойный Энгельгардтъ, американецъ долбней по лбу; а еще того больнѣе бьютъ неурожаи, сдѣлавшіеся хроническими. Вотъ и спрашивается, поэтому (по крайней мѣрѣ, такъ спрашиваютъ очень многіе), не мѣшаетъ-ли община введенію болѣе совершенныхъ пріемовъ обработки земли? Г. Воронцовъ написалъ цѣлую книгу для того, чтобы доказать, что община не только не мѣшаетъ этому, но напротивъ, очень способствуетъ. Какъ же доказываетъ онъ это положеніе?

«Хотя нельзя отрицать,— говоритъ онъ — что нѣкоторые изъ порядковъ общиннаго владѣнія землей въ черноземной полосѣ, выработанные въ предшествующую исторію подъ вліяніемъ различныхъ условій, оказываются находящимися въ противорѣчіи съ требованіями возвышенія сельско-хозяйственной культуры, возникшими въ новѣйшее время, но слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что община не остается безучастной къ этимъ требованіямъ и случаи принятія ею тѣхъ или другихъ мѣръ обезпеченія хозяевамъ болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія участками считаются многими сотнями или даже тысячами. По высказаннымъ соображеніямъ, никакимъ образомъ нельзя утверждать, что примѣненіе удобренія въ черноземной полосѣ сдѣлается общераспространеннымъ явленіемъ лишь послѣ того, какъ вліяніемъ извнѣ община будетъ принуждена измѣнить многіе изъ своихъ распорядковъ» [1]).

Что касается нечерноземной полосы, гдѣ давно уже вошло во всеобщій обычай удобреніе полей, то и здѣсь «община принимаетъ различнаго рода мѣры для того, чтобы обезпечить своимъ членамъ извѣстную степень продолжительности пользованія однимъ и тѣмъ же участкомъ земли съ цѣлью побужденія ихъ къ лучшему уходу за нею... Сроки, обыкновенно устанавливаемые съ этой цѣлью для передѣловъ земли, настолько продолжительны, что ими вполнѣ обезпечивается улучшеніе земледѣльческой культуры и въ отношеніи лучшей обработки почвы, измѣненія экстенсивныхъ сѣвооборотовъ въ интенсивные, введенія посѣва травъ, корнеплодовъ, лѣкарственныхъ и огородныхъ растеній и т. п.» [1]).

---

[1]) „Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ“. С.-Петербургъ, 1892, стр. 127.

Что длинными сроками передѣловъ вполнѣ обезпечиваются названныя улучшенія, это подтверждается, по мнѣнію нашего автора, примѣромъ многихъ государствъ Запада, гдѣ «развитіе самыхъ интенсивныхъ системъ хозяйства было достигнуто еще при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ эти системы были примѣнены арендаторами, владѣвшими чужой землей, приблизительно, въ теченіи того же времени, какимъ (г. Воронцовъ хочетъ сказать: въ теченіи котораго) пользуется своимъ участкомъ русскій крестьянинъ-общинникъ, и рисковавшими, по окончаніи арендиаго контракта, быть вовсе изгнанными съ мѣста и во всякомъ случаѣ, не имѣвшими ни малѣйшей увѣренности въ томъ, что воздѣлываемая ими земля хотя частью перейдетъ къ ихъ дѣтямъ» [2]).

Наконецъ, г. Воронцовъ указываетъ на огородниковъ Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи, которые ведутъ очень интенсивное хозяйство, а между тѣмъ крѣпко держатся за общину [3]). Примѣръ ростовскихъ огородниковъ кажется г. Воронцову особенно убѣдительнымъ; онъ совершенно укрѣпляетъ нашего автора въ той мысли, что общинное владѣніе землею «прекрасно уживается съ самыми интенсивными системами хозяйства».

Все это очень хорошо, но, къ сожалѣнію, неосновательно.

Во-первыхъ, сравненіе русскаго крестьянина-общинника съ западно-европейскимъ фермеромъ несостоятельно по той простой причинѣ, что положеніе перваго совсѣмъ не похоже на положеніе послѣдняго [1]).

---

[1]) „Прогрессивныя теченія“, стр. 154—155.

[2]) Тамъ же, стр. 155.

[3]) Тамъ же, стр. 157—159.

Во-вторыхъ, если бы даже и было основательно это поразительно легкомысленное сравненіе, то оно въ лучшемъ случаѣ доказало бы только то, что община *могла бы*, *при извѣстныхъ условіяхъ*, и не мѣшать сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ. Иначе сказать, оно все таки ни на одну минуту не вывело бы насъ изъ области *возможности*. Но рѣчь идетъ не о *возможной* общинѣ въ какой-то фантастической *возможной* странѣ, а о *дѣйствительной* русской общинѣ, существующей при совершенно опредѣленныхъ, *дѣйствительныхъ* русскихъ условіяхъ. И вотъ эти-то опредѣленныя, дѣйствительныя русскія условія и ставятъ сельско-хозяйственныя улучшенія *въ противорѣчіе съ общиной*.

Только очень наивные или сильно заинтересованные въ искаженіи истины люди могутъ, разсуждая о желательныхъ улучшеніяхъ въ нашемъ современномъ крестьянскомъ земледѣліи, умалчивать о томъ, что въ настоящее время есть множество крестьянъ, рѣшительно не имѣющихъ экономической возможности не только *улучшить* свое хозяйство, но даже просто *поддержать* его на той низкой ступени, на которой оно стояло прежде. Нечего и говорить о такъ называемыхъ *безхозяйныхъ*, которые уже конечно не перейдутъ къ интенсивной обработкѣ собственныхъ полей, и число которыхъ вездѣ составляетъ у насъ очень значительный процентъ общаго числа домохозяевъ. Но всѣ безлошадные и однолошадные, всѣ эти «нули цѣлыхъ», «дроби» или кандидаты въ нули и дроби,—какія улучшенія могутъ предпринять они въ томъ, что какъ бы въ насмѣшку называется ихъ *хозяйствомъ?* Возьмемъ хоть обсѣмененіе полей лучшими сортами зерна. Это еще не богъ знаетъ какое улучшеніе хозяйства, и требуетъ оно сравнительно ничтожныхъ затратъ. Но какъ вы хотите, чтобы эти сравнительно ничтожныя затраты сдѣланы были людьми, которые *совсѣмъ не имѣютъ никакихъ сѣмянъ для посѣва? Не до жиру, быть бы живу*, — совершенно справедливо скажутъ вамъ такіе люди, а вѣдь имя имъ легіонъ. Развернемъ хоть *«статист. ежегодникъ Московской губ.» за 1890 г.*, т. е. за годъ, *предшествовавшій* неурожаю. Тамъ на стр. 44—45 перваго отдѣла мы встрѣчаемъ такія выдержки изъ корреспонденцій, относящихся къ посѣву яровыхъ.

---

[1]) На это указалъ уже г. А. И. Скворцовъ, возражая г. Посникову. «Сравненіе общиннаго хозяйства съ арендным ъ неправильно, ибо хотя въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ срочнымъ пользованіемъ, но разница положенія арендатора и общинника громадна. Во-первыхъ, при *арендѣ* срочность и *срокъ пользованія есть результатъ соглашенія* участвующихъ въ договорѣ сторонъ и, сообразно сроку и вообще условіямъ аренды, устанавливается и плата за пользованіе; а когда арендаторъ—крупный капиталистъ, какъ въ Англіи, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, что плата вынуждается необходимостью для фермера арендуемаго участка. Наоборотъ, при общинѣ, *срокъ* пользованія или совершенно не опредѣляется, или же *опредѣляется* независимо отъ согласія отдѣльнаго члена, *волею большинства*; недовольный установленнымъ срокомъ не можетъ подобно фермеру, уйти и искать себѣ земли въ другомъ мѣстѣ, на условіяхъ болѣе соотвѣтствующихъ его желаніямъ. Плата же за пользованіе въ нашей общинѣ не зависитъ даже и отъ воли цѣлой общины, а опредѣляется совершенно внѣшними условіями. Во-вторыхъ, опредѣленіе срока пользованія признается англійскими фермерами недостаточнымъ для обезпеченія культуры и они требуютъ, а кое-гдѣ уже добились, системы вознагражденія уходящаго фермера за неиспользованныя имъ улучшенія почвы. Введеніе системы такихъ вознагражденій при нашемъ общинномъ хозяйствѣ совершенно невозможно, по той простой причинѣ, что тотъ, къ кому переходитъ улучшенный участокъ, обыкновенно не имѣетъ для этого средствъ, да и у общины нѣтъ для этого никакихъ рессурсовъ». «Экономическія причины голодовокъ въ Россіи», 1894, стр. 82—83.

«Недостатокъ овса оказался большой; по дороговизнѣ его пріобрѣтали не всѣ. Картофель занялъ большую часть земли: онъ былъ почти у всѣхъ, да и покупался-то онъ не дороже 10 коп. мѣрка» (Бронницкій уѣздъ, Рождеств. вол., свящ. С. А. Веселовскій).

«Какъ и прежде, исправные домохозяева соблюли сѣмена на посѣвъ, а горевые—обращались, по обычаю, къ своимъ благодѣтелямъ, платя имъ по 4 рубля и даже съ полтинкой за тотъ сорный и плохой овесъ, который они же—крестьяне—осенью вручили въ уплату по 2 руб. 20 коп. и по 2 руб. 50 коп.» (Бронницкій у., Ульянинск. вол., свящ. М. А. Суворовскій).

«Крестьяне каждую весну нуждаются въ овсѣ, пріобрѣтая его большею частью въ кредитъ до 1 октября. За четверть въ восемь мѣръ платится по 4 руб. 50 коп., сверхъ сего—поработать во время покоса—обыкновенно косить одно утро» (Бронницкій у., Лобановск. вол., управл. А. С. Финогеновъ).

«Заемъ сѣмянъ всегда у насъ преобладаетъ, такъ какъ полученное лишнее отъ урожая продается, и на эти деньги дѣлается иногда выгодный, иногда невыгодный оборотъ. Въ концѣ года крестьяне обыкновенно занимаютъ съ большимъ процентомъ у мѣстныхъ кулаковъ» (Клинскій у., Борщевской волости, діаконъ С. М. Львовъ).

«Двѣ трети домохозяевъ обсѣялись своими сѣменами, взятыми изъ общественнаго хлѣбнаго магазина, остальные—пріобрѣли зерно займомъ...» (Рузскій у., Ащерин. вол., кр. Ѳ. П. Петровъ).

То же самое повторяется, конечно, ежегодно и въ другихъ мѣстностяхъ. Вотъ, напр., что происходило въ 1889 году въ разныхъ уѣздахъ Саратовской губерніи.

Царицынскій у. Въ Литовской вол. «у бѣдняковъ не хватило сѣмянъ, преимущественно пшеницы на 1117 десятинъ». Въ селѣ Александровкѣ «у многихъ сѣмянъ не хватило, отчего уменьшились яровые посѣвы и многіе сѣяли изъ половины».

Въ Ольховской вол. «въ сѣменахъ былъ недостатокъ; покупали у зажиточныхъ крестьянъ и землевладѣльцевъ; часть полей пустовала; нѣкоторые сѣяли исполу».

Хвалынскій уѣздъ. «Почти всѣ корреспонденты утверждаютъ, что въ настоящемъ году по уѣзду былъ большой недостатокъ въ сѣменахъ».

Вольскій уѣздъ. «Изъ 28 корреспондентовъ 2 указываютъ, что населеніе при посѣвѣ яровыхъ обошлось сѣменами своего урожая; въ остальныхъ же недостатокъ своихъ сѣмянъ пополнялся займомъ до урожая, заборомъ въ кредитъ и покупкой на наличныя на базарахъ. Кредитъ, впрочемъ, игралъ выдающуюся роль» и т. д.» [1]).

Человѣкъ ясно видитъ, что лучше ему было бы засѣять свой участокъ яровой пшеницей или овсомъ. Но своихъ сѣмянъ, положимъ хоть овса, у него нѣтъ, а на покупку не имѣется денегъ, и вотъ онъ засѣваетъ свое поле картофелемъ, благо продается онъ «не дороже 10 коп. мѣрка». Иному все-таки удается раздобыть въ долгъ овса, но овесъ оказывается «сорнымъ и плохимъ». Между тѣмъ, богатый или даже просто зажиточный крестьянинъ покупаетъ, *на наличныя деньги*, хорошія сѣмена, которыя съ лихвой возвратятъ ему его затрату [1]).

---

[1]) Сельско-хозяйственный обзоръ Саратовской губ. за 1889 г.; выпускъ первый, Саратовъ, 1890, стр. 64—68.

Въ Невѣрхинской вол. *Кузнецкаго* уѣзда крестьяне покупали сѣмена «товариществами и цѣлыми обществами, за круговой порукой, съ отсрочкой уплаты до 1-го октября» [2]). Покупка въ долгъ цѣлымъ *обществомъ*, безъ всякаго сомнѣнія, выручаетъ изъ затрудненія даже и бѣдняка. Но вѣдь мѣстами покупали не обществами, а *товариществами*, что далеко не одно и тоже. При покупкахъ, равно какъ и при арендахъ, товариществами складываются между собою домохозяева приблизительно одинаковой степени зажиточности; бѣдняки, «горевые», устраняются. Допустимъ, что товариществамъ удается раздобыть хорошихъ сѣмянъ, значительно лучшихъ, чѣмъ тѣ, которыя употреблялись прежде. Что выходитъ? Хозяйство «горевыхъ» падаетъ, хозяйство зажиточныхъ улучшается; вслѣдствіе этого разстояніе между бѣдными и зажиточными все болѣе и болѣе увеличивается. Г. Воронцовъ прекрасно знаетъ это—потому что кто же этого не знаетъ?—и все таки радостно твердитъ одно: община не препятствуетъ хозяйственнымъ улучшеніямъ. Что это: злая насмѣшка надъ «горевыми» крестьянами, или наивность того героя сказки, который на свадьбѣ поетъ вѣчную память, а на похоронахъ пускается плясать въ присядку?

Г. Воронцовъ много говоритъ о распространеніи между крестьянами улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что эти орудія распространяются. Даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ распространеніе ихъ незначительно, бываютъ случаи пріобрѣтенія крестьянами конныхъ молотилокъ, стоющихъ до 400 рублей [3]). Но вѣдь не «горевые» же хозяева покупають эти дорогія машины? Надо думать, что не они: имъ такихъ машинъ не «осилить». Не осилить имъ даже порядочнаго плуга, стоющаго 40—60 руб., или вѣялки, стоющей приблизительно столько же. Стало быть, и здѣсь должно повторяться уже указанное нами явленіе: *разстояніе между бѣдняками и зажиточными домохозяевами, пріобрѣтающими усовершенствованныя орудія, все болѣе и болѣе возрастаетъ.* Такъ это и говорятъ изслѣдователи, не считающіе нужнымъ вводить въ заблужденіе своихъ читателей.

---

[1]) Въ Московской губ. зажиточные крестьяне довольно часто покупаютъ новые сорта сѣмянъ.

[2]) Сельско-хозяйственный обзоръ Сар. губ. за 1889 г. стр. 66.

[3]) См. Сборн. статист. свѣдѣн. по Екатерин. губ., выпускъ третій, Славяносербскій уѣздъ, Екатеринославъ, 1886 г., отдѣлъ 1-й, стр. 221.

«Распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій — справедливо пишетъ г. М. Рева — только тогда могло бы служить признакомъ общаго прогресса крестьянскаго хозяйства, если бы новыя орудія вполнѣ, или хотя приблизительно соотвѣтствовали цѣнѣ старыхъ, которыя ими замѣняются. Лишь при такой приблизительной равноцѣнности усовершенствованныя земледѣльческія орудія могли бы дѣлаться достояніемъ возможно большаго количества крестьянскихъ хозяйствъ, могли бы способствовать массовому повышенію культуры крестьянскихъ полей. Но хорошо извѣстно, что въ дѣйствительности этого нѣтъ, и потому въ данное время распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій указываетъ не столько на крестьянскій хозяйственный прогрессъ вообще, сколько на усиленіе экономической розни между крестьянами. Это не парадоксъ, это истина, понять которую не трудно» [1]).

Намъ могутъ замѣтить, что, попадая въ деревню, усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія служатъ часто не только своимъ покупщикамъ, но и многимъ сосѣдямъ. Это правда. Но развѣ собственники сельско-хозяйственныхъ орудій *даромъ* отдаютъ ихъ въ пользованіе сосѣдей? Не только не даромъ, но берутъ за ихъ наемъ иногда страшно-высокую плату. «Въ с—цѣ Петрово-Красноселье снимаютъ вѣялки по 1 р. въ день; вѣялка кр. Пызина, купленная за 50 р., въ годъ окупила себя и дала барыша 20 р.». [2]) Что же это означаетъ? Это означаетъ, что распространеніе между крестьянами усовершенствованныхъ сельскохозяйственныхъ орудій часто бываетъ равносильно распространенію въ ихъ средѣ способовъ мелкобуржуазной наживы. Ну а эти способы едва-ли много способствуютъ упроченію устоевъ!

---

[1]) «Кіевскій крестьянинъ», стр. 37—38.

[2]) Сб. статист. свѣд. по Славяносербскому уѣзду, отдѣлъ 1-й, стр. 223.

Это не все. Собственники сельско-хозяйственныхъ орудій охотно *отдаютъ ихъ въ наемъ* другимъ домохозяевамъ. Но не всякій домохозяинъ въ состояніи *нанять* эти орудія: не всякій можетъ платить, напр., по рублю въ день за пользованіе чужою вѣялкой. Вотъ почему и выходитъ, что между тѣмъ какъ богатые крестьяне мѣстами пользуются теперь превосходными орудіями, бѣдняки— вынуждены довольствоваться *самыми допотопными*. Въ Славяносербскомъ уѣздѣ «довольно значительное распространеніе получилъ способъ найма богатыми домохозяевами паровыхъ и—рѣже—конныхъ молотилокъ» А бѣдняки остаются при традиціонныхъ «*каткахъ-горманахъ*», которыхъ приходится къ тому же «на нѣсколько хозяевъ по одному» [1]. *Богатый становится еще богаче; бѣдный — относительно еще бѣднѣе.* Это именно и говоритъ г. Рева.

Въ Новоузенскомъ уѣздѣ земскимъ статистическимъ изслѣдованіемъ найдено у 529 хозяевъ: плуговъ—1267; вѣялокъ—157; сортировокъ—11; соломорѣзокъ—2; конныхъ граблей—64; косилокъ—133; сѣялокъ—27; жнеекъ—84; конныхъ молотилокъ—205; паровыхъ молотилокъ—23.

Въ Николаевскомъ уѣздѣ, гдѣ записывались лишь крупныя машины, у 144 домохозяевъ оказалось: косилокъ—86; жнейка—1; конныхъ граблей—10; конныхъ молотилокъ—98; паровыхъ молотилокъ—4.

Что скажете вы, читатель, о столь «прогрессивномъ» теченіи въ самарскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ? Положимъ, что вы придете отъ него въ восторгъ и воскликнете: вѣдь вотъ не мѣшаетъ же община распространенію среди крестьянъ усовершенствованныхъ орудій! Мы охотно раздѣлимъ вашъ восторгъ, но въ то же время мы спросимъ васъ,—а сколько тысячъ безхозяйныхъ приходится въ названныхъ уѣздахъ на эти *сотни* «умственныхъ мужичковъ», вооружившихся усовершенствованными орудіями. А сколько *батраковъ* нанимаютъ умственные мужички? А сколько огромныхъ хуторовъ, этихъ настоящихъ фермъ, завели умственные мужички на своихъ *купчихъ* и арендованныхъ земляхъ? А сколько чужихъ надѣловъ обрабатываютъ они своими усовершенными орудіями?

---

[1] Тамъ-же, стр. 221.

Въ названныхъ уѣздахъ Самарской губерніи есть хутора, занимающіе сотни, тысячи и даже *десятки тысячъ* десятинъ земли и имѣющіе сотни и даже *тысячи* головъ скота [1]). Хуторяне во многихъ случаяхъ продолжаютъ числиться общинниками и умилять сердце г. Воронцова своимъ «стремленіемъ къ общинѣ, какъ къ формѣ быта». Это напоминаетъ нѣкоторыхъ *крупныхъ фабрикантовъ* Московской губерніи, остающихся въ крестьянскихъ обществахъ и даже получающихъ надѣльную землю. Въ виду такихъ фактовъ, всякій, не совсѣмъ неспособный къ мышленію, человѣкъ согласится, что наши старые «устои» совершенно не въ состояніи предупредить возникновеніе и широкое развитіе тѣхъ экономическихъ противорѣчій, которыхъ хотѣли бы избѣжать наши народники. Но эти послѣдніе имѣютъ очи и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ. Они—со своимъ протопопомъ Аввакумомъ, г. Воронцовымъ, во главѣ —упрямо твердятъ: какая прелесть эти устои! И какъ пышно они развиваются! Правда, въ голосѣ ихъ слышится подчасъ, какъ напр. у г. Сазонова, грустная нота сомнѣнія. Но ихъ грусть не устраняетъ глубочайшаго комизма ихъ положенія. Когда мы читаемъ ихъ разглагольствованія на тему объ «эволюціи общинной мысли», мы невольно вспоминаемъ нѣкоего Карла Карловича Фишера, «дядюшку», фигурирующаго у Н. Михайловскаго въ его очеркахъ «Въ перемежку». Этотъ дядюшка постоянно повторялъ, не помнимъ уже какую именно, нелѣпую поговорку, произнося ее на особый манеръ: такъ попугай произноситъ иногда заученную фразу, говоритъ г. Михайловскій: грустно и некстати. Вотъ именно такъ и наши народники твердятъ объ «эволюціи общинной мысли»: *грустно и некстати.*

---

[1]) Такъ, хуторъ Устиновъ Никол. у. имѣетъ болѣе 5 тысячъ десят. арендованной земли и 190 головъ скота; хуторъ Вдовинъ Новоузенскаго уѣзда—17, 220 десят. купчей земли, 16,600 десят. арендованной и 1557 головъ скота. Очень, очень «прогрессивное теченіе»! Не о такомъ ли возсоединеніи крестьянъ съ землею говоритъ г. Воронцовъ въ ноябрьской книжкѣ «Новаго Слова»? Такое возсоединеніе дѣйствительно гораздо многозначительнѣе другого, которое мѣстами имѣетъ мѣсто въ Россіи (такъ, напр., въ Московской губ. кое-гдѣ распахиваютъ теперь давно заброшенные пустыри), но которое ни отъ чего насъ не спасетъ, потому что на одинъ случай «возсоединенія» приходятся сотни случаевъ разрушенія крестьянскихъ хозяйствъ. Да и на долго ли возсоединится съ землею «пустырникъ»? Богатый же хуторянинъ, разъ завладѣвъ ею, не легко выпуститъ ее изъ рукъ.

Усовершенствованіе крестьянскаго сельскаго хозяйства увеличиваетъ разстояніе между состоятельными членами общины съ одной стороны и несостоятельными—съ другой. А это ведетъ къ разложенію общины, потому что немыслима солидарность между людьми, экономическое положеніе которыхъ очень различно, а интересы часто противоположны. Слѣдовательно, если община дѣйствительно не препятствуетъ *сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ, то тѣмъ хуже для общины, потому что тѣмъ скорѣе пробьетъ часъ ея гибели.*

Но не препятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозайства только существующая въ головѣ г. Воронцова, *возможная* община, члены которой, по своей экономической состоятельности, по своему развитію и по своей предпріимчивости, не уступаютъ англійскимъ фермерамъ. *Дѣйствительная* же русская община, очень далекая, какъ извѣстно, отъ такого «идеала», довольно сильно задерживаетъ названные успѣхи.

Какими бы яркими красками вы ни разрисовывали будто бы «независимыя» отъ внѣшнихъ условій нравственныя свойства крестьянина, онъ не станетъ удобрять то поле, которое должно перейти отъ него при предстоящемъ передѣлѣ. Извѣстно, что какъ только въ *дѣйствительной* русской деревнѣ распространяется убѣжденіе въ неминуемости передѣла, *удобреніе полей прекращается* до тѣхъ поръ, пока новое распредѣленіе земли не обезпечитъ, хоть на нѣсколько лѣтъ, хоть сколько нибудь прочно, владѣніе ими. Это значитъ, что общинное землевладѣніе затрудняетъ даже такое сравнительно незначительное «улучшеніе» хозяйства какъ удобреніе полей, уже теперь мѣстами безусловно необходимое. Г. Воронцовъ знаетъ это, но онъ утѣшаетъ себя тѣмъ соображеніемъ, что удлиненіе сроковъ передѣловъ «вполнѣ обезпечиваетъ улучшеніе земледѣльческой культуры».

Какъ же, посредствомъ чего «обезпечиваетъ»? Посредствомъ приговоровъ, устанавливающихъ сроки передѣловъ. Много-ли значенія имѣютъ въ глазахъ крестьянъ такіе приговоры? Если вѣрить г. Воронцову, то очень немного, потому что, какъ онъ увѣряетъ насъ въ другомъ своемъ сочиненіи, «критическая мысль» крестьянъ *не останавливается даже передъ формальнымъ правомъ*, когда передѣлъ кажется выгоднымъ большинству домохозяевъ (см. выше). Но въ такомъ случаѣ, т. е. если вѣрить г. Воронцову, выходитъ, что приговоры, удлиняющіе сроки передѣловъ, ничего не обезпечиваютъ (т. е. что не надо вѣрить г. Воронцову), и что зажиточные крестьяне, опасаясь «критической мысли» менѣе состоятельныхъ домохозяевъ, должны, при переходѣ къ улучшенной системѣ земледѣлія, стать въ *критическое* отношеніе къ общинѣ. Другими словами, улучшеніе земледѣлія возстановитъ противъ общины именно тѣхъ крестьянъ, которые будутъ имѣть наиболѣе средствъ для усовершенствованной обработки полей. Дѣло «устоевъ» оказывается, такимъ образомъ, очень мало «обезпеченнымъ».

Сами крестьяне во многихъ мѣстахъ указываютъ на передѣлы какъ на важное препятствіе удобренію полей. Но г. Воронцовъ не придаетъ значенія этимъ отзывамъ крестьянъ. По его мнѣнію, если мѣстами крестьяне не удобряютъ своихъ полей, то это происходитъ единственно потому, что они не убѣждены въ пользѣ удобренія, ссылаются же они на передѣлы такъ себѣ, между прочимъ, по той причинѣ, что надо же на что нибудь ссылаться. Нѣкоторые мѣстные изслѣдователи разсуждаютъ въ этомъ случаѣ подобно г. Воронцову. «*Критическая мысль*» гг. «интеллигентовъ» становится въ «*критическое*» *отношеніе* къ «*критической мысли*» крестьянъ, какъ только эта послѣдняя отворачивается отъ «*идеаловъ*» интеллигенціи.

Если бы г. Воронцовъ и ему подобные были хоть немного склонны къ послѣдовательному мышленію, то они спросили бы себя: а можетъ быть и общинное землевладѣніе существуетъ вовсе не потому, что за него стоитъ «критическая мысль» крестьянъ? Можетъ быть, эта мысль и въ этомъ случаѣ только оправдываетъ существующій фактъ? Можетъ быть, она съ неменьшей убѣдительностью будетъ отстаивать *подворное* владѣніе, когда община разложится подъ вліяніемъ новыхъ хозяйственныхъ условій? Но послѣдовательность никогда не была отличительнымъ свойствомъ мышленія г. Воронцова и ему подобныхъ.

Если приговоры, касающіеся сроковъ передѣловъ, мало «обезпечиваютъ» участки зажиточныхъ крестьянъ отъ покушеній на нихъ со стороны менѣе состоятельныхъ домохозяевъ, то, конечно, законодательная дѣятельность правительства можетъ много сдѣлать въ смыслѣ такого обезпеченія. Передъ этого рода «формальнымъ правомъ» «критическая мысль» крестьянъ поневолѣ должна «остановиться». Вотъ почему законъ, установившій 12-лѣтній срокъ для передѣловъ, безспорно устранилъ нѣкоторыя невыгодныя для земледѣлія стороны общиннаго землевладѣнія. Но какое вліяніе окажетъ этотъ законъ на прочность общины? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы предложимъ читателю другой, а именно: *содѣйствуетъ-ли удлиненіе сроковъ передѣловъ росту неравенства между общинниками?*

Если *нѣтъ*, то значитъ общинное землевладѣніе не имѣетъ никакого значенія для благосостоянія народной массы, и мы не понимаемъ, почему такъ много шумятъ о немъ гг. народники.

Если *да*, то всякое удлиненіе сроковъ передѣловъ равносильно усиленію неравенства въ общинѣ, и въ такомъ случаѣ насъ удивляетъ г. Воронцовъ, указывающій на это удлиненіе, какъ на новое торжество общины.

Полагаемъ, что читатель и безъ нашихъ разъясненій видитъ, почему удлиненіе сроковъ передѣловъ должно вести къ усиленію неравенства въ общинѣ. Точно также и безъ нашихъ разъясненій пойметъ онъ значеніе закона, установившаго двѣнадцатилѣтній срокъ. Законъ этотъ далеко не «обезпечиваетъ», разумѣется, богатому крестьянину результатовъ всѣхъ тѣхъ улучшеній, которыя онъ могъ бы предпринять на своемъ участкѣ: вѣдь черезъ двѣнадцать лѣтъ у него все-таки могутъ отнять по крайней мѣрѣ часть улучшеннаго поля. Но этотъ законъ вполнѣ «обезпечиваетъ» такое накопленіе неравенства между общинниками, при которомъ дальнѣйшая судьба всякой данной общины можетъ оказаться сомнительной. Когда настанетъ время законнаго передѣла, у бѣдняковъ не будетъ, можетъ быть, ни *силы*, чтобы добиться его, ни *охоты* его добиваться: вѣдь мы уже знаемъ, что безхозяйные мало интересуются передѣлами. Выходитъ, стало быть... выходитъ, что и съ этой стороны *тѣмъ хуже для общины*.

Въ своей защитѣ общиннаго землевладѣнія наши народники никогда не блистали логичностью аргументаціи: они до сихъ поръ не привели еще ни одного, рѣшительно ни одного довода, въ основѣ котораго не было бы логической ошибки. Но никогда нелогичность этихъ добрыхъ и почтенныхъ людей не блистала столь яркою звѣздою, какъ въ спорѣ объ отношеніи сельско-хозяйственныхъ улучшеній къ общинному землевладѣнію. Тутъ что ни шагъ, то самое вопіющее нарушеніе самыхъ общеизвѣстныхъ правилъ логики. Вотъ образчикъ ихъ удивительной аргументаціи.

Гг. народники обращаютъ взоры на крестьянское хозяйство тѣхъ мѣстностей Россіи, въ которыхъ нѣтъ общиннаго землевладѣнія. Въ этихъ мѣстностяхъ крестьянское землевладѣніе стоитъ на такой же или почти на такой же ступени, какъ и тамъ, гдѣ существуетъ община. Слѣдовательно, умозаключаютъ они, *не община препятствуетъ* и т. д.; слѣдовательно, вопросъ рѣшенъ въ пользу общины. Спрашивается, на сколько позволительно такое умозаключеніе?

Въ мѣстностяхъ подворнаго землевладѣнія существуетъ много причинъ, препятствующихъ успѣхамъ крестьянскаго земледѣлія. Одна изъ очень важныхъ прекрасно выяснена г. Рева.

«Подворный крестьянинъ — говоритъ онъ — въ возможности пользоваться своей землей стѣсненъ нѣсколько меньше, нежели крестьянинъ общинникъ, но все же стѣсненъ на столько значительно, что стѣсненность эта является одной изъ весьма серьезныхъ причинъ слабости урожаевъ на крестьянскихъ поляхъ. Подворный крестьянинъ, владѣя своимъ надѣломъ среди надѣловъ другихъ крестьянъ, не можетъ пахать его раньше другихъ своихъ односельцевъ, особенно, если вопросъ идетъ о вспашкѣ на паръ. Если онъ вздумаетъ идти противъ обычая и вспашетъ свое поле раньше, общественная сельская «череда» (стадо) такъ утопчетъ ему эту пахоть, что ее все равно прійдется перепахивать вновь, на что у крестьянина этого можетъ уже не оказаться ни времени, ни средствъ».

«Все въ тѣхъ же интересахъ выпаса скота подворный крестьянинъ долженъ и сѣять, и убирать посѣянное съ поля одновременно со всѣми остальными односельчанами. Кто запоздаетъ съ уборкой или свозкой своего хлѣба съ поля, тотъ пусть извинитъ, но его хлѣбъ непремѣнно потерпитъ серьезный ущербъ и отъ дневной пастьбы «череды», и отъ ночного выпаса лошадей. Нерѣдко случается такъ, что въ одну ночь гибнетъ весь урожай запоздавшаго со свозкой крестьянина и онъ получаетъ тогда только лошадиные объѣдки» [1]).

При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, невозможно дѣлать какія нибудь улучшенія въ сельско-хозяйственной системѣ; трудно даже и вообще вести сносное хозяйство. Эти условія *должны быть и будутъ устранены*, *если только суждено сдѣлать хоть нѣсколько серьезныхъ шаговъ впередъ крестьянскому земледѣлію*. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что и при подворномъ владѣніи могутъ явиться непреодолимыя или почти непреодолимыя препятствія для улучшенія сельскаго хозяйства крестьянъ или даже для простого поддержанія его на уже достигнутой, незначительной высотѣ. *Но это и все*. Умозаключать отсюда, что община не препятствуетъ «улучшенію земледѣльческой культуры»—по меньшей мѣрѣ странно. У *Прокопенка* хроническій бронхитъ. Слѣдовательно, разсуждаете вы, у *Петрова* нѣтъ ревматизма. Это неожиданно, но не убѣдительно. Вѣдь очень возможно, что на самомъ-то дѣлѣ Петровъ страдаетъ *и бронхитомъ*, *и ревматизмомъ*. Въ такомъ случаѣ и лѣчить его надо *отъ обѣихъ болѣзней сразу*. Нѣчто подобное и говорятъ такъ называемые народниками противники общиннаго землевладѣнія,—по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ: общинное владѣніе вредитъ интересамъ земледѣлія; но недостаточно устранить его, надобно, кромѣ того, избавить земледѣльца отъ множества тѣхъ стѣсненій, которыя затрудняютъ улучшеніе земледѣльческой культуры даже въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія. *Этихъ* людей не собьешь съ позиціи указаніемъ на отсталость сельско-хозяйственныхъ пріемовъ у крестьянъ, не знающихъ прелестей общины.

---

[1]) «Кіевскій крестьянинъ», стр. 30—32.

Г. Воронцовъ, который въ третьей главѣ своей книги «*Прогресивныя теченія*» широко пользуется указаннымъ пріемомъ алогическаго мышленія, идетъ еще дальше въ своемъ возстаніи противъ логики. Онъ хочетъ доказать не только то, что община *не мѣшаетъ* успѣхамъ сельскаго хозяйства, но что она, напротивъ, очень *благопріятна имъ*.

«Соглашаясь съ мнѣніемъ, что, стѣсняя личную иниціативу, община, сравнительно съ подворно-хуторскимъ владѣніемъ, можетъ задержать *начало* улучшенія, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать за нею преимущества (даже сравнительно съ идеальнымъ типомъ подворной собственности) въ дѣлѣ дальнѣйшаго *распространенія* послѣдняго. Эти преимущества заключаются въ слѣдующемъ. Человѣкъ, хозяйственная дѣятельность котораго совершенно свободна, не имѣетъ надобности убѣждать другихъ въ пользѣ преобразованія, въ которое самъ вѣритъ, такъ какъ осуществленіе послѣдняго зависитъ единственно отъ него. Кто же связанъ въ этомъ отношеніи волею сосѣдей, тотъ неизбѣжно приходитъ къ необходимости попытаться повліять на послѣднихъ: при всякомъ случаѣ онъ будетъ толковать о необходимости принять извѣстную мѣру, кажущуюся полезной ему, но не пользующуюся кредитомъ среди его однообщественниковъ и его проповѣдь увѣнчается большимъ или меньшимъ успѣхомъ» [1]).

Итакъ, прямая, до сихъ поръ никѣмъ не подмѣченная, выгода общиннаго землевладѣнія заключается въ томъ, что оно на нѣкоторое время превращаетъ иниціатора изъ человѣка, *практикующаго* улучшенные сельско-хозяйственные пріемы, въ человѣка, *пропагандирующаго* ихъ. Она устанавливаетъ нѣчто въ родѣ *натуральной повинности въ пользу пропаганды усовершенствованной земледѣльческой культуры*. Г. Воронцовъ забылъ прибавить, что когда пропагандистъ перетянетъ на свою сторону большинство членовъ общины—отсталое меньшинство закоренѣлыхъ рутинеровъ можно будетъ *«высѣчь на сходѣ»*. Мы уже знаемъ, что такая операція продѣлывается подчасъ не безъ пользы для «эволюціи общинной мысли» крестьянъ, поддавшихся искушеніямъ индивидуализма. Надо надѣяться, что полезной окажется она и для исправленія сельско-хозяйственныхъ понятій общинниковъ.

---

[1]) «Прогрессивныя теченія», стр. 173—174.

Всякій поверхностный путешественникъ, попавъ въ Рочестеръ, найдетъ, по замѣчанію Диккенса, что улицы этого города могли бы быть менѣе грязны. Глубокомысленному мистеру Пикквику рочестерская грязь подала поводъ для самыхъ отрадныхъ размышленій: онъ увидѣлъ въ ней новое указаніе на сильное торговое движеніе въ городѣ. Мы можемъ съ гордостью сказать, что по части глубокомыслія нашъ соотечественникъ г. Воронцовъ ни мало не уступаетъ почтенному герою Диккенса.

Еслибы г. Воронцова не увлекало соревнованіе съ мистеромъ Пикквикомъ, то онъ безъ труда понялъ бы, что для пропаганды сельско-хозяйственныхъ, да и всякихъ другихъ улучшеній, особенно въ русской крестьянской средѣ, важнѣе всего *примѣръ*. Отсюда онъ съ такою же легкостью умозаключилъ бы, что такъ какъ стѣсненія, налагаемыя общиннымъ землевладѣніемъ, мѣшаютъ новаторамъ употребить этотъ наиболѣе убѣдительный пріемъ пропаганды, то улучшеніе земледѣльческой культуры стѣсняется существованіемъ общины.

Далѣе. Если бы г· Воронцова не вводило въ заблужденіе то же соревнованіе, то онъ рѣшился бы хоть разъ, хоть на одну минуту забыть засѣвшую въ его голову *возможную* общину и вспомнить о существованіи въ Россіи *дѣйствительной* общины. Мы уже знаемъ, что въ этой дѣйствительной общинѣ многіе члены не имѣютъ рѣшительно никакихъ средствъ не только для усовершенствованнаго земледѣлія, но даже для самой допотопной обработки и для обсѣмененія своихъ полей. Вы можете сколько угодно убѣждать этихъ бѣдняковъ въ преимуществахъ раціональной земледѣльческой культуры,—они не перейдутъ къ ней просто въ силу своей бѣдности. И если тотъ или другой упрямый петербургскій доктринеръ можетъ не обращать вниманія на это обстоятельство, то сами крестьяне, люди практики, а не резонерства, *вынуждены* считаться съ нимъ.

И они дѣйствительно считаются: бѣднота устраняется отъ пользованія землей, надѣлы скопляются въ рукахъ зажиточныхъ крестьянъ. И чѣмъ сильнѣе дастъ себя почувствовать необходимость сельско-хозяйственныхъ улучшеній, тѣмъ дальше подвинется этотъ процессъ, *тѣмъ хуже будетъ для общины.*

Г. Воронцовъ можетъ пренебрежительно относиться къ «критической мысли» крестьянъ всякій разъ, когда она станетъ въ противорѣчіе съ выводами его собственной «критической мысли». У насъ нѣтъ поводовъ для столь пренебрежительнаго отношенія ко взглядамъ крестьянъ; мы не связаны доктриной, и потому мы приглашаемъ читателя вдуматься вмѣстѣ съ нами въ слѣдующее явленіе.

Всюду, гдѣ крестьяне практикуютъ усовершенствованные пріемы земледѣлія—напр. хоть *травосѣяніе*—они охотнѣе примѣняютъ ихъ на *усадебныхъ* или на *«купчихъ»*, чѣмъ на подлежащихъ передѣламъ *надѣльныхъ* земляхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только «противники» общиннаго землевладѣнія, но и самые горячіе его сторонники.

«Крестьяне различно ведутъ земледѣльческое хозяйство на каждой категоріи земель, находящихся въ ихъ пользованіи,—говоритъ г. Дмитренко. Самый главный и цѣнный продуктъ сельско-хозяйственнаго крестьянскаго производства—пшеница занимаетъ самый высокій процентъ (71%) въ посѣвахъ другихъ растеній на собственной купленной землѣ. Болѣе или менѣе вѣроятной причиной такого явленія будетъ лучшій способъ веденія полевого хозяйства на этого рода земляхъ. Крестьяне дорожатъ этой землей, какъ собственностью, даютъ ей большее число лѣтъ отдыхать подъ толокой, такъ что посѣвы пшеницы на ней даютъ самую большую вѣроятность на урожай. Такъ у государственныхъ крестьянъ купчей земли 2698,8 д. изъ нихъ пашется 702,5 дес., т. е. меньше $^1/_3$ части всей площади; у усадебниковъ изъ 124,2 дес. пашется только 40 дес. Значительно ниже процентъ пшеницы (58,6%) между посѣвными растеніями на арендованныхъ земляхъ, хотя въ же время онъ выше на цѣлыхъ 12% площади подъ пшеницей на надѣльной землѣ. Крестьяне считають свою надѣльную землю самой неурожайной, вслѣдствіе ея истощенія и невозможности перейти къ болѣе обезпечивающимъ урожаи формамъ системъ полеводства, а арендованныя помѣщичьи земли находятся въ отдыхѣ большее число лѣтъ сравнительно съ надѣльными, и потому представляютъ болѣе возможности на оплату труда, вложеннаго въ производство пшеницы. Въ отношеніи хлѣбовъ малоцѣнныхъ, иначе—хлѣбовъ продовольственныхъ, существуетъ обратное явленіе. Ржи сѣется на купленной землѣ въ два раза меньше, чѣмъ на арендованной и надѣльной. Ячменемъ крестьяне занимаютъ на надѣльной землѣ самую большую площадь (18%); на арендованныхъ же и собственныхъ земляхъ имъ засѣвается на 7—8% меньшее пространство. Съ посѣвомъ овса то же явленіе. Ячмень и овесъ на надѣльныхъ земляхъ почти въ три раза родятъ лучше, чѣмъ рожь и пшеница; поэтому станетъ вполнѣ понятнымъ, почему крестьяне находятъ болѣе выгоднымъ занимать посѣвомъ этихъ хлѣбовъ болѣе высокій процентъ надѣльной площади, чѣмъ собственной и арендованной. Всѣ остальныя растенія крестьяне предпочитаютъ сѣять на надѣльной землѣ» [1]).

Ясно, что славяносербскіе крестьяне не хотятъ ждать того блаженнаго времени, когда исчезнутъ препятствія, мѣшающія нынѣ тщательной обработкѣ надѣльныхъ земель; ясно также, что не довольствуются эти крестьяне словесной пропагандой болѣе разумныхъ пріемовъ земледѣлія. Они стараются пріобрѣсти собственныя земли, которыя и подвергаютъ затѣмъ наиболѣе тщательной обработкѣ. Нельзя будетъ удивляться, если, привыкнувъ смотрѣть на «собственную» землю какъ на землю, поставленную въ наиболѣе выгодныя условія въ смыслѣ воздѣлыванія, крестьяне вздумаютъ покончить съ общиной [2]).

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Славяносербскому уѣзду, отд. 1-й, стр. 205—206.

[2]) Это мы видимъ въ Таврической губерніи. «Въ нижнихъ Сѣрогозахъ, Рубановкѣ, Геническѣ и Юзкуяхъ (Мелитопольскій уѣздъ) община очень крѣпка, однако и тамъ идутъ толки о подворномъ владѣніи по наличнымъ душамъ. Въ Сѣрогозахъ большая часть достаточныхъ крестьянъ желаютъ уничтоженія періодическихъ передѣловъ и перехода къ подворному владѣнію.

Пріобрѣтать частную поземельную собственность могутъ только зажиточные домохозяева, обыкновенно пользующіеся большимъ вліяніемъ въ своей средѣ. Когда такіе домохозяева станутъ въ отрицательное отношеніе къ общинѣ, ея дни будутъ сочтены. А такъ какъ прогрессъ сельско-хозяйственной техники уже теперь заставляетъ зажиточныхъ домохозяевъ вкушать отъ древа познанія добра и зла, т. е. сознавать преимущества подворнаго владѣнія, то ясно, что «эволюція» народной мысли *уже* приняла непріятное для гг. народниковъ направленіе [1]).

Примѣръ ростовскихъ огородниковъ, которые, ведя очень интенсивное хозяйство, въ то же время будто бы очень крѣпко держатся за общину, ясно показываетъ основательность нашихъ опасеній. Названные огородники,—какъ мы узнаемъ отъ того же г. Воронцова (стр. 158),—внимательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ни

«Тогда, говорятъ они, каждый свою землю будетъ пахать лучше и ее можно выкупить, внеся въ казначейство 7 рублей за десятину», благодаря чему земля освободится отъ оброчной подати. То же соображеніе о выкупѣ заставляетъ мечтать и крестьянъ с. Рубановки о переходѣ къ подворному владѣнію. Въ с. Юзкуяхъ нѣкоторые крестьяне желаютъ возвратиться къ ревизской раскладкѣ, но такихъ немного. Гораздо больше такихъ крестьянъ, которые, отвергая ревизскую раскладку, высказываютъ желаніе уничтожить періодическіе передѣлы и перейдти къ подворному владѣнію. Указываютъ два мотива: «подворный участокъ можно нарѣзать въ одномъ углу; его можно продать и уйдти въ Черноморію или на берегъ Азовскаго и Чернаго моря ловить рыбу». Стремленіе къ прочному и устойчивому подворному владѣнію проглядываетъ и въ приговорѣ ефремовскаго сельскаго схода отъ 27 іюля 1882 г.» и т. д. Сбор. статист. свѣд. по Таврич. губ. Томъ I, ч. II, стр. 57—58.

[1]) «Насколько сильно вліяетъ на воззрѣнія крестьянъ возможность пріобрѣсти «вѣчную» землю — можно судить уже потому, что во всѣхъ селеніяхъ Веселовской волости стремленіе къ ревизской раскладкѣ проявилось одновременно (1882 г.) въ тотъ моментъ, когда прошелъ слухъ о продажѣ 22,000 десятинъ земли княженъ Оболенскихъ мелкими участками и въ разсрочку при помощи крестьянскаго банка. Понятно, что тѣ крестьяне, которые имѣютъ въ виду купить участки, должны стремиться къ такой формѣ владѣнія, которая позволила бы имъ продать надѣльную землю и сѣсть на купленные участки, а не вести два хозяйства въ разныхъ мѣстахъ, что сопряжено съ лишними расходами и съ лишней тратой времени. Такая орма и есть подворное владѣніе». Тамъ же, стр. 63.

одинъ изъ членовъ общины не запускалъ своего участка, и въ послѣднее время стали даже *запрещать сдачу земли въ аренду*, *отбирая на общество надѣлы тѣхъ лицъ*, *которые сами ихъ не обрабатываютъ*. Скажите, читатель, во что обратится русская поземельная община, если, волею судебъ и состоятельнаго крестьянства, вся, столь многочисленная нынѣ, бѣднота, не имѣющая никакой возможности обрабатывать свои надѣлы, лишена будетъ права сдавать ихъ въ аренду? Во что бы ни обратилась она, мы твердо знаемъ одно: *такая община будетъ*, *пожалуй*, *удовлетворять вкусамъ г. Воронцова и зажиточныхъ кулачковъ-домохозяевъ*, *но для бѣдноты станетъ уже совсѣмъ*, *совсѣмъ безполезной*. Центръ тяжести интересовъ «горевыхъ» крестьянъ цѣликомъ окажется тогда *внѣ общины*, и этимъ крестьянамъ придется вступить въ жестокую борьбу съ нею, какъ съ союзомъ мелкихъ сельскихъ буржуа, беззастѣнчивыхъ, безпощадныхъ, свирѣпыхъ вездѣ, гдѣ дѣло коснется ихъ завѣтной «кубышки» [1]).

---

[1]) Что касается собственно ростовскихъ огородниковъ, то они, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, находятся въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. Такъ, въ селѣ Порѣчьѣ, которое служитъ однимъ изъ главныхъ центровъ огородничества, изъ 2,066 десят. надѣльной земли огородами и постройками занято *лишь 284 десятины*, а остальныя—*лугомъ и выгономъ* (а частью находятся въ пустошахъ). Что лугъ и выгонъ находятся въ общинномъ землевладѣніи, это неудивительно, но мы сильно сомнѣваемся, чтобы часто передѣлялась земля, занятая огородами. Если не ошибаемся, въ Порѣчьѣ держится ревизская *разверстка*. Почти половина мужского населенія Порѣчья ежегодно уходитъ *въ отхожіе промыслы*. Копанье грядъ на огородахъ у многихъ домохозяевъ *производится наймомъ*. Между «общинниками»-порѣчанами встрѣчаются такіе капиталисты-предприниматели, какъ Устиновъ, бр. Пыховы, Абрамовъ, Коркуновъ, Королевъ и др., а рядомъ съ ними существуетъ таки порядочная бѣднота, хотя Порѣчье — вообще зажиточное село. (См. Труды Коммисіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, выпускъ XIV, приложеніе къ I отд. тр. ком.; сообщеніе Н. П. Столпянскаго: *Промыслы въ селѣ Порѣчье-Рыбномъ* и т. д.). Если сердце г. Воронцова веселитъ даже и такая община, то экономическое развитіе Россіи будетъ все болѣе и болѣе его радовать. Но только зачѣмъ г. Воронцовъ вводитъ въ заблужденіе читателей: вѣдь отъ старыхъ «устоевъ» въ Порѣчьѣ—а можетъ быть и у другихъ ростовскихъ огородниковъ—не осталось и слѣда; это типическое *селеніе мелкихъ буржуа*, занимающихся частью воздѣлываніемъ земли, а частью обрабатывающей промышленностью.

«Противуобщинная тенденція — говорить г. Воронцовъ—развивается, главнымъ образомъ, на почвѣ малоземелія, а интенсированіе земледѣлія,—требуя сосредоточенія труда и средствъ хозяина на меньшей площади, и дозволяя ему получать съ небольшаго участка достаточный доходъ,—парализуетъ невыгодныя экономическія послѣдствія малоземелія и этимъ ослабляетъ недовольство передѣлами земли, вытекающее изъ необезпенности населенія, принужденнаго довольствоваться крайне недостаточнымъ надѣломъ» [1]).

Во-первыхъ, когда крестьянинъ сдѣлаетъ значительныя затраты на улучшеніе своего участка и на покупку нужнаго для его обработки живого и мертваго инвентаря, онъ, за самыми малыми исключеніями, непремѣнно станетъ врагомъ тѣхъ передѣловъ, благодаря которымъ уменьшатся размѣры его поля и, слѣдовательно, окажется безполезной часть его затратъ. Допустимъ даже, что такой крестьянинъ не откажется, уступить часть своего надѣла другому домохозяину, который съ своей стороны отдастъ ему часть своего надѣла, когда у него окажется убыль въ «душахъ». Но и тотъ, и другой домохозяинъ съ всей силой своей энергіи возстанетъ противъ отвода земли новымъ, подрастающимъ «душамъ», такъ какъ подобный отводъ, уменьшая количество земли, приходящейся на каждую душу, равносиленъ «интенсированію» малоземелья, страшнаго для крестьянина всегда и еще болѣе страшнаго тогда, когда земледѣліе становится очень доходною статьей. Стало быть, при такихъ условіяхъ, отъ общины во всякомъ случаѣ останется или только одно воспоминаніе, или только одно имя.

Во вторыхъ, допустимъ, что мы ошибаемся; допустимъ, что основательно совершенно неосновательное разсужденіе г. Воронцова. Что же изъ него слѣдуетъ? Изъ него слѣдуетъ то, что если бы хозяйство всѣхъ нынѣшнихъ крестьянъ-общинниковъ мгновенно превратилось изъ *экстенсивнаго* въ *интенсивное*, то, можетъ быть, общинѣ и не грозила бы опасность. Но подобное превращеніе мгновеннымъ быть не можетъ: для него требуется время, и кромѣ времени, еще одна бездѣлица: *значительныя денежныя средства.* Такихъ средствъ нѣтъ у огромнѣйщей части русскаго крестьянства; слѣдовательно, на путь «интенсированія земледѣлія» можетъ вступить только меньшинство, состоящее изъ зажиточныхъ домохозяевъ. Разъ выступитъ это меньшинство на указанный путь, его хозяйственныя нужды станутъ въ рѣзкое и непримиримое противорѣчіе со старыми порядками землепользовинія и землевладѣнія, т. е. со старой общиной. Вотъ почему нужна колоссальная доза наивности для того, чтобы, подобно г. Воронцову, не ожидать отъ «интенсированія земледѣлія» ничего, кромѣ пріятностей.

---

[1]) «Прогрессивныя теченія», стр. 159.

Впрочемъ, г. Воронцовъ очень неприхотливъ по части общины. Гоголевскій поваръ полагалъ, что было бы кушанье горячо, вкусъ въ немъ, вѣрно, какой нибудь да будетъ. Г. Воронцовъ полагаетъ, что была бы община—польза отъ нея произойдетъ во всякомъ случаѣ. По его словамъ, община теперь «находится въ полномъ цвѣту» въ Московской губерніи, въ той самой губерніи, гдѣ, какъ это засвидѣтельствовалъ еще покойный Орловъ, «міръ», въ глазахъ деревенской бѣдноты, «*является обузою*, *бичемъ*, *тормазомъ*». При такой невзыскательности нашего автора неудивительно, что онъ, несмотря на нѣкоторыя колебанія и сомнѣнія, въ концѣ концовъ все таки твердо вѣритъ въ будущее общины.

Въ заключеніе, небольшая литературно-историческая справка. Мы видѣли, какъ старательно размалевываетъ г. Воронцовъ засѣвшую въ его головѣ *возможную* общину, и какъ цѣломудренно набрасываетъ онъ покрывало на язвы *дѣйствительной* русской общины. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ поступалъ не такъ. *Возможную* общину отъ и тогда превозносилъ, конечно, по мѣрѣ возможности и дарованія, но онъ не скрывалъ недостатковъ *дѣйствительной* общины. Вотъ, напр., что говорилъ онъ о ней въ то доброе старое время.

«Община распадается, какъ добровольный союзъ, остается «общество» въ административномъ смыслѣ, группа лицъ, насильно связанныхъ круговой порукой, т. е. отвѣтственностью каждаго за ограниченность силъ всѣхъ плательщиковъ и неспособность фиска понять эту ограниченность. Всѣ выгоды, когда-то доставляемыя общиной, исчезли; остались лишь неудобства, связанныя съ принадлежностью къ «обществу» [1]).

Недурно говорилъ тогда г. Воронцовъ! Отчего не говоритъ онъ такъ въ настоящеее время? Должно быть, опять потому, что старость не радость. Говоря это, просимъ имѣть въ виду, что мы разумѣемъ не личный возрастъ нашего неклассическаго экономиста, а старчество всего того направленія, къ которому онъ принадлежитъ.

---

[1]) «Экономическій упадокъ Россіи», «Отечественныя Записки« 1881 г., кн. 9, стр. 149. Статья эта вошла въ книгу «Судьбы капитализма».

ГЛАВА II.

Кустарная промышленность.

Теперь мы знаемъ, насколько правильно оцѣниваетъ г. Воронцовъ «формы, вырабатываемыя коллективной мыслью» народа въ области землевладѣнія. Посмотримъ, что сообщитъ онъ намъ о тѣхъ же формахъ въ области промышленнаго труда.

Г. Воронцовъ—горячій сторонникъ кустарныхъ промысловъ. Онъ видитъ въ нихъ много выгодъ для производителей; главнѣйшая изъ нихъ—связь промышленныхъ занятій съ земледѣліемъ.

«Доходы отъ хлѣбопашества обезпечиваютъ кустарю удовлетвореніе первѣйшихъ потребностей, что позволяетъ ему не спѣшить съ продажей издѣлій, если цѣны послѣднихъ слишкомъ низки, или уменьшить стоимость продукта производства ниже нормальной его цѣнности, для успѣшной конкурренціи съ городскимъ мастеромъ. Обладаніе лошадью даетъ кустарю возможность сбывать свой товаръ за предѣлы мѣстнаго рынка, не прибѣгая къ посредничеству скупщика. То же обстоятельство въ совокупности съ привычкой къ тяжелому труду позволяетъ кустарю чередовать занятіе промысломъ съ извозомъ, лѣсными заработками и другими видами труда и такимъ путемъ предупреждать чрезмѣрное паденіе цѣнъ кустарныхъ издѣлій, неизбѣжное въ томъ случаѣ, если бы промыселъ составлялъ единственное поле приложенія его труда. Итакъ, занятіе хлѣбопашествомъ придаетъ кустарю устойчивость, какой лишенъ мастеръ, знающій только свое ремесло и ничего больше; промышленникъ-земледѣлецъ выигрываетъ въ борьбѣ съ безземельнымъ; хлѣбопашество, слѣдовательно, поддерживаетъ промыселъ... Если занятіе обоими видами труда выгоднѣе сравнительно со спеціализаціей на почвѣ промысла, то спрашивается, что же заставитъ кустаря порывать съ земледѣліемъ? Естественно предположить, что, напротивъ того, онъ будетъ стремиться къ упроченію своего положенія въ качествѣ земледѣльца... И въ общемъ такое заключеніе оправдывается дѣйствительностью: мелкая обработывающая промышленность въ Россіи продолжаетъ быть связанной съ земледѣліемъ; типическимъ представителемъ промысла является не безземельный горожанинъ, а крестьянинъ-хлѣбопашецъ» [1]).

Такъ-ли все это? Нѣтъ-ли какихъ погрѣшностей въ «формахъ» и въ содержаніи мыслей г. Воронцова, заключающихся въ приведенномъ отрывкѣ?

Во-первыхъ, точно-ли кустарь, благодаря «доходамъ отъ хлѣбопашества», можетъ «*не спѣшить съ продажей своихъ издѣлій*»?

Московскіе статистики отвѣчали на этотъ, далеко не новый, вопросъ утвердительно. Они думали, что обезпеченіе надѣломъ составляетъ главное преимущество сельскихъ кустарей надъ городскими производителями. Приведя ихъ мнѣніе, г. Воронцовъ спѣшитъ его опровергнуть.

«Большая часть сельскихъ жителей, занимающихся промысломъ,—говоритъ онъ—тоже не въ состояніи долго ждать запроса на продуктъ со стороны рынка и вынуждена продавать его тотчасъ по приготовленіи, хотя бы и значительно дешевле его нормальной стоимости» [2]).

Выходитъ, что «доходы отъ хлѣбопашества» позволяютъ кустарю «не спѣшить съ продажей издѣлій», но не позволяютъ ему «долго ждать запроса со стороны рынка». Несмотря на эти «доходы», большая часть кустарей вынуждена продавать свои произведенія «тотчасъ по приготовленіи, хотя бы и значительно ниже» и т. д. Тутъ въ «формахъ» мысли г. Воронцова обнаруживается значительная неясность, а въ ея содержаніи—полная противорѣчивость. Но послушаемъ еще г. Воронцова: можетъ быть, дѣло объяснится.

---

[1]) «Очерки кустарной промышленности въ Россіи», С.-ПБ. 1886, стр. 204—205.

[2]) «Очерки», стр. 12—13.

«Кромѣ того,—продолжаетъ онъ—сбытъ продуктовъ, предназначенныхъ для отдаленнаго рынка, находится въ рукахъ скупщиковъ, которые обыкновенно сами опредѣляютъ цѣны, по какимъ они принимаютъ издѣлія кустарей» [1].

Нѣтъ, мы не ошиблись: «доходы отъ хлѣбопашества», дѣйствительно, не позволяютъ кустарю «не спѣшить» и проч. Такъ думаетъ г. Воронцовъ, вопреки мнѣнію г. Воронцова. И этого мало. Г. Воронцовъ убійственно отвергаетъ мнѣніе того же почтеннаго автора, утверждавшаго, что «обладаніе лошадью даетъ кустарю возможность сбывать свой товаръ за предѣлы мѣстнаго рынка, не прибѣгая къ посредничеству скупщика». Какая ужъ тутъ «возможность», когда «сбытъ продуктовъ, предназначенныхъ для отдаленнаго рынка, находится въ рукахъ скупщиковъ»!

Давно уже сказано, что всякое царство, раздѣлившееся на ся, погибаетъ. Это очень печальная судьба! Намъ хотѣлось бы думать, что она не угрожаетъ по крайней мѣрѣ тѣмъ писателямъ, которые «раздѣляются на ся», подобно г. Воронцову.

Но не унывайте, читатель! Если справедливо, что терпѣніе все превозмогаетъ, то можно, значитъ, добиться толку и отъ г. Воронцова, несмотря на его очевидное «раздѣленіе на ся».

«Кустарь земледѣлецъ, имѣя нѣкоторое обезпеченіе въ сельскохозяйственныхъ промыслахъ, цѣнитъ свой трудъ дешевле горожанина; если же борьба производителей будетъ имѣть результатомъ слишкомъ сильное паденіе цѣнъ продукта,—сельчанинъ бросаетъ промыселъ, обращаетъ больше вниманія на хозяйство, берется за извозъ и т. д. Городской житель значительно болѣе стѣсненъ въ выборѣ занятій, такъ какъ земледѣлія онъ не знаетъ, лошади не имѣетъ. Тихвинскіе мѣщане, напр., съ упадкомъ судоходства, поддерживавшаго разные ихъ промыслы, пробовали такъ и сякъ добывать хлѣбъ и вездѣ встрѣчались съ непреодолимой конкурренціей сельскихъ жителей. «Пробовали они ходить на засѣки къ лѣсопромышленникамъ, но были оттиснуты крестьянами, всегда имѣвшими возможность взять, противъ мѣщанъ, низшую заработную плату уже потому, что они имѣютъ и свой домъ, и кусокъ хлѣба. На лѣсныхъ работахъ зарабатываетъ хорошо тотъ, кто имѣетъ лошадь—крестьянинъ ее имѣетъ, а мѣщанинъ нѣтъ. Значитъ, и этотъ промыселъ закрытъ для мѣщанъ, а другихъ нѣтъ». Въ виду сказаннаго плохое состояніе главнаго промысла отражается на горожанинѣ значительно тяжелѣе, чѣмъ на селянинѣ; поэтому, онъ и остерегается вступать въ соперничество съ сельскимъ жителемъ и вмѣсто работы на рынокъ избираетъ трудъ на заказчика» [1]).

---

[1] Тамъ же, стр. 13.

Теперь дѣло нѣсколько выясняется. Хотя «доходы отъ хлѣбопашества» и не позволяютъ кустарю-крестьянину «не спѣшить» и проч., но они позволяютъ ему довольствоваться *«нисшей заработной платой»*. Это, конечно, очень большое преимущество, но для кого? Такъ какъ сбытъ кустарныхъ издѣлій, по собственнымъ словамъ г. Воронцова, находится въ рукахъ скупщиковъ, то надо думать, что именно этимъ послѣднимъ и приноситъ больше всего выгоды та «нисшая заработная плата», которой могутъ довольствоваться кустари благодаря «доходамъ отъ хлѣбопашества». Но въ такомъ случаѣ сторонникъ мелкой кустарной промышленности, г. Воронцовъ, сходится съ апологетомъ крупной капиталистической промышленности, г. Менделѣевымъ. «Русскій рабочій,—говоритъ нашъ химикъ — будучи въ нѣкоторой степени обезпеченъ земельнымъ надѣломъ и сравнительною дешевизною хлѣба и другихъ основныхъ условій жизни, смотритъ на всякій заработокъ внѣ земледѣлія, а особенно на зимній и фабричный, какъ на прямой барышъ, и если есть хотя какое-либо соревнованіе въ предложеніи услугъ, беретъ его за незначительное вознагражденіе, тѣмъ болѣе что иначе придется остаться безъ дѣла» (sic!) [2]).

«Обезпеченность» русскаго рабочаго земельнымъ надѣломъ даетъ г. Менделѣеву поводъ для самыхъ отрадныхъ размышленій по части будущей судьбы русскаго капитализма. «Такъ какъ цѣнность труда въ Россіи дешевле, чѣмъ въ большинствѣ странъ Запада, — фантазируетъ онъ — то заводско-фабричной дѣятельности Россіи предстоитъ несомнѣнное оживленіе и такой ростъ, который долженъ дать міровой торговлѣ множество товаровъ, въ усиленной выработкѣ которыхъ народный трудъ и капиталъ найдутъ новый источникъ для усиленія благосостоянія страны, не менѣе важный, чѣмъ доставляемый земледѣльческою дѣятельностью» [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 13—14.

[2]) «Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи», С.-ПБ. 1893. Введеніе, стр. 47, примѣчаніе.

Если принять въ соображеніе, что у насъ, по словамъ того же химика, «число лицъ, долженствующихъ искать заработковъ внѣ земледѣлія, уже весьма велико», и что, слѣдовательно, эти ненужныя въ земледѣліи «лица» уже не обезпечиваются надѣломъ даже «въ нѣкоторой степени», то выходитъ, что грядущее благосостояніе нашей страны будетъ основано исключительно на «низкой цѣнности труда», т. е. на отсутствіи благосостоянія въ средѣ рабочихъ. Съ непривычки такой выводъ можетъ показаться очень страннымъ, но онъ ни мало не удивитъ человѣка, знакомаго съ экономической литературой: г. Менделѣевъ поетъ старую пѣсню Бастіа и прочихъ вульгарныхъ экономистовъ, нѣсколько видоизмѣняя ея напѣвъ примѣнительно къ музыкальнымъ требованіямъ россійскаго «потреотизма». Наши предприниматели уже теперь оказываются тонкими цѣнителями этой, занесенной къ намъ съ безбожнаго Запада, пѣсни и хорошо понимаютъ выгоды «обезпеченія» русскаго работника «земельнымъ надѣломъ». По замѣчанію г. Шульце-Геверница,— нѣмецкаго профессора, знающаго русскій языкъ и, во время своего пребыванія въ Россіи, хорошо ознакомившагося съ нашими промышленными кругами,—у насъ «никто не защищаетъ съ такою горячностью, какъ промышленники, ученія о томъ, что сельская община, оплотъ противъ возникновенія пролетаріата, есть важнѣйшая и драгоцѣннѣйшая особенность Россіи» [2]). Все это вполнѣ понятно и со стороны предпринимателей, и со стороны г. Менделѣева. Но какимъ образомъ могъ затрубить въ одну трубу съ ними г. Воронцовъ, человѣкъ, выдающій себя за противника капитализма и его теоретиковъ, буржуазныхъ экономистовъ?

Я думаю, что здѣсь тонкая и больше политическая причина, сказалъ бы гоголевскій Аммосъ Ѳедоровичъ. Почтенный судья былъ бы совершенно правъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 46—47, въ текстѣ.

[2]) Preussiche Jahrbücher. Febr. 1894, s. 357—358.

Г. Воронцовъ убѣжденъ что, «такъ какъ... всякія предвидѣнія дѣлаются лишь съ извѣстной степенью вѣроятности и при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла обстоятельства могутъ сложиться не въ пользу предсказанія; такъ какъ затѣмъ сила, съ какою люди тащатъ исторію въ разныя стороны, зависитъ, между прочимъ, отъ энергіи сознательныхъ борцовъ за то или другое направленіе движенія, вслѣдствіе чего всякое приращеніе энергіи въ извѣстномъ направленіи отразится и на равнодѣйствующей силъ, то уловленная законосообразность явленія иначе говоря, подмѣченное преобладающее направленіе движенія,—если оно возбудитъ энергію лицъ, тащащихъ исторію (?) по другимъ линіямъ (?),—можетъ сдѣлаться причиной того, что явленіе повернется въ эту сторону» [1]).

Это отрадное убѣжденіе, къ сожалѣнію выраженное слогомъ будочника Мымрецова, и есть та тонкая причина, которая заставляетъ г. Воронцова противорѣчить самому себѣ и насиловать всѣмъ хорошо извѣстные факты. Ему хочется *потащить исторію по линіи* своего идеала. Ради этой великой цѣли онъ не останавливается передъ такими пустяками, какъ логика и справедливость. Пусть со временемъ скажутъ, что г. Воронцовъ противорѣчилъ и себѣ, и дѣйствительности; что онъ, врагъ капитализма, говорилъ подчасъ языкомъ самыхъ рьяныхъ его защитниковъ,—если эти его грѣшки «возбудятъ энергію» народниковъ и тѣмъ избавятъ Россію отъ капитализма, то великая цѣль все таки будетъ достигнута, благосостояніе русскаго народа все таки будетъ обезпечено. А это все, что нужно г. Воронцову: по всему видно, что онъ давно уже рѣшился принести свою литературную славу въ жертву интересамъ отечества...

Ты знаешь, кто ближняго любитъ
Больше собственной славы своей,
Тотъ и славу сознательно губитъ,
Если жертва спасаетъ людей.

Когда вышла надѣлавшая не мало шуму книга г. Николая—она: «*Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства*», г. Воронцовъ поспѣшилъ заявить, что этотъ «прекрасный трудъ» далъ новое освѣщеніе «экономической сторонѣ» развиваемой имъ, г. Воронцовымъ, теоріи [1]). Впослѣдствіи изъ книги *«Очерки теоретической экономіи»* мы увидѣли, что г. Н.—онъ «не разсматривалъ не капиталистическаго теченія въ экономической жизни, какъ самостоятельнаго фактора послѣдней, и потому его выводы не полны, подлежатъ ограниченію и дополненію» (стр. 233). Надо думать, что именно въ качествѣ «дополненія» къ «Очеркамъ» г. Н.—она нашъ авторъ издалъ въ началѣ нынѣшняго года книжку *«Артель въ кустарномъ промыслѣ»*.

---

[1]) Наши направленія, С.-ПБ. 1894, стр. 160.

Артель въ кустарномъ промыслѣ! Это, конечно, и есть тотъ «самостоятельный» не капиталистическій факторъ нашей экономической жизни, котораго не разсматривалъ г. Н.—онъ. И если этотъ факторъ даетъ сильно чувствовать себя уже въ настоящее время, то, вѣроятно, и самъ г. Н.—онъ пожалѣетъ, что не «разсмотрѣлъ» его въ своихъ «Очеркахъ». Въ чемъ же, однако, проявляется дѣйствіе этого интереснаго фактора?

По словамъ г. Воронцова, оно проявляется: 1) въ существованіи семейныхъ артелей и во временномъ сотрудничествѣ кустарей, подъ давно знакомой крестьянину формой «помочи»; 2) въ артельномъ пріобрѣтеніи сырья и совмѣстномъ сбытѣ издѣлій; 3) въ артельномъ пользованіи мастерскими и другими приспособленіями; 4) въ существованіи производительныхъ артелей какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ отхожихъ промыслахъ.

Разсмотримъ прежде всего семейныя артели и «помочь».

На ряду съ главою семьи въ кустарномъ производствѣ участвуютъ также женщины и дѣти. Вотъ вамъ семейная ассоціація. Кромѣ того «родственныя связи облегчаютъ образованіе союзовъ также для преслѣдованія частныхъ цѣлей въ какомъ либо промыслѣ, а иногда являются прямой причиной существованія такихъ союзовъ». Сказанное имѣетъ мѣсто, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда при раздѣлѣ промысловой семьи, мастерская и т. п. оставляется въ общемъ пользованіи раздѣлившихся. Такимъ образомъ произошли нѣкоторыя свѣтелки въ ткацкомъ раіонѣ Филипповской волости Покровскаго уѣзда Владимірской губ. Упадокъ ткацкаго промысла вызвалъ здѣсь образованіе общихъ, принадлежащихъ родственникамъ, свѣтелокъ, явившись побудительной причиной къ тому, чтобы, ради сокращенія расходовъ на отопленіе и облегченія надзора за матеріаломъ, родственники-ткачи соединялись для работы въ одной мастерской. Изъ 15 общихъ мастерскихъ въ раіонѣ производства мелкихъ вещей изъ стекла въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, три принадлежатъ роднымъ братьямъ, въ двухъ соединились отецъ съ сыномъ и два брата. Работа въ общихъ мастерскихъ названнаго раіона производится каждымъ кустаремъ при особомъ горнѣ; но нѣкоторые камушники устраиваются вдвоемъ при одномъ горнѣ, выгадывая такимъ образомъ на угольяхъ». Наконецъ, «въ гвоздорѣзномъ промыслѣ Бисертскаго завода Красноуфимскаго уѣзда есть нѣсколько семей, гдѣ отецъ и сыновья или братья работаютъ парами и выдѣлываемые ими гвозди сдаются скупщику сообща, а слѣдуемая за нихъ плата дѣлится между членами пары поровну» [1].

---

[1]) Тамъ же, предисловіе, стр. VI.

Когда мы прочли эти строки въ книгѣ г. Воронцова, намъ припомнился баобабъ (Arbor gigantea!), росшій у Тартарэна въ горшкѣ отъ резеды. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстами родственники имѣютъ общія мастерскія; они работаютъ въ нихъ, правда, каждый особо, но иногда отецъ съ сыномъ или братъ съ братомъ «устраиваются вдвоемъ». Это несомнѣнное торжество артельнаго принципа, это безспорнѣйшій баобабъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ какъ безспорно скромны его размѣры. Вѣдь для него слишкомъ великъ даже горшокъ отъ резеды; ему слишкомъ просторно даже въ мастерской съ нѣсколькими горнами; онъ не идетъ дальше «устройства вдвоемъ», да и то только «мѣстами»!

И замѣтьте, какъ странно происхожденіе нашего баобаба. Мастерскія, находящіяся въ общемъ пользованіи нѣсколькихъ родственниковъ, являются результатомъ *раздѣла промысловыхъ семей.* Другими словами, онѣ существуютъ не потому, что развивается артельный принципъ, а потому, что принципъ индивидуализма дѣлаетъ новые захваты. Нечего сказать, глубоко сидятъ корни дерева-гиганта!

---

[1] «Артель въ кустарномъ промыслѣ», стр. 5—7.

Кустарное производство есть во всякомъ случаѣ производство на сбытъ, *товарное производство*. Развитіе же товарнаго производства, наносящее смертельный ударъ первобытнымъ кровнымъ союзамъ, подрываетъ также и семейную общину русскихъ крестьянъ (а слѣдовательно и кустарей), что давно было указано у насъ множествомъ изслѣдователей и не разъ художественно изображено Г. И. Успенскимъ 1). Г. Воронцовъ, вѣроятно, и самъ хорошо знаетъ это, но онъ столь же хорошо знаетъ и то, что если, изнасиловавъ и исказивъ факты, онъ въ надлежащей степени возбудитъ «энергію» гг. народниковъ, то они «потащатъ исторію» по любезной ему «линіи». Цѣль оправдываетъ средства.

Переходимъ къ «помочи» или «временному сотрудничеству» кустарей. Не желая ни на іоту умалять значеніе доводовъ г. Воронцова, мы предоставимъ ему, въ длинной выпискѣ, самому защищать свое дѣло.

«Примѣненіе въ кустарномъ промыслѣ взаимопомощи въ работѣ распространено всего больше въ телѣжномъ производствѣ при гнутьѣ полозьевъ саней или ободьевъ колесъ... а также при гнутьѣ дугъ. Въ Нижегородской губерніи примѣненіе артельнаго труда при гнутьѣ санныхъ полозьевъ извѣстно для трехъ промысловыхъ раіоновъ изъ числа шести, въ которыхъ промыселъ существуетъ въ сколько-нибудь замѣтныхъ размѣрахъ.... Гнутье

---

1) «Промыселъ не имѣетъ никакого вліянія на сплоченіе семей; большія нераздѣльныя семьи стали теперь большою рѣдкостью. Два брата еще живутъ вмѣстѣ; примѣровъ трехъ нераздѣльныхъ очень мало. Въ будущемъ туземцы предсказываютъ еще болѣе частые раздѣлы, часто приводя ихъ въ связь съ промыслами». «*Промыслы Москов. губ.*» Андрея Исаева. Томъ 2-й, Москва, 1876, стр. 72. «Промыслы содѣйствуютъ частымъ раздѣламъ и расчленяютъ нѣкогда крупныя семьи... По мнѣнію промышленнаго люда, стремленіе къ раздѣламъ неразрывно связано съ развитіемъ промышленной жизни. При полной (нѣроятно опечатка: первой) возможности имѣть порядочный заработокъ отъ промысла, молодой человѣкъ старается отдѣлиться отъ семьи и основать собственное хозяйство, чтобы тѣмъ свободнѣе располагать рабочей силой». (Тамъ же, стр. 161). Не даромъ г. Воронцовъ указываетъ на „упадокъ промысла“, какъ на причину появленія общихъ свѣтелокъ.

полозьевъ производится на особыхъ станкахъ и требуетъ участія 8—10 человѣкъ; и вотъ въ Ардатовскомъ, Арзамасскомъ и Сергачскомъ уѣздахъ оно совершается помочами. По окончаніи работы помочане въ первыхъ двухъ уѣздахъ получаютъ угощеніе. Дужники Ардатовскаго уѣзда производятъ гнутье дугъ при помощи сосѣдей. Въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи дужники (всѣхъ ихъ 140 человѣкъ) гнутъ дуги руками, для чего требуется участіе 5—6 человѣкъ. Въ виду этого малосемейные кустари соединяются вмѣстѣ и помогаютъ другъ другу. Въ уѣздахъ Бѣлгородскомъ, Корочанскомъ и Новооскольскомъ (общее число дужниковь 613), гдѣ сгибаніе производится при помощи ворота, «сосѣдскія» товарищества составляются изъ 3—4 человѣкъ. У каждаго «сусіда» артель работаетъ не болѣе одного дня (8—10 часовъ) въ недѣлю. Телѣжники Вятскаго уѣзда, работая почти безъ участія наемнаго труда, при операціяхъ, требующихъ сотрудничества нѣсколькихъ лицъ,... собираютъ помочь за угощеніе. Помочью же, вѣроятно, производится сгибаніе колесъ (требующее участія 6—7 человѣкъ) и въ Уржумскомъ уѣздѣ. Могилевскіе телѣжники для сгибанія колесъ приглашаютъ за плату или для безплатной работы сосѣдей. Сгибаніе ободьевъ колесниками Четкаринской волости Камышловскаго уѣзда Пермской губерніи производится при помощи постороннихъ лицъ или за плату по одной копѣйкѣ съ выгнутаго ската каждому работающему, или «въ отработку», т. е. съ обязательствомъ, въ свою очередь, оказать ту же услугу, когда таковая понадобится. При гнутьѣ полозьевъ въ санномъ промыслѣ въ с. Дружно-Бордымскомъ Манчажской волости Красноуфимскаго уѣзда требуется участіе трехъ работниковъ и, при отсутствіи въ семьѣ кустаря столькихъ лицъ, онъ уговаривается съ другими одиночками о взаимной помощи въ производствѣ этой операціи. Гнутье полозьевъ санниками с. Сучкино Нескафтымской волости Кузнецкаго уѣзда (150 кустарей) производится помочью человѣкъ изъ 12, которые могутъ загнуть въ день до 30 полозьевъ. Колесники Полтавской губерніи и с. Чернетчины Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи производятъ сгибаніе колесъ помочью [1])».

---

[1]) «Артель въ кустарномъ промыслѣ» стр. 9— 11.

Внимательно ли слушали вы, читатель, г. Воронцова? Если да, то вы очень хорошо сдѣлали, ибо на цитированныхъ нами страницахъ онъ собралъ факты, громче другихъ говорящіе о распространеніи сосѣдской «помочи» въ кустарной промышленности. Дальше доводы его уже не столь убѣдительны. Онъ самъ признаетъ, что «уже значительно рѣже встрѣчается примѣненіе помочи въ другихъ промыслахъ» [1]. Слѣдовательно, тѣмъ вдумчивѣе должны мы отнестись къ тому, что происходитъ въ тележномъ производствѣ. Но что же собственно происходитъ здѣсь? Малосемейные кустари помогаютъ другъ-другу въ извѣстныхъ операціяхъ иногда въ «отработку», а иногда за деньги. Само собою понятно, что помощь за *денежную* плату никакого отношенія къ торжеству артельнаго принципа имѣть не можетъ. Но и взаимная помощь «въ отработку», какъ она существуетъ теперь, свидѣтельствуетъ развѣ лишь о полнѣйшемъ безсиліи этого принципа. Въ самомъ дѣлѣ, не замѣчательно ли, что онъ чаще всего примѣняется въ такой чрезвычайно отсталой, можно сказать совершенно первобытной отрасли кустарной промышленности, какъ производство телѣгъ и саней, гдѣ операціи, требующія сотрудничества нѣсколькихъ лицъ, совершаются подчасъ просто «руками»? Вѣдь еслибы этотъ принципъ имѣлъ какіе нибудь шансы развитія въ современной нашей кустарной промышленности, то мы, конечно, встрѣтились бы съ нимъ и въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя сдѣлали хоть какіе нибудь, хоть незначительные шаги на пути техническаго прогресса. Но именно въ этихъ-то отрасляхъ мы и не встрѣчаемъ его. «Несмотря на всѣ старанія,—говоритъ г. Исаевъ—мнѣ не удалось найти какое либо общеніе между промышленниками (рѣчь идетъ о металлическихъ кустарныхъ промыслахъ). Единственное исключеніе я встрѣтилъ у подносчиковъ. Въ деревнѣ Хлѣбниковой есть три лица, совершенно другъ другу чуждыя и ведущія дѣло вмѣстѣ... За исключеніемъ одного этого случая, общенія между промышленниками мнѣ подмѣтить не удалось: всякій работаетъ на себя, всѣ бредутъ врозь» [2]. Такое же впечатлѣніе произвелъ на г. Исаева и мебельный кустарный промыселъ, гдѣ господствуетъ «полная раздробленность», и гдѣ всякій дѣйствуетъ въ одиночку, самъ по себѣ, какъ бы не сознавая всей полезности дѣйствія сообща, могущаго умножить силу каждаго... всякій видитъ врага въ изготовителѣ однородныхъ товаровъ, относится къ нему съ недовѣріемъ, считаетъ его виновникомъ умаленія своихъ барышей» и т. д. [1]). То же въ гончарномъ промыслѣ: «я не замѣтилъ большого общенія между промышленниками. Среди горшечниковъ я встрѣтилъ нѣкоторое общеніе въ пользованіи горномъ. Многіе изъ нихъ, работая меньшую часть года, не имѣютъ собственныхъ горновъ и обжигаютъ посуду въ горнахъ сосѣдей. Платить за право обжиганія не приходится; но угощеніе владѣльца горна чаемъ обязательно; дрова обжигающіе приносятъ свои. Въ дозволеніи владѣльца горна, даваемомъ сосѣду, горшечники видятъ прямую для него выгоду: если онъ будетъ обжигать вскорѣ послѣ обжиганія сосѣдомъ, то потребуется меньше топлива, такъ какъ горнъ будетъ уже разогрѣтъ. На этомъ, сколько мнѣ извѣстно, и ограничивается *общеніе* (курсивъ г. Исаева); но и въ немъ преобладаетъ интересъ, а не товарищеское начало» [2]).

---

[1] Тамъ же стр. 11.

[2] «Промыслы московской губерніи» т. II, стр, 71—72. «Вообще духъ ассоціаціи вовсе не такъ общъ нашему сельскому народонаселенію въ дѣлѣ

Намъ остается, значитъ, утѣшаться телѣжнымъ промысломъ да фактами, подобными тому, который обязательно сообщаетъ намъ г. Воронцовъ и который имѣетъ иногда мѣсто въ бумаго-ткацкомъ промыслѣ Медынскаго уѣзда: приготовленіе основъ требуетъ участія 4—5 лицъ; и вотъ, когда «одна баба удерживаетъ основу въ натянутомъ положеніи, держа за клубокъ, двѣ другія держатъ рядку и двѣ послѣднія вертятъ навой» [3]). Но еще разъ, неужели это не баобабъ въ горшкѣ отъ резеды? И неужели г. Воронцовъ можетъ безъ хитрой улыбки писать о подобныхъ «теченіяхъ» въ

промышленности, какъ это иногда думаютъ». А. Корсакъ, «О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ Западной Европѣ и Россіи». Москва, 1861 г., стр. 294.

[1]) Тамъ же, т. I, вып. I, стр. 85.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 161.

[3]) «*Артель въ кустарномъ промыслѣ*», стр. 11.

жизни кустарей, какъ о какомъ то самостоятельномъ факторѣ русскаго экономическаго развитія? Или все это нужно единственно для возбужденія энергіи гг. народниковъ, какъ извѣстно, очень невзыскательныхъ по части доказательстъ [1]).

Но пойдемъ дальше, взглянемъ на артельное пріобрѣтеніе сырья и на совмѣстный сбытъ издѣлій. Слово принадлежитъ г. Воронцову. «При отсутствіи правильно организованныхъ кредитныхъ учрежденій для мелкаго промысла и зависимости, въ какой находятся кустари въ отношеніи кредита отъ скупщиковъ ихъ издѣлій, являющихся въ тоже время и поставщиками для нихъ сырого матеріала, при безграмотности кустарей и существующей между ними разъединенности и взаимномъ недовѣріи (вотъ вамъ и артельный принципъ!)—организація въ ихъ средѣ союзовъ для оптовой закупки дорогаго сырья на болѣе или менѣе отдаленныхъ рынкахъ представляется дѣломъ весьма трудно осуществимымъ... Впрочемъ, въ литературѣ иногда попадаются извѣстія о существованіи артельныхъ закупокъ кустарями и дорогаго сырья» [2]).

Итакъ, по части оптовой закупки дорогого сырья дѣло обстоитъ очень плохо, и г. Воронцовъ говоритъ о ней въ минорномъ тонѣ. Но какія же это извѣстія «попадаются иногда въ литературѣ»?

Кузнецы г. Тихвина въ прежнія времена, когда промыселъ ихъ былъ широко распространенъ, закупали нужный имъ матеріалъ въ Петербургѣ, отправляя туда въ складчину довѣренное лицо. Теперь, вслѣдствіе упадка промысла, покупка матеріала происходитъ на мѣстѣ, по мелочамъ и единоличио. «Кожевники въ Черниговскомъ уѣздѣ... обыкновенно пріобрѣтаютъ матеріалъ единолично. Только случайно, когда «наскочатъ» на маленькую партію нѣсколько хозяевъ, они покупаютъ ее вмѣстѣ и затѣмъ или дѣлятся пріобрѣтеннымъ добромъ, или «сплачиваютъ другъ другу по чести или съ отступнымъ» или что еще рѣже, вмѣстѣ вычинять партію и подѣлятся барышомъ». Читатель-народникъ торжествуетъ: вотъ, наконецъ, компаніи, вмѣстѣ покупающія сырье, вмѣстѣ обрабатывающія его и дѣлящія лишь барыши! Но знаетъ ли онъ, какъ велики такія компаніи, представляющія, къ тому же, крайне рѣдкое явленіе? «Такія компаніи обыкновенно состоятъ изъ двухъ хозяевъ-сосѣдей или родственниковъ» [1]). Выходитъ, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ баобабомъ тарасконскаго героя.

---

[1]) Замѣчательно, что даже и телѣжный промыселъ измѣняетъ г. Воронцову. Читатель помнитъ, что въ Нижегородской губерніи примѣненіе артельнаго труда при гнутьѣ санныхъ полозьевъ извѣстно лишь въ трехъ раіонахъ изъ шести. О Arbor gigantea! О, горшокъ отъ резеды!

[2]) «Артель въ кустарномъ промыслѣ», стр. 16—17.

Безполезно пестрить наши страницы новыми выписками изъ книги г. Воронцова. Факты, которые удалось ему собрать, привели его самого къ тому заключенію, «что хотя соединеніе кустарей для совмѣстнаго пріобрѣтенія нужнаго имъ сырья, встрѣчается нерѣдко, тѣмъ не менѣе оно не можетъ быть считаемо явленіемъ распространеннымъ» [2]). Это какъ будто нѣсколько противорѣчивый выводъ: съ одной стороны «не рѣдко», а съ другой — «распространеннымъ считаемо быть не можетъ». Но здѣсь надо принять въ соображеніе обычную неуклюжесть языка г. Воронцова, которая особенно увеличивается тогда, когда ему приходится оспаривать самого себя. Въ данномъ случаѣ «*нерѣдко*» значитъ у него «*рѣдко*» и даже — *очень рѣдко*, какъ читатель самъ можетъ убѣдиться изъ словъ г. Воронцова, непосредственно слѣдующихъ за только что приведенными. Вотъ эти слова: «Но еще рѣже наблюдается кооперація производителей въ цѣляхъ болѣе выгоднаго сбыта ихъ издѣлій». Ясно, что и совмѣстная покупка сырья «наблюдается» *рѣдко*. Но какъ бы рѣдко ни случалась она, на нее слѣдуетъ обратить большое вниманіе, такъ какъ она хорошо выясняетъ значеніе «артельнаго» принципа, искомаго г. Воронцовымъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Шубники Полтавской губерніи, «сложившись по сотнѣ и меньше рублей и отправивъ одного изъ товарищей за товаромъ, по доставленіи послѣдняго, распредѣляютъ его между участниками... Если кто либо изъ участниковъ внесъ на покупку овчинъ сумму, нѣсколько превышающую долю каждаго изъ остальныхъ товарищей, то послѣ раздѣла послѣдніе «додають верхівъ», т. е. удѣляють изъ своей части овчинами или уплачивають деньгами то, что они получили «сравнительно съ нимъ лишняго» [1]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 17.

[2]) Тамъ-же, стр. 33.

«Смушки, продающіяся въ г. Переяславлѣ «парами» въ 200 шт. по цѣнѣ 180—200 рублей за сотню, обыкновенно покупаются компаніей изъ 2—3 хозяевъ, при чемъ, если пріобрѣтеніе дѣлается въ кредитъ съ уплатою при покупкѣ по 1 руб. за штуку, то на остальную сумму выдается однимъ изъ участниковъ вексель» и т. д. [2]).

«Изъ бондарей Вятской губерніи только немногіе зажиточные кустари покупаютъ лѣсъ участками, иногда складываясь вдвоемъ, втроемъ; большинство же кустарей пріобрѣтаютъ его по мелочамъ на базарахъ. Нѣчто подобное слѣдуетъ сказать и о древодѣлахъ (телѣжники, сундучники и т. п.) слободы Воронцовки Воронежскаго уѣзда, гдѣ лѣсные участки пріобрѣтаются болѣе зажиточными производителями, артелями въ 5—10 человѣкъ... Вслѣдствіе этой операціи дерево обходится отъ 50 коп. до 1 руб., вдвое дешевле базарной цѣны» [3]).

Какова общая черта такихъ «компаній»? Онѣ составляются изъ людей приблизительно одинаковой степени зажиточности и требуютъ подчасъ отъ своихъ участниковъ довольно значительныхъ денежныхъ средствъ: цѣлыхъ сотенъ рублей [4]). Такими средствами бѣдные, «горевые» кустари, конечно, не располагаютъ. Слѣдовательно, вступать въ компаніи могутъ только наиболѣе обезпеченные изъ кустарей. Оптовая покупка сырья очень выгодна: благодаря ей матеріалъ обходится иногда вдвое дешевле (см. выше), чѣмъ при покупкѣ по мелочамъ. Слѣдовательно, участники компаній оказываются въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ тѣ бѣдняки, которыхъ ни въ какую компанію не примутъ именно по причинѣ ихъ бѣдности. Слѣдовательно, тутъ происходитъ то же самое, что мы уже видѣли при «товарищескихъ» арендахъ земли и покупкахъ сѣмянъ: разстояніе между бѣдняками съ одной стороны и людьми зажиточными съ другой— увеличивается; происходитъ то самое слоеніе обывателей деревни, на которое мы уже не разъ указывали выше. Слѣдовательно, *чѣмъ больше распространялись бы и чѣмъ выгоднѣе для ихъ участниковъ оказались бы всѣ эти «товарищества» и «компаніи», тѣмъ хуже было бы для тѣхъ старыхъ «устоевъ», которые защищаетъ г. Воронцовъ.* Нашъ авторъ можетъ, себѣ въ утѣшеніе, только повторить, что подобныя компаніи «наблюдаются» въ средѣ кустарей *очень рѣдко.—Тѣмъ хуже для «артели въ кустарномъ промыслѣ»*, скажемъ мы ему.

---

[1]) Тамъ же, стр. 18—19.

[2]) Тамъ же, та же страница.

[3]) Тамъ же, стр. 20.

[4]) Личный взносъ каждаго участника въ артеляхъ бочаровъ Симбирской губеріи доходитъ до 200 р.; *„лица, не имѣющія требуемой суммы, поступаютъ въ артель въ качествѣ наемныхъ рабочихъ“*. Тамъ же, стр. 160.

Поищемъ теперь поучительныхъ фактовъ по части артельнаго пользованія мастерскими.

«Приступая къ группировкѣ данныхъ, относящихся къ разсматриваемому явленію,— говоритъ г. Воронцовъ—нельзя не замѣтить, что примѣненіе артельнаго начала къ пользованію мастерской или другимъ приспособленіемъ недвижимаго характера наблюдается не въ тѣхъ промыслахъ, занятіе которыми требуетъ сравнительно большихъ расходовъ, а въ отрасляхъ производства, которыя могутъ вестись съ небольшими затратами. Такъ, въ кожевенномъ, напр., или скорняжномъ дѣлѣ, при дорогомъ сырьѣ, артельнаго пользованія приспособленіемъ для промысла почти не встрѣчается. Въ гончарномъ же производствѣ (грубой посуды), матеріалъ для котораго стоитъ минимальной суммы, артельное пользованіе горнами для обжиганія посуды распространено, вѣроятно, не менѣе, нежели пользованіе единоличное» [1]).

Здѣсь мы опять видимъ то, что видѣли въ дѣлѣ сосѣдской «помочи»: чѣмъ большихъ затратъ требуетъ извѣстный промыселъ, тѣмъ болѣе несостоятельной оказывается «артель». Это уже само по себѣ знаменательно. Но это не все. Главная бѣда въ томъ, что даже и въ дешевыхъ производствахъ артельное пользованіе мастерскими представляетъ собою уже знакомый намъ басивъ нашъ)[1]. Интересно, что кузнецы называютъ свои артельныя кузницы *сутырными*: сутырничать на мѣстномъ языкѣ значитъ спорить, заводить тяжбы, какъ поясняетъ г. Плотниковъ[2].

---

[1]) Тамъ же стр. 42—43.

Уже на основаніи предыдущаго можно ожидать, что не много насчитаетъ г. Воронцовъ *производительныхъ* артелей *между нашими* кустарями. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Самъ г. Воронцовъ вынужденъ признать, что въ большей части кустарныхъ промысловъ *сотрудничество* возникаетъ не путемъ соединенія нѣсколькихъ самостоятельныхъ производителей, а посредствомъ *«мелкихъ капиталистическихъ предпріятій»* (курсивъ нашъ). Однако онъ находитъ нѣсколько счастливыхъ исключеній изъ этого общаго правила. Именно въ каменоломномъ дѣлѣ «требуемое условіями производства объединеніе трудящихся часто достигается образованіемъ добровольныхъ и самостоятельныхъ артелей»[3]. То же самое замѣчается и при добычѣ «старателями» золота на Уралѣ. Наконецъ, смолокуреніе и витье веревокъ ведется иногда также артелями, состоящими изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Насколько невелики и мало распространены такія артели,— видно изъ собственнаго изложенія г. Воронцова. Объ артельномъ витьѣ веревокъ онъ говоритъ намъ вотъ что: «въ сѣверной части Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи веревочно-прядильный промыселъ существуетъ въ сс. Саконахъ и Липовкѣ Саконской волости и дер. Быковкѣ и Н. Лазаревкѣ Мечасовской волости...

---

[1] Кустарные промыслы Нижегород. губ. Составлено М. А. Плотниковымъ. Нижній Новгородъ, 1894 г., стр. 210—211.

[2] Тамъ же, стр. 211. «Кузня со всѣми принадлежностями и инструментами обходится отъ 40 до 50 руб. Такая дороговизна ея создала артельную постановку кузницы и артельную работу въ ней. Но, работая артелью, человѣкъ 6—8, въ общей кузницѣ при артельномъ углѣ, каждый имѣетъ свою наковальню и работаетъ самостоятельно, нерѣдко съ помощникомъ за свой счетъ (sic). Настоящей артели, «схватки», въ смыслѣ общей выработки и дѣлежа выручки, нѣтъ. «Переворуешь другъ у друга», говорятъ недовѣрчивые гвоздари». *Плотниковъ*, тамъ же, стр. 206. Дайте такимъ «артельщикамъ» кредитъ, о которомъ такъ много говорятъ теперь народники; дайте имъ возможность заводить *собственныя, отдѣльныя* кузницы, и отъ артели у нихъ не останется даже слѣда.

[3] «Артель въ кустарномъ промыслѣ«, стр. 97.

Наемныхъ рабочихъ здѣсь 65 человѣкъ, а артель составляется изъ 2—3 семействъ. Въ Кузнецкомъ уѣздѣ Саратовской губерніи артельная организація веревочнаго промысла существуетъ въ двухъ деревняхъ. Въ с. Верхнее Аблязово Анненковской волости промысломъ занимается 37 человѣкъ. Веревочники обыкновенно заводятъ одинъ станъ (стоимостью въ 10 руб.) вдвоемъ или втроемъ» [1]).

Читатель видитъ, что и веревочно-прядильный баобабъ съ удобствомъ помѣстится въ горшкѣ отъ резеды. Артели для добыванія смолы и сидки дегтя столь же величественны, какъ и веревочно-прядильныя артели. «При господствующемъ нынѣ печномъ способѣ смолокуренія, таковое производится въ котлахъ, казанахъ или корчагахъ. При этомъ для производства операціи выкурки нѣтъ надобности участія (читатель уже привыкъ къ слогу г. Воронцова и охотно извинитъ его неуклюжесть) въ ней многихъ лицъ, и потому промыселъ можетъ вестись самостоятельно, при помощи только членовъ семьи кустаря. Тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ, не всегда, впрочемъ, опредѣленнымъ даннымъ, смолокуреніе иногда ведется артелями» [2]). А данныя эти такого рода. «Новѣйшее изслѣдованіе промысловъ Вятской губерніи, произведенное земствомъ, не обнаружило (!) существованія артельной выкурки дегтя или смолы. Артельное смолокуреніе пользуется нѣкоторымъ распространеніемъ въ Пермской губерніи. Такъ въ Шогринской волости Ирбитскаго уѣзда существуетъ артель изъ пяти смолокуровъ... По изслѣдованію въ началѣ 90-хъ годовъ, въ Петропавловской, Енапаевской и Мостовской волостяхъ Красноуфимскаго уѣзда насчитывается 88 смоло-дегтярныхъ заводовъ, въ томъ числѣ 60 дегтярныхъ, 2 смолокуренныхъ и 28 смѣшанныхъ... Артельныхъ заводовъ 19, принадлежащихъ 39 смолокурамъ, 16 артелей имѣютъ по 2 члена и 3 артели по 3 члена» [3]). Не много артелей, и не велики онѣ! Но и эти микроскопическія производительныя артели, какъ муха въ молокѣ мелькающія тамъ и сямъ въ кустарномъ промыслѣ, при первой надобности и возможности прибѣгаютъ къ *наемному труду и становятся крошечными артелями предпринимателей* [1]). «Самостоятельный факторъ» народной экономической жизни быстро превращается, такимъ образомъ, въ *капиталистическій*.

---

[1]) Тамъ же, стр. 156.

[2]) Тамъ же, стр. 148.

[3]) Тамъ же, стр. 149.

Артельное добываніе камня и каменнаго угля очень облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что оно ведется обыкновенно на общинныхъ земляхъ. Но такъ какъ мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи находится теперь наша община, то можемъ легко представить себѣ, «насколько устойчивъ артельный принципъ» даже и въ этихъ отрасляхъ производства. «Горевой» хозяинъ долженъ во всемъ уступать зажиточной деревенской добродѣтели, такъ какъ условія сдачи подъ артельную обработку общинной земли зависятъ отъ сельскихъ обществъ, въ которыхъ заправилами являются именно зажиточные и богатые домохозяева. При этомъ само собою подразумѣвается, что сельскія общества, при сдачѣ земель, руководствуются расчетомъ выгоды, а вовсе не отвлеченными соображеніями о желательномъ развитіи своей «общинной мысли». Случается, что они прямо спекулируютъ на землю этого рода. Такъ, въ с. Георгіевскомъ Славяносербскаго уѣзда «общество арендуетъ за 5,000 рублей у г-жи Муравьевой участокъ земли и уже отъ себя сдаетъ право разработки шахтъ (каменноугольныхъ) по разной цѣнѣ каждой артели»[2]). Съ своей стороны артельщики имѣютъ право «разбить свой пай на части и продать или передать другому одну изъ нихъ на извѣстныхъ условіяхъ» [3]).

Словомъ, денежное хозяйство на каждомъ шагу и самыми различными способами даетъ здѣсь чувствовать свою силу. Даже тамъ, гдѣ общество предоставляетъ каждому своему члену право заложить шахту и работать въ ней, какъ и сколько онъ хочетъ, право это сохраняется лишь до тѣхъ поръ, «пока не находятся предприниматели-капиталисты, желающіе взять у общества эту землю подъ разработку» 1). Очевидно, при такихъ условіяхъ артельный «принципъ» имѣетъ мало шансовъ на развитіе.

---

[1]) См. сообщеніе г. Козаченка на стр. 148—149 той же книги.

[2]) Сборникъ статист. свѣд. по Екатеринославской губ. Вып. 3-й, стр. 409.

[3]) Тамъ же, стр. 415.

Объ артеляхъ въ отхожихъ промыслахъ можно умолчать по той причинѣ, что огромнѣйшее большинство ихъ работаетъ на хозяевъ и такимъ образомъ артельная организанія только сберегаетъ предпринимателю издержки по надзору за работниками 2).

Не смотря на пресловутый *общинный духъ*, будто бы столь свойственный русскому крестьянину, мы далеко отстали отъ *«индивидуалистическаго»* Запада въ дѣлѣ практическаго примѣненія кустарями и ремесленниками принципа коопераціи. Такъ, напр., въ Англіи уже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія кустари-суконщики стали заводить, на ко-

---

1) Тамъ же, стр. 408.

2) До какой степени это справедливо, показываетъ, между прочимъ, только что цитированный нами третій выпускъ *Сборника статист. свѣд. по Екатеринославской губ.* Изъ него видно, что конторы рудниковъ въ Донецкомъ бассейнѣ не только предпочитаютъ нанимать рабочихъ артелями, но и платятъ каждому члену артели *высшую плату* сравнительно съ рабочими нанимаемыми по одиночкѣ. «Если принять во вниманіе расходы администраціи на каждаго углекопа, то окажется, что рудникъ держитъ при работахъ артелями значительно меньше администраціи, а слѣдовательно, и расходъ на нее становится меньшимъ» (стр. 366).

Артельный трудъ наемныхъ рабочихъ примѣняется въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности и въ Англіи (напр., въ докахъ). Но, искусившіеся въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ (какъ продавцы рабочей силы), англійскіе рабочіе смотрятъ на него очень неодобрительно (with much disfavour). См. D. F. Schloss, Methods of industrial remuneration, second edition, London, 1894, *chap. VIII*, *стр. 61 и слѣд.*

Эти строки были уже написаны, когда мы прочитали, въ октябрьской книжкѣ «Новаго Слова», статью г. Воронцова: *«Артели для подрядныхъ и наемныхъ работъ»*. Эта, пока еще неоконченная статья имѣетъ цѣлью показать широкое распространеніе артельнаго духа въ русскомъ трудящемся населеніи. Но эта его цѣль достигается такъ же мало, какъ и цѣль всѣхъ прочихъ писаній нашего автора. Статья показываетъ главнымъ образомъ безсиліе «артельнаго духа» въ его сношеніяхъ съ капиталомъ. Не дурно доказываетъ она также и выгодность артельной организаціи наемнаго труда для предпринимателей. Г. Воронцовъ приводитъ довольно поучительные въ этомъ смыслѣ «факты». Мы не станемъ передавать ихъ здѣсь, полагая, что высказанный нами взглядъ на артели наемныхъ рабочихъ не нуждается въ новыхъ доказательствахъ.

оперативныхъ началахъ, крупныя механическія мастерскія. Въ Германіи производительныя товарищества особенно распространены были между саксонскими ткачами: въ Россгаймѣ, Гроссенгаймѣ, Мейснигѣ, Каменцѣ и т. д. Саганскіе суконщики уже въ 1810 году положили основаніе своему, впослѣдствіи сильно развившемуся, производительному товариществу. Пропаганда Шульце-Делича дала, какъ извѣстно, новый и сильный толчекъ всему этому дѣлу, которое, разумѣется, не разрѣшило и не разрѣшитъ «соціальнаго вопроса», но во всякомъ случаѣ ясно показало, что для развитія кооперативныхъ стремленій экономическій прогрессъ гораздо важнѣе «спасительной неподвижности» русскихъ славянофиловъ и народниковъ [1]).

Спасительная неподвижность, которая, по предположенію славянофиловъ и народниковъ, должна была сохранить въ своей силѣ «общинный духъ» нашего народа, на самомъ дѣлѣ привела къ совершенно противоположному результату. Въ настоящее время, кустари совершенно неспособны не только къ успѣшному веденію, но даже просто къ пониманію кооперативнаго дѣла. «Во время объѣзда мебельной области—говоритъ г. Исаевъ—мнѣ приходилось во многихъ селеніяхъ вести съ столярами рѣчь объ ихъ житьѣ-бытьѣ, о разныхъ сторонахъ ихъ промышленной жизни, указывать на всѣ неудобства ихъ положенія и спрашивать о тѣхъ мѣрахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, всего будутъ полезнѣе, для устраненія неудобствъ. Желая слышать сужденія столяровъ, я начертывалъ передъ ними складочное товарищество, указывая на всѣ преимущества подобнаго веденія дѣлъ передъ настоящею разрозненностью. Столяры видимо интересовались этимъ дѣломъ, но имъ обыкновенно не давалось его пониманіе. Какъ ни просто велась рѣчь съ моей стороны, какъ ни безхитростны были выраженія, оказывалось, что слушатели смѣшивали складочное товарищество или съ коммиссіонерствомъ, или съ заказами отъ казны.

---

[1]) О производительныхъ товариществахъ см. Г. Шмоллера: «Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert». Halle, 1870, стр. 583 и слѣд; его же лекцію: «Die Entwickelung der deutschen Weberei im 19 Jahrhundert». Berlin, 1875, а также: «Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи». Андрея Исаева. Москва 1879.

Особенно мудренымъ находятъ они счетоводство и отчетность, съ которыми должны вестись дѣла товарищества, и не понимаютъ, какъ за это взяться, какъ контролировать его операціи. Изъ среды самихъ же поселянъ доходили до меня немногіе голоса, говорившіе о томъ низкомъ уровнѣ развитія, который можетъ затормозить новое начинаніе: въ деревнѣ Букаревѣ одинъ столяръ, человѣкъ очень разумный и развитой выше большинства лицъ своего сословія, разсказывалъ мнѣ, какъ онъ, прочитавъ гдѣ-то въ календарѣ объ успѣшномъ ходѣ дѣлъ промышленныхъ товариществъ въ Германіи, Франціи и Англіи, вздумалъ излагать это среди своихъ односельчанъ и убѣждалъ ихъ также завести что-либо на подобіе товарищества, склада и т. п. «Слушали они меня, слушали,--говоритъ онъ—да и назвали меня чуднымъ человѣкомъ, потому что я-де затѣваю дѣло какое-то новое и небывалое; чѣмъ больше я имъ разсказывалъ, тѣмъ больше они махали руками и подсмѣивались» [1]).

— Это происходитъ отъ неразвитости кустарей, скажутъ гг. народники. Когда распространится между ними образованіе, они легко будутъ справляться съ тѣми самыми трудностями кооперативнаго дѣла, которыя теперь кажутся имъ совершенно непреодолимыми.

Справедливо,—отвѣтимъ мы. Но для распространенія образованія нужно время, а за время, нужное для распространенія образованія, наши старые «устои», равно какъ и ими порождаемый «духъ», до такой степени сойдутъ на нѣтъ, что вамъ уже нечего будетъ и спасать съ вашими спасительными мѣропріятіями.

Что такое кустарь? Обыкновенно наши «интеллигенты» представляютъ его себѣ самостоятельнымъ производителемъ, который, правда, подвергается сильной эксплуатаціи со стороны скупщиковъ, но за то самъ никого не эксплуатируетъ и потому совершенно чуждъ всѣхъ грѣховъ капитализма. Это до такой степени распространенное представленіе, что г. Воронцовъ считаетъ нужнымъ оттѣнить его неправильность. «Не слѣдуетъ полагать, говоритъ онъ, что обыкновеннымъ типомъ кустарной производительной единицы, при отсутствіи договорной артели, является одиночка—производитель»[1]). Дѣйствительно, «*не слѣдуетъ полагать*», тѣмъ болѣе не слѣдуетъ, что, по извѣстному уже намъ замѣчанію г. Воронцова, въ большей части кустарныхъ промысловъ *сотрудничество достигается путемъ возникновенія мелкихъ капиталистическихъ предпріятій.* Г. К. Вернеръ, изслѣдовавшій 1889—90 гг. кустарные промыслы Богородскаго уѣзда, опредѣляетъ кустаря такъ: *кустарь есть сельскій промышленникъ, не порвавшій связи съ землей и работающій при помощи семейныхъ и наемныхъ рабочихъ (числомъ не свыше 16) для рынка, а не по заказу случайнаго заказчика* [2]).

---

[1]) «Промыслы Московской губ.», томъ первый, выпускъ первый, стр. 91-92.

Прежніе изслѣдователи кустарныхъ промысловъ Московской губерніи не придерживались подобнаго опредѣленія, а лучше сказать не руководствовались ровно никакимъ опредѣленіемъ: «у Исаева и въ другихъ трудахъ статистическаго отдѣленія въ числѣ кустарей показаны промышленныя заведенія съ 20, 30, 50 и даже 500 рабочими» [3]). Само собой понятно, что сельскій промышленникъ, эксплуатирующій, не говоримъ уже 500 или даже 50, а хотя бы только 10—12 наемныхъ рабочихъ, единственно по недоразумѣнію можетъ считаться чуждымъ грѣховъ капитализма. На самомъ дѣлѣ это *мелкій буржуа*, маленькій капиталистъ, много терпящій отъ конкуренціи крупныхъ предпринимателей, но тѣмъ старательнѣе выжимающій соки изъ тѣхъ, кого нужда заставляетъ служить у него *по найму*. «Интеллигентъ», толкующій о помощи кустарямъ, и не подозрѣваетъ, что предлагаемыя имъ будто бы антикапиталистическія «мѣропріятія» прежде всего пойдутъ на пользу именно мелкимъ сельскимъ капиталистамъ. Это цѣлая *трагикомедія!*

Чтобы дать читателю возможность судить, какую роль играетъ мелкая сельская буржуазія въ кустарныхъ промыслахъ болѣе развитыхъ мѣстностей Россіи, мы укажемъ на положеніе дѣлъ въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

---

[1]) «Артель въ кустарномъ промыслѣ», стр. 4.

[2]) «Кустарные промыслы Богородскаго уѣзда», стр. 3, въ Статист. Ежегодникѣ Московской губ. за 1890 годъ.

[3]) Тамъ же, стр. 3—4.

1. Издѣлія изъ глины.

а) Производство кирпича.

Кустарное производство кирпича въ Богородскомъ уѣздѣ, по многимъ причинамъ, падаетъ. За время отъ 1880 до 1890 года замѣтно сократилось и число мелкихъ кирпичныхъ заводовъ и общее число занятыхъ въ нихъ рабочихъ. По свѣдѣніямъ статистическаго отдѣленія Московскаго Губернскаго Земства, въ 1880 г. въ уѣздѣ числилось 220 мелкихъ заводовъ при 1413 рабочихъ, а г. Вернеръ насчиталъ тамъ всего 131 заведеніе съ 867 рабочими. Тѣмъ не менѣе, въ 1890, какъ и въ 1880 году, кустарное производство кирпича было *мелкимъ капиталистическимъ промысломъ*. Вотъ цифры, хорошо выясняющія его характеръ.

	Число заводовъ.		Число рабочихъ.	
	въ 1880 г.	въ 1890 г.	въ 1880 г.	въ 1890 г.
Васильевская вол.				
с. Васильево	5	5	67	60
д. Вишнякова	16	15	192	180
с. Кудиново	43	30	425	290
д. Каменка	2	1	9	5
с. Черенково	3	3	34	35
д. Бѣлая.	24	16	297	80
д. Сафонова	4	3	26	18
д. Исакова	3	3	16	15
Итого . .	100	76	1066	683
Теренинская вол.				
д. Ефимова.	21	15	88	57
с. Теренино	9	3	20	7
д. Логинова	6	1	11	2
д. Савастьянова . . .	15	4	37	9
д. Горбачиха	19	13	47	31

д. Козлова	27	7	55	14
д. Бывальня	2	2	4	4
д. Стремянникова . . .	2	—	4	—
д. Назарова	2	1	14	10
д. Щекутова	2	2	7	7
Итого . .	105	48	287	141
Игнатьевская вол.				
д. Улитина	8	3	40	28
д. Саурова	1	1	6	6
д. Евсѣева	4	3	14	9
Итого . .	13	7	60	43
Всего . .	220	131	1413	867

Въ среднемъ, на каждый кустарный кирпичный заводъ приходится около 6,5 рабочихъ. Придерживаясь языка г. Воронцова, мы скажемъ: ясно, что сотрудничество достигается здѣсь посредствомъ *найма рабочихъ* [1]).

б) *Производство глиняной и полуфаянсовой посуды.*

Оно составляетъ главный заработокъ крестьянъ Гжельскаго раіона. «Въ этомъ раіонѣ, къ которому относится сѣверо-западная часть Карповской волости, горшечное производство давно уже перешло въ фарфоровую и фаянсовую промышленность, принявшую капиталистическій характеръ». Сравнительно съ 1876 г., когда г. Исаевъ изслѣдовалъ этотъ промыселъ, «общее число горшечныхъ заведеній нѣсколько уменьшилось, но они стали крупнѣе; въ 1876 г. на одно заведеніе приходилось 4,1 рабочихъ а теперь—7,3».

в) *Раскраска фарфоровой и фаянсовой посуды.*

По словамъ г. Вернера, промыселъ этотъ только съ большой натяжкой можетъ быть названъ *кустарнымъ*. «Обыкновенно крупный фабрикантъ самъ не занимается раскраской посуды, а сдаетъ эту работу (за опредѣленную сдѣльную плату) отдѣльному предпринимателю, который уже отъ себя строитъ мастерскую, покупаетъ краски и нанимаетъ рабочихъ». Число рабочихъ у подобнаго предпринимателя доходитъ часто до 25 и даже 30. «Еще сравнительно недавно крестьяне раскрашивали посуду у себя въ домахъ... Но уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ вся раскраска замкнулась въ мастерскихъ, которыя постепенно приняли довольно солидные размѣры». Въ 1876 г. на одно заведеніе приходилось 7,8 рабочихъ, а въ 1890 г.—10,2. «Необходимо при этомъ замѣтить,—прибавляетъ г. Вернеръ—что мы посѣтили Гжель тотчасъ послѣ Пасхи, когда еще не всѣ мастерскія были въ ходу и въ самый разгаръ кризиса; притомъ и мастерки всячески старались уменьшить въ своихъ показаніяхъ число рабочихъ. По всей вѣроятности, въ дѣйствительности мастерскія еще крупнѣе».

---

[1]) Всѣ эти данныя, равно какъ и нижеслѣдующія, поскольку они относятся къ Богородскому уѣзду, мы заимствуемъ у г. К. Вернера: «Кустарные промыслы Богородскаго уѣзда».

2. Издѣлія изъ металловъ.

а) *Производство различнаго рода издѣлій изъ мѣди, латуни и олова.*

Оно распространено въ 14 селеніяхъ Новинской волости, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «*Загарья*», и въ 5 селеніяхъ Ильинской волости, лежащихъ въ южной части «Гуслицкаго» раіона. Сравненіе данныхъ, относящихся къ 1876 г. съ одной стороны и къ 1890 г. съ другой, показываетъ, что какъ въ Зазарьѣ, такъ и въ Гуслицахъ число мастерскихъ нѣсколько уменьшилось. «Уменьшеніе это произошло въ первомъ изъ этихъ раіоновъ отчасти отъ перехода кустарныхъ заведеній въ крупныя (такъ, въ Алферовѣ у Ив. Ѳед. Шувалова теперь до 50 рабочихъ, у Шелуханова болѣе 16, у Лукинова 18; въ Перхуровѣ у Ив. Тяпкова 17 рабочихъ и т. д.), отчасти вслѣдствіе сокращенія числа самыхъ мелкихъ заведеній, принужденныхъ прекратить производство. Во второмъ раіонѣ на ряду съ сокращеніемъ числа самыхъ мелкихъ заведеній возникли и крупныя. Въ общемъ кустарныя мастерскія стали нѣсколько крупнѣе... Наемъ стороннихъ рабочихъ... сильно распространенъ».

б) *Производство канители изъ мѣдной проволоки.*

Оно распространено въ селеніяхъ Ивановской и Новинской вол.

в) *Кузнечный промыселъ.*

Распространенъ по всей территоріи уѣзда, но имѣетъ, впрочемъ, скорѣе ремесленный, чѣмъ кустарный характеръ.

«Характерная особенность всѣхъ трехъ промысловъ данной группы заключается въ дороговизнѣ сырья, необходимаго для производства. Кустарь, для того, чтобы быть самостоятельнымъ и не подпасть въ экономическую зависимость отъ скупщика, долженъ располагать сранительно большимъ оборотнымъ капиталомъ». Неудивительно, поэтому, что *наемный трудъ* на кустарей-*хозяевъ* сильно распространенъ въ этихъ промыслахъ.

3. Издѣлія изъ рога, копытъ и кожи.

а) *Приготовленіе гребней изъ бычачьихъ роговъ.*

Оно распространено въ одномъ с. Хотѣичи, гдѣ существуетъ уже болѣе 200 лѣтъ и охватило все село. «Всѣхъ гребенныхъ *кустарныхъ* (т. е. имѣющихъ менѣе 16 рабочихъ) мастерскихъ въ Хотѣичахъ мы насчитали 23,—говоритъ г. Вернеръ—изъ нихъ въ одной мастерской 2 рабочихъ, въ 4—3 и 4 рабочихъ, въ 8—5 и 6 раб., въ 5—отъ 7 до 9 раб., въ 1—12 раб. и въ 4—отъ 14 до 16 раб.; всѣхъ рабочихъ въ кустарныхъ мастерскихъ 178, но кромѣ того столько же, если не больше, работаютъ на дому и въ *мастерскихъ крупныхъ производителей*» (курсивъ нашъ).

Нужно ли оттѣнять то обстоятельство, что промыселъ этотъ, какъ и всѣ предыдущіе, имѣетъ характеръ *мелкаго капиталистическаго промысла?*

б) *Производство пуговицъ изъ копытъ и бараньихъ роговъ.*

Оно сосредоточено въ южной части Ильинской волости, гдѣ находится 23 пуговичныхъ заведенія съ 109 рабочими. Какъ видимъ, наемный трудъ играетъ довольно значительную роль и въ этомъ промыслѣ. Да оно и не удивительно, потому что, по расчету г. Вернера, пуговичнику для одного устройства мастерской на 3 рабочихъ необходимо около 300 рублей. Такими средствами могутъ располагать только зажиточные крестьяне «промышленники».

в) *Кожевенное производство.*

Встрѣчается въ Ильинской, Запонорской и Дарховской волостяхъ. «Промыселъ этотъ только по числу работниковъ принадлежитъ къ мелкой промышленности; по оборотному же капиталу, необходимому на производство, онъ далеко превосходитъ средства средняго крестьянина. Устройство завода на 200—500 кожъ требуетъ по крайней мѣрѣ до 500 рублей основнаго капитала и вдвое и втрое больше оборотнаго».

г) *Сапожное производство.*

Сильно распространено по всему уѣзду. Кромѣ сельскихъ ремесленниковъ, г. Вернеръ насчиталъ 27 болѣе или менѣе крупныхъ кустарныхъ мастерскихъ. Всѣхъ работниковъ, занятыхъ шитьемъ въ этихъ мастерскихъ, 215 человѣкъ. Вотъ какъ распредѣляются они между мастерскими разной величины:

съ	2			работниками	1	мастерская
»	3	и	4	»	5	»
отъ	5	до	7	»	7	»
»	8	»	10	»	7	»
»	11	»	13	»	2	»
»	14	»	16	»	5	»

Комментаріи ненужны.

4. **Ткачество.**

«Мелкихъ ткацкихъ заведеній, имѣющихъ отъ 1 до 16 становъ, мы насчитали—говоритъ г. Вернеръ—413 съ 4011 станами, при чемъ мы вовсе не считали тѣхъ крестьянъ, которые работаютъ на фабрикантовъ и на конторы изъ хозяйской пряжи и часто даже на хозяйскомъ станѣ. Такихъ становъ по даннымъ статистическаго бюро насчитывается не менѣе 18 тысячъ».

Вообще въ этомъ промыслѣ всецѣло господствуетъ такъ называемая домашняя система крупнаго фабричнаго производства.

5. Мелкіе промыслы.

Въ эту рубрику г. Вернеръ отнесъ нѣсколько мало распространенныхъ въ Богородскомъ уѣздѣ промысловъ: иконописный, декоктный, портняжный, шитье шапокъ и картузовъ и издѣлія изъ дерева. Экономическое значеніе этихъ промысловъ для уѣзда ничтожно. Но и въ нихъ эксплуатація наемнаго труда играетъ уже довольно значительную роль: такъ, въ декоктномъ промыслѣ существуетъ всего 3 мастерскихъ; въ одной изъ нихъ въ 1890 г. было 3 рабочихъ, въ другой—8, а въ третьей—10; въ портняжномъ промыслѣ на каждую мастерскую приходилось около 7 (6, 8) рабочихъ и т. д.

Богородскій уѣздъ — едва-ли не самый промышленный изо всѣхъ уѣздовъ Московской губерніи. Тѣмъ не менѣе, не надо думать, что преобладающій въ немъ мелко капиталистическій характеръ кустарной промышленности представляетъ собою что-нибудь исключительное. Въ другихъ уѣздахъ Московской губерніи мы видимъ то же самое. Такъ, въ малопромышленномъ *Можайскомъ* уѣздѣ кустарная промышленность имѣетъ всѣ признаки мелко капиталистическаго производства. «Подъ именемъ кустарно-капиталистическаго производства мы разумѣемъ—говоритъ г. Погожевъ, ознакомившійся съ нимъ *на мѣстѣ*,—тѣ разнообразныя переходныя формы мелкихъ промысловъ, которыя съ одной стороны носятъ еще на себѣ характерныя черты кустарной промышленности, но съ другой требуютъ обладанія извѣстнымъ торговымъ кредитомъ и небольшимъ капитальцемъ для самостоятельнаго веденія дѣла. Съ другой стороны, такія переходныя формы исподволь усвиваютъ себѣ всѣ главнѣйшіе аттрибуты собственно капиталистическаго производства in sensu strictiori» [1]. Кустарно-капиталистическія заведенія Можайскаго уѣзда представляютъ собою небольшія фабрички и заводы, на которыхъ работаетъ отъ 3—4 до 24—30 наемныхъ рабочихъ. Впрочемъ и эти заведенія быстро исчезаютъ. Изслѣдованіе г. Погожева застало Можайскій уѣздъ «какъ разъ въ конечномъ періодѣ уничтоженія фабрикой мелкаго кустарнаго и кустарно-капиталистическаго производства» [1]).

---

[1] **Санит. изслѣд. фабричн. завед. Можайск. Волоколам. и Звенигор. уѣздовъ. Москва, 1882, стр. 4.**

Въ *Волоколамскомъ* уѣздѣ почти нѣтъ другихъ кустарныхъ промысловъ, кромѣ мелкаго кустарнаго ткачества. Въ этомъ промыслѣ, по словамъ г. Погожева, ясно видно, «какимъ путемъ возникаютъ одна изъ другой... переходныя формы отъ кустаря-крестьянина, работающаго у себя въ деревнѣ, въ отдѣльной отъ жилой избѣ, хотя и при ничтожномъ участіи наемныхъ рабочихъ, и до болѣе или менѣе крупнаго мастерка, сперва служащаго лишь посредникомъ между мѣстными рабочими и богатымъ фабрикантомъ-давальцемъ, а затѣмъ исподволь выростающаго въ самостоятельнаго предпринимателя, обладающаго сравнительно независимымъ кредитомъ и собственнымъ капитальцемъ» [2]).

Очень многія изъ этихъ фабричекъ возникли сравнительно недавно, въ семидесятыхъ годахъ. Но уже ко времени санитарнаго изслѣдованія Волоколамскаго уѣзда, т. е. къ началу восьмидесятыхъ годовъ, онѣ начали быстро «усвоивать себѣ всѣ главнѣйшіе аттрибуты капиталистическаго производства».

Впрочемъ, если нѣкоторые изъ бывшихъ кустарей быстро превращаются въ довольно крупныхъ фабрикантовъ (напр. Савковъ, Старшиновъ, Власовъ), то другіе, повидимому, уменьшаютъ размѣры своего производства. Въ 1879 году *общее число рабочихъ*, занятыхъ на мелкихъ фабричкахъ, оказалось *меньше*, чѣмъ было въ 1871 году, хотя число фабричекъ значительно увеличилось. Это очень интересное явленіе, и мы удивляемся, почему до сихъ поръ никто изъ народническихъ публицистовъ не указалъ на него, какъ на новый примѣръ печальныхъ «*судебъ капитализма въ Россіи*». Чѣмъ вызвано было это явленіе и къ чему ведетъ оно на самомъ дѣлѣ? Слушайте.

«Дѣло въ томъ, что высокая земская оцѣнка, на которую единогласно сѣтуютъ всѣ мѣстные промышленники, а равно и трудность борьбы съ крупными предпринимателями въ Москвѣ и ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ произвели раздоръ и неравномѣрность условій конкурренціи среди мѣстныхъ ткацкихъ мастерковъ. Именно, одни предприниматели вынуждены были значительно сократить размѣры своего производства и понизить до невѣроятнаго минимума заработную плату ручныхъ ткачей, тогда какъ другіе промышленники, закрывая свои фабрички и раздавая основы на дома крестьянамъ-ткачамъ, получаютъ не малую прибыль отъ производства, пользуясь дешевой рабочей силой, но въ то же время не платя ни земскаго оцѣночнаго сбора, ни промысловыхъ налоговъ. Понятно, что такую фабричную контору, какихъ очень много въ Волоколамскомъ, Богородскомъ и другихъ уѣздахъ, устроить гораздо легче, дешевле и выгоднѣе, чѣмъ выстроить и поддерживать отдѣльную фабричку. Этимъ объясняется то странное обстоятельство, ... что у нѣкоторыхъ мѣстныхъ фабрикантовъ нѣтъ ни одной самостоятельной фабрички, но за то на нихъ работаютъ по 200—300 и болѣе станковъ въ отдѣльныхъ крестьянскихъ избахъ» [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 3.

[2]) Тамъ же, стр. 4.

Такихъ виртуозовъ наживы очень не мало. «Вообще говоря, нѣкоторыя волости Волоколамскаго уѣзда представляютъ одну сплошную ткацкую фабрику, отдѣльными частями которой владѣютъ нѣсколько предпринимателей, болѣе или менѣе сильныхъ, болѣе или менѣе держащихъ въ крѣпкихъ тискахъ все мѣстное населеніе» [2]).

Во избѣжаніе повтореній, мы не будемъ останавливаться на Звенигородскомъ уѣздѣ, гдѣ, по словамъ того же изслѣдователя, «мелкіе ткацкіе мастерки, выдержавъ упорную борьбу за существованіе, ... обнаружираютъ рѣзкое стремленіе къ переходу отъ кустарно-капиталистическаго производства къ сравнительно крупному ручному ткачеству» [3]).

Въ Дмитровскомъ у. обнаруживаются, можетъ быть, яснѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, современныя судьбы *кустарной промышленности въ Россіи*. Кустарные промыслы (напр. ткацкій, позументный и др.) давно уже усвоили тамъ мелкій капиталистическій характеръ. Такъ, по свѣдѣніямъ Матисена, въ 1871 году тамъ было

---

[1]) Тамъ же, стр. 71—72.

[2]) Тамъ-же, стр. 72, примѣчаніе.

[3]) Тамъ-же, стр. 129.

160 ручныхъ ткацкихъ фабричекъ, на которыхъ работало 1,300 человѣкъ. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ многія изъ этихъ фабричекъ, подъ вліяніемъ конкурренціи со стороны крупныхъ предпринимателей, закрылись; другія уступили мѣсто уже знакомымъ намъ конторамъ, раздающимъ работу крестьянамъ на домъ; наконецъ, третьи превратились въ небольшія самоткацкія фабрики, уже ровно ничего общаго не имѣющія съ кустарнымъ производствомъ [1]).

Та же исторія съ позументнымъ промысломъ. Именно, весьма многіе изъ прежнихъ мастерковъ, вырабатывавшихъ позументъ и галунъ, прекратили производство, или же превратились въ простыхъ ткачей, работающихъ по найму у болѣе счастливыхъ мастеровъ, постепенно превратившихся въ довольно крупныхъ предпринимателей [2]).

---

[1]) А. Погожевъ. «Санит. изслѣд. фабрич. завед. Дмитровскаго уѣзда». Москва, 1883, стр. 4 и 5.

[2]) Тамъ же, стр. 5 и 247, примѣчаніе.

Это мы слышимъ не отъ одного г. Погожева. Вотъ что говорилъ, почти одновременно съ г. Погожевымъ, г.И.Вернеръ,описывая кустарное ткачество Московской губерніи. „Большинство нынѣ существующихъ фабрикъ средней величины возникли изъ кустарныхъ избъ: владѣльцы кисейныхъ, гардинныхъ и одѣяльныхъ фабрикъ Волоколамскаго уѣзда (оборотъ нѣкоторыхъ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей) и до настоящаго времени крестьяне, предки ихъ работали за станами, дѣды заводили свѣтелку или становились посредниками между ткачами и крупными производителями, а отцы основывали небольшую фабрику. Громадныя механическія заведенія Горской волости Коломенскаго уѣзда также ведутъ свое начало отъ кустарной избы; значительная шерстяная и одѣяльная фабрика Егорова въ Клинскомъ уѣздѣ, еще въ 30 годахъ настоящаго столѣтія представляла собою небольшую свѣтелку, въ которой владѣлецъ ея, отецъ настоящаго владѣльца, работалъ за станомъ наравнѣ съ другими ткачами; даже настоящій владѣлецъ состоитъ членомъ крестьянскаго общества той деревни, въ которой расположена фабрика; значительныя бархатныя фабрики Канаевыхъ и Нахалова въ Богородскомъ уѣздѣ принадлежатъ также крестьянамъ, дѣды которыхъ работали на фабрикѣ Соловьева въ томъ же уѣздѣ. Громадныя бумаготкацкія предпріятія Алешинской волости Бронницкаго уѣзда, обусловленныя значительнымъ развитіемъ ткачества въ окружающихъ селеніяхъ, сосредоточены въ рукахъ нѣсколькихъ предпринимателей, до сихъ поръ пользующихся крестьянскимъ надѣломъ; въ свое время они были ма-

Хотите знать, какъ обстоитъ кустарное дѣло въ *Подольскомъ* уѣздѣ той же губерніи? Вотъ что сообщаетъ намъ о немъ г. Дементьевъ: «...Этотъ видъ обрабатывающей промышленности все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ капиталистическаго производства, обѣщая въ недалекомъ будущемъ совсѣмъ превратиться въ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ заводовъ и фабрикъ»... «Уже при огульномъ счетѣ — продолжаетъ г. Дементьевъ — т. е. когда всякій работникъ, разъ онъ самостоятельно, на свой страхъ, занимается какимъ либо мастерствомъ, считается представителемъ отдѣльной промышленной единицы, уже и при такомъ счетѣ все таки нельзя не замѣтить, что нѣкоторые изъ кустарныхъ промысловъ, напр. шляпный и канительный, носятъ въ сущности характеръ мелкихъ фабрикъ. На каждую шляпную мастерскую приходится въ среднемъ выводѣ по 7,5 рабочихъ, изъ которыхъ 6,4 наемные, и только 1 принадлежитъ къ семейству хозяина или есть самъ хозяинъ. То же самое слѣдуетъ сказать относительно канительныхъ и щеточныхъ (мастерскихъ). Изъ частнаго описанія осмотрѣнныхъ заведеній, причисляемыхъ обыкновенно къ кустарнымъ... видно, что почти всѣ признаки, характеризующіе промышленное заведеніе какъ фабрику—на лицѣ» [1]).

Въ Коломенскомъ уѣздѣ фабричная промышленность развивалась довольно быстро. За періодъ времени отъ 1843 до 1883 года (года изслѣдованія этого уѣзда г. Дементьевымъ) «*число фабричныхъ рабочихъ болѣе чѣмъ удвоилось*» [2]). Вмѣстѣ съ абсолютнымъ увеличеніемъ числа фабрикъ и заводовъ шелъ процессъ

стерами, а теперь на нѣкоторыхъ изъ нихъ работаютъ до 1,500 крестьянъ-ткачей. Парчевыя фабрики Рудакова, Колониныхъ, Вшивкиныхъ, бумаготкацкія Балашова, Тряпкина, Мироновыхъ — всѣ были кустарными свѣтелками, всѣ принадлежатъ и теперь крестьянамъ и наконецъ всѣ тѣсно связаны съ существующимъ въ окружности кустарнымъ ткачествомъ". Сб. стат. свѣд. по Московской губ., отд. хоз. стат., томъ VII, вып. III. Промыслы Московской губ., выпускъ V. Москва. 1883, стр. 27—28. Изъ кустарей же вышли и многіе крупные фабриканты Владимірской губ. См. у В. Ф. Свирскаго: «Фабрики, заводы и прочія промышленныя заведенія Владимірской губерніи». Владиміръ на Клязьмѣ, 1890, стр. 15 и др.

[1]) Санит. изслѣд. фабр. завед. Подольскаго у. Москва, 1883, стр. 1, 14, 17.

[2]) Санит. изслѣд. фабрикъ и завод. Коломенск. у. Москва, 1885, стр. 6.

концентраціи производства. Такъ, по Самойлову въ 1843 году на каждую фабрику въ среднемъ приходилось по 61 рабочему, а по изслѣдованіямъ г. Дементьева, предпринятымъ сорокъ лѣтъ спустя, фабрика въ среднемъ имѣла отъ 106 (при наименьшемъ) до 140 (при наибольшемъ количествѣ) рабочихъ. Нѣкоторыя изъ самыхъ большихъ фабрикъ этого уѣзда (напр. наслѣдниковъ Елиз. Моргуновой 320—360 раб.; Ив. Демина—750 раб.; Щербаковыхъ до 1450 раб.; другихъ Щербаковыхъ до 1500 раб.; Василія Моргунова сыновей—болѣе 2000 рабочихъ) *начали дѣло какъ небольшія кустарно-капиталистическія мастерскія.* «...И тѣ самыя условія,—замѣчаетъ г. Дементьевъ—которыя благопріятствовали ихъ развитію и росту, были залогомъ гибели менѣе счастливыхъ ихъ конкурентовъ» [1]. Мелкія кустарныя фабрички быстро исчезали: 12 такихъ фабричекъ съ 194 станами закрылись въ короткій промежутокъ времени 1878—1882 годовъ. Крупные капиталисты съ одной стороны, наемные рабочіе съ другой, вотъ во что превращается теперь слой мастерковъ и мелкихъ фабрикантиковъ, нѣкогда выдѣлившихся, благодаря своей относительной зажиточности, изъ «толпы» кустарей, не располагавшихъ ничѣмъ, кромѣ своей рабочей силы.

Это тотъ самый процессъ «дифференціаціи деревенскаго населенія», на который мы [уже указывали, говоря объ общинѣ. Только здѣсь онъ, благодаря новымъ условіямъ, пріобрѣтаетъ новый видъ и новую силу. Нечего и говорить, что имущественное неравенство, возникающее и быстро растущее между крестьянами, *какъ промышленниками*, съ своей стороны способствуетъ усиленію неравенства между крестьянами, *какъ земледѣльцами*. Вотъ почему неравенство этого послѣдняго рода въ промышленныхъ губерніяхъ достигаетъ значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ въ мѣстностяхъ отсталыхъ, не знающихъ ни кустарныхъ промысловъ, ни сколько нибудь усовершенствованной обработки земли [2].

---

[1] Тамъ же, стр. 283.

[2] Крахмальные заводы могутъ устраиваться только тѣми крестьянами. которымъ удается захватить болѣе или менѣе значительное количество земли, Вотъ почему *кустарные* крахмало-заводчики обыкновенно скопляютъ въ своихъ рукяхъ огромную часть надѣльной земли своей «общины». Въ

Кустарь, работающій на фабриканта за издѣльную плату,— справедливо говоритъ г. Прилежаевъ—уже перестаетъ быть кустаремъ... Это... domestic system, домашняя система крупнаго производства, всецѣло относящаяся къ предпринимательской формѣ производства. Здѣсь кустарничество уже умерло» [1]. Точно также *умерло кустарничество* и въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ преобладаетъ *система наемнаго труда въ мелкихъ мастерскихъ.* Конечно, странно было бы упрекать г. Воронцова и ему подобныхъ въ томъ, что они, громя крупное капиталистическое производство, скромно умалчиваютъ объ эксплуататорскихъ грѣшкахъ мелкой, «*кустарной*», буржуазіи: у всякаго свой вкусъ; у всякаго свои пристрастія. Единственное, что мы могли бы въ этомъ случаѣ напомнить г. Воронцову,— это его обѣщаніе не облекать общечеловѣческую идею въ классовую одежду. Но когда насъ увѣряютъ въ томъ, что промышленность, въ которой все болѣе и болѣе распространяется наемный трудъ и «домашняя система», представляетъ собою «*народное хозяйство*», чрезвычайно близкое къ чьимъ-то «идеаламъ» и способное вывести насъ на путь самобытнаго экономическаго развитія; когда намъ указываютъ на нее, какъ на гордость и надежду Россіи, какъ на панацею отъ бѣдствій, идущихъ къ намъ съ лукаваго Запада, тогда мы кротко спрашиваемъ,— кого обманываютъ, кого хотятъ обмануть гг. Воронцовы: самихъ ли себя, насъ-ли съ вами, читатель, или же тотъ «народъ», объ экономическомъ «*освобожденіи*» котораго они такъ велерѣчиво разсуждаютъ?

Конечно, намъ могутъ возразить, что не вездѣ же кустарная промышленность пришла въ такое положеніе, въ какомъ мы находимъ ее въ Московской губерніи; что даже и въ этой губерніи

д. Цибино, Бронницкаго у., «194 душевыхъ надѣла, или 44,5% всей земли, нарѣзанной на 166 домохозяевъ, находятся въ рукахъ всего только 18 заводчиковъ, причемъ на каждаго изъ нихъ приходится по 10,7 душевыхъ надѣловъ, между тѣмъ какъ 52 исправныхъ домохозяевъ владѣютъ всего 172 надѣлами или по 3,3 на дворъ.» Сб. статист. свѣд. по Москов. губ., отд. хоз. ст., томъ VII, вып. I. Промыслы Моск. губ.; Выпускъ III, Москва, 1882 г. стр. 42.

[1] Что такое кустарное производство? С.-Петербургъ, 1882, стр. 175.

есть промыслы, еще не вовлеченные въ процессъ капиталистическаго развитія. На это мы отвѣтимъ, во первыхъ, что болѣе развитыя мѣстности Россіи только показываютъ, какая экономическая судьба ожидаетъ мѣстности отсталыя, а во вторыхъ, что не вовлечены до сихъ поръ въ процессъ капиталистическаго развитія только тѣ промыслы, *для занятія которыми требуются самыя ничтожныя средства производства*. Какъ только необходимый размѣръ этихъ средствъ возрастаетъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, какъ только *капиталъ* вступаетъ въ свои права, онъ тотчасъ же ведетъ за собой свои неизбѣжныя *капиталистичекія* послѣдствія.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Кустари-кожевники Курской, Харьковской, Полтавской и — отчасти — Черниговской губ. являются еще въ значительной степени самостоятельными производителями, типичными кустарями, какъ выражается изслѣдовавшій ихъ житье-бытье, г. Шевлягинъ. Каждый изъ нихъ работаетъ по большей части лишь съ собственной семьей, въ той же хатѣ, гдѣ живетъ, и вообще гораздо болѣе находится подъ властью земли, нежели промысла. «Капитализація» сдѣлала еще мало успѣховъ, хотя мѣстами (напр. въ Ахтыркѣ) она и тамъ уже даетъ себя чувствовать. Не то въ Нижегородской губерніи. Здѣсь «мелкая кожевенная промышленность въ значительной степени потеряла кустарный характеръ, который она имѣла въ сравнительно недавнее время, и приняла характеръ мелкой заводской промышленности... Здѣсь уже довольно много крупныхъ кожевенныхъ заводовъ, имѣющихъ наемныхъ рабочихъ. Послѣднихъ вообще здѣсь значительно больше, чѣмъ самостоятельныхъ мелкихъ кустарей. Развитіе крупныхъ заводовъ сильно ограничило число послѣднихъ и оставило имъ только выдѣлку самыхъ низкихъ сортовъ товара для мѣстнаго потребленія» [1]. Словомъ, здѣсь, въ этой болѣе промышленной мѣстности, *великій Панъ* уже умеръ въ кожевенномъ промыслѣ. Весь вопросъ теперь въ томъ, долго ли протянется его существованіе на отсталомъ югѣ Россіи.

---

[1] Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи, II, С.-Петербургъ, 1894, стр. 241 и 243—244.

Кустари Ватской губ., занимающіеся выдѣлкой корзинъ и производствомъ разнаго рода издѣлій изъ лыка и коры, нуждаются въ сравнительно ничтожномъ *«основномъ капиталѣ»* (отъ 1 руб. до 15 руб.). Наемный трудъ почти неизвѣстенъ въ этомъ промыслѣ: «всѣми этими работами занимаются сами хозяева со своими семьями, учениковъ и работниковъ не держатъ» [1]. А вотъ въ сапожномъ промыслѣ, гдѣ требуются уже нѣсколько болѣе дорогіе—хотя въ сущности все еще очень дешевые—инструменты и матеріалъ, появляются уже мастерскія съ наемными рабочими [2]. Въ скорняжномъ тулупно-овчинномъ промыслѣ появляются уже довольно крупные *кустарные заводы*. Наконецъ, въ кожевенномъ и клееварномъ промыслахъ наемный трудъ становится преобладающимъ [3]. Великій Панъ умираетъ.

Таковы-то судьбы нашей «народной» промышленности: ей суждено частью исчезнуть въ борьбѣ съ крупными фабриками, частью быть поглощенной ими, а частью перейти въ мелкую капиталистическую промышленность. И эти судьбы, повторяемъ, въ значительной степени уже исполнились.

Великій (т. е. собственно маленькій) Панъ умираетъ! Это обстоятельство должно будетъ рано или поздно отразиться на міросозерцанія нашихъ интеллигентныхъ защитниковъ «народныхъ» интересовъ. У насъ вошло въ обычай твердить, что капитализмъ развивался и развивается у насъ крайне искусственно [1]) и что онъ, несмотря на всѣ усилія правительства, охватилъ у насъ лишь незначительную часть промышленности, «объединивъ» ничтожное число рабочихъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о числѣ рабочихъ, занятыхъ у насъ въ крупной промышленности (объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ), мы замѣтимъ здѣсь, что наша кустарная промышленность, *развиваясь самымъ «естественнымъ» путемъ*, съ своей стороны успѣла привести подъ власть капитала огромное число наемниковъ. Результаты «естественнаго» развитія нашей обрабатывающей промышленности сливаются, такимъ образомъ, съ результатами ея *«искуственнаго»* развитія; и тамъ, и здѣсь наемный трудъ, и тамъ и здѣсь крушеніе старыхъ «устоевъ», и тамъ и здѣсь *торжество капитала.*

---

[1] Труды коммисіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Выпускъ XI. С.-Петерб. 1884, стр. 218. Впрочемъ, выдѣлка бураковъ падаетъ вслѣдствіе недостатка бересты. Бросившіе свой промыселъ, бурачники поступаютъ рабочими на кожевенные заводы. Лапотный промыселъ требующій, какъ извѣстно, немного «основного капитала», тоже падаетъ мѣстами частью отъ вздорожанія *лыка*, а частью отъ того, что развращаемые цивилизаціей крестьяне неохотно обуваются теперь *въ лапти*. Это ужасно жаль! Намъ всегда казалось, что именно въ самобытномъ *лапотномъ* промыслѣ могли бы широко осуществиться самобытные «идеалы» лучшей части нашихъ народниковъ.

[2] Тамъ же, стр. 368.

[3] Въ кожевенномъ промыслѣ Слободского уѣзда „только на маленькихъ заводахъ сами хозяева и ихъ семьи занимаются промысломъ, на всѣхъ же остальныхъ нанимаются работники"... (Тамъ же, стр. 313). Клееварный промыселъ Вятскаго уѣзда весь сосредоточенъ на довольно крупныхъ «кустарныхъ» заводахъ, при чемъ сами «заводовладѣльцы лишь наблюдаютъ за ходомъ работъ, которыя исполняются наемными рабочими». (Тамъ же, стр. 90).

Однимъ изъ важнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ нашего экономическаго развитія было, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, отсутствіе того отдѣленія города отъ деревни, которое дало такой сильный толчекъ развитію производительныхъ силъ на западѣ Европы. Въ 1861 г. г. Корсакъ, основываясь на статистическихъ данныхъ, относящихся къ 1856 г., показалъ, что у насъ въ *самыхъ промышленныхъ губерніяхъ пропорція городского населенія меньше средней для цѣлой Россіи.* Такъ, между тѣмъ какъ въ Орловской губ. городское населеніе составляло 9,77%, въ Харьковской—10,72%, въ Кіевской—10,88%, въ Таврической 18,38% и въ Херсонской—21,35%, въ Ярославской оно не превышало 8,2%, во Владимірской—5,87%,—въ Московской (за исключеніемъ Московскаго уѣзда)—6,37% [2]). Это въ высшей степени важное обстоятельство; оно показываетъ, до какой степени деревня играла у насъ, въ промышленномъ отношеніи, роль города, и на сколько неосновательны тѣ, столь обычныя у насъ соображенія о нашемъ экономическомъ состояніи, которыя основываются на маломъ развитіи у насъ городского населенія. Малое развитіе городского наседія безспорно надолго задержало развитіе нашихъ производительныхъ силъ. Но оно не помѣшало сдѣлаться *наиболѣе промышленными* тѣмъ самымъ губерніямъ, въ которыхъ пропорція городского населенія была *наименьшей*. Точно также оно не по мѣшаетъ и разложенію старыхъ, азіатскихъ устоевъ нашей деревни, появленію въ ней новыхъ, *болѣе подвижныхъ* и потому болѣе *прогрессивныхъ* отношеній производителей въ общественно-экономическомъ процессѣ производства,—словомъ ея *европеизаціи*; напротивъ, оно придастъ этому процессу огромную, непреодолимую стихійную силу.

---

[1]) Хотя и странно называть искусственнымъ развитіе такого способа производства, который, съ одной стороны, вызывался насущнѣйшими потребностями государства, а съ другой,—при данныхъ обстоятельствахъ—не могъ быть замѣненъ никоимъ инымъ способомъ, но объ искусственности русскаго капитализма много говоритъ даже—вообще очень дѣльный и здравомыслящій писатель г. Корсакъ въ своей книгѣ *«О формахъ промышленности»*.

[2]) «О формахъ промышленности», стр. 210—211.

Какъ вліяетъ кустарный промыселъ на земледѣліе? Г. Воронцовъ увѣряетъ, что превосходно. Но г. Воронцовъ говоритъ это «грустно и некстати». Какъ думаютъ другіе изслѣдователи? Они даютъ на этотъ счетъ самые противоположные отвѣты: одни говорятъ, что очень плохо, другіе, подобно г. Воронцову,—что очень хорошо. Интереснѣе всего то, что и тѣ и другіе подкрѣпляютъ свои мнѣнія совершенно безспорными данными. Выходитъ, что промыселъ вліяетъ на земледѣліе и дурно, и хорошо въ одно и тоже время и въ одной и той же мѣстности. На первый взглядъ это представляется нелѣпымъ противорѣчіемъ.

Но при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу противорѣчіе это легко разрѣшается. Надо только помнить, что кустарь во многихъ и многихъ случаяхъ ни мало не похожъ на того «самостоятельнаго производителя», какимъ его привыкли изображать наши народники. Вотъ, напр., не угодно ли вамъ прочитать слѣдующія строки изъ одного изслѣдованія В. С. Пругавина.

«Бумаго-ткацкій промыселъ вызвалъ здѣсь къ жизни мастерковъ и свѣтелочниковъ, болѣе или менѣе обособившихся теперь среди крестьянства въ особый слой зажиточныхъ крестьянъ-промышленниковъ... Сельское хозяйство находится у нихъ въ сравнительно очемъ удовлетворительномъ состояніи; изъ 195 свѣтелочниковъ-земледѣльцевъ лишь одинъ обрабатываетъ землю наймомъ, а безхозяйныхъ среди нихъ совѣмъ нѣтъ; 99,3% свѣтелочниковъ обрабатываютъ землю сами и содержатъ почти вдвое больше скота, чѣмъ масса населенія»[1].

Есть ли у васъ какія нибудь основанія для того, чтобы заподозрить правдивость показаній г. Пругавина? Мы думаемъ, что нѣтъ и потому говоримъ: вы должны согласиться, что *промыслы хорошо вліяютъ на земледѣліе.* Затѣмъ мы приглашаемъ васъ послушать г. Исаева, который, конечно, также заслуживаетъ полнаго довѣрія съ вашей стороны.

«Правда, есть хозяева, составляющіе небольшое меньшинство, у которыхъ хорошее состояніе хлѣбопашества прямо зависитъ отъ успѣшнаго хода промысла; вы найдете у такого хозяина и больше скота, и больше удобренія, и лучшія жатвы; но эти примѣры единичны. Большинство же, не извлекая изъ промысловъ доходовъ больше, нежели нужно для покрытія издержекъ по содержанію ихъ семей, ничего не влагаютъ въ землю... Если промыселъ мало содѣйствуетъ улучшенію земледѣлія, то нельзя не подмѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже прямо содѣйствуетъ упадку. Это замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богородскаго уѣзда, гдѣ многіе крестьяне оставляютъ земледѣліе и посвящаютъ себя промышленнымъ занятіямъ»[2].

Въ цитированныхъ нами строкахъ у г. Исаева рѣчь идетъ о вліяніи на земледѣліе *металлическихъ* промысловъ. Въ описаніи другихъ промысловъ мы находимъ у него тотъ же взглядъ. «Что промыселъ ничего не принесъ земледѣлію—очевидно, говоритъ онъ о *Гжели*, раіонѣ гончарнаго производства. Если у крестьянъ-промышленниковъ и есть какіе нибудь излишки отъ веденія промысла, то они затрачиваются не на улучшеніе земледѣлія, а на какіе либо другіе предметы: или на расширеніе производства, или на самостоятельное веденіе промысла, если это мастеръ, или же на улучшеніе одежды, пищи»[3].

Какъ же согласить это свидѣтельство съ противоположнымъ ему свидѣтельствомъ г. В. Пругавина? Ясно, что это противорѣчіе рахъ. Говорить о значеніи для заводчика земледѣлія—то же, что говорить о значеніи подгородной дачи для купца, торгующаго въ городѣ» [1].

---

[1] Сельская община, кустарные промыслы и земледѣльческое хозяйство Юрьевскаго уѣзда Владимірской губ. Москва, 1884, стр. 62.

[2] Промыслы Московской губ., томъ второй, стр. 77.

[3] Тамъ же, стр. 165.

Совершающійся въ средѣ кустарей процессъ слоенія отражается и на ихъ отношеніи къ общинѣ. «Въ чисто земледѣльческой мѣстности, говоритъ г. Исаевъ, главнѣйшая собственность, земля,—принадлежитъ не отдѣльному лицу, а общинѣ, и каждый членъ ея привыкъ видѣть себя только временнымъ держателемъ того или другого участка. Среди крестьянъ-промышленниковъ выступаютъ на сцену другіе элементы, принадлежащіе ему, какъ полному, неограниченному, личному собственнику. Ведя дѣло независимо отъ своихъ товарищей по ремеслу, появляясь на рынкѣ со своимъ товаромъ, исключительно на себѣ неся всю отвѣтственность за его недоброкачественность, равно какъ и получая всѣ отъ него барыши, промышленникъ переноситъ то же воззрѣніе и на землевладѣніе. Привыкнувъ къ свободному распоряженію своимъ движимымъ имуществомъ, своими подносами, шандалами (г. Исаевъ говоритъ здѣсь о металлическомъ промыслѣ), крестьянинъ-промышленникъ хотѣлъ бы столько же свободно располагать и землею. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Троицкой волости, у подносчиковъ стремленіе къ личной поземельной собственности видно въ рѣдкихъ передѣлахъ угодій: послѣ освобожденія крестьянъ участки остались за тѣми же держателями, которымъ они достались въ 1861 году» [2].

Итакъ, кустарный промыселъ, очевидно, содѣйствуетъ разложенію общины. Но замѣтьте, что это не всегда, а лучше сказать, что это бываетъ *только до поры до времени*. Въ той же самой Московской губерніи, въ которой кустари, занимающіеся металлическимъ промысломъ, обнаруживаютъ отрицательное отношеніе къ передѣламъ, гончары Гжельскаго раіона *передѣляютъ землю*, напротивъ, *очень часто*: иногда каждые 2—3 года. «Казалось бы,—справедливо замѣчаетъ г. Исаевъ—что въ такомъ промышленномъ раіонѣ, какъ Гжель, гдѣ большая часть доходовъ извлекается изъ движимаго частнаго имущества, гдѣ поселянину особенно часто приходится дѣйствовать на правахъ неограниченнаго собственника, у крестьянъ должна была родиться склонность и къ частному землевладѣнію, но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ». Отчего же нѣтъ? «Я полагаю, говоритъ г. Исаевъ, что въ крестьянахъ эта *склонность не развита именно въ силу небольшого значенія земледѣлія въ ихъ бюджетѣ*» [1]). Выходитъ, что если Гжельцы и не противъ передѣловъ, то единственно потому, что община *уже* не имѣетъ для нихъ практическаго значенія: какъ источникъ дохода, земля почти перестала существовать для большинства домохозяевъ. Выше мы видѣли, что въ Саратовской губерніи къ передѣламъ относятся безразлично (т. е. съ одинаковой легкостью высказываются, смотря по обстоятельствамъ, и за передѣлы, и *противъ* нихъ) домохозяева тѣхъ общинъ, гдѣ обладаніе душевымъ надѣломъ не представляетъ ни большого интереса, ни большого убытка. Теперь, въ Гжели, мы видимъ подобное же равнодушіе, вызванное подобными же причинами. О Саратовской губерніи намъ извѣстно также, что тамъ равнодушіе къ передѣламъ замѣчается въ тѣхъ общинахъ, гдѣ много *безхозяйныхъ*. Въ Гжельскомъ раіонѣ равнодушно относятся къ землѣ богатые кустари-заводчики. *Крайности сходятся.*

---

[1] Цитир. соч., т. II., стр. 165.

[2] Тамъ же, стр. 77—78. Напоминаемъ, что изслѣдованіе г. Исаева появилось въ 1876 году.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о той части кустарей, которой удается нажить кое-какой капиталецъ, которая состоитъ изъ мастерковъ и фабрикантовъ. Но вѣдь появленіе этого слоя обусловливается разореніемъ большинства кустарей, превращеніемъ ихъ изъ *самостоятельныхъ производителей въ работниковъ по найму*. Какъ относится къ землѣ этотъ обездоленный слой производителей? Первоначально онъ такъ же судорожно держится за землю, какъ и за промыселъ. Но ему все труднѣе и труднѣе становится нести непосильную для него тяготу крестьянскаго хозяйства. Все большая и большая часть представителей этого слоя переходитъ въ разрядъ тѣхъ «дробей», тѣхъ «нулей цѣлыхъ», положеніе которыхъ такъ художественно изобразилъ Г. И. Успенскій. Все яснѣе и яснѣе видятъ эти «дроби», что имъ не справиться съ землею. Наконецъ, онѣ совсѣмъ забрасываютъ земледѣліе, возвращаясь къ нему лишь во времена промышленнаго застоя.

---

[1]) Тамъ же, стр. 165. Курсивъ нашъ.

Одинъ изъ фабрикантовъ-крестьянъ Покровскаго уѣзда Филипповской волости слѣдующими живыми красками изображаетъ земледѣліе мѣстныхъ кустарей-ткачей: «Землепашецъ!—съ Пасхи броситъ фабрику, на Ѳоминой примется ладить соху да борону. Ладитъ, ладитъ недѣли двѣ, за сбрую примется... Наберетъ коегдѣ сѣмянъ,—посѣялъ... Много-ли? Двѣ мѣры ржи, да двѣ гречи... Удружилъ! Пришло Успенье... Сколько намолотилъ? Четверть ржи да четверть гречи. Покель молотилъ, и свой былъ хлѣбъ, а кончилась молотьба, и хлѣба нѣтъ!..» [1] Правда, крестьяне-фабриканты вообще «косо посматриваютъ на землепашество»: оно отвлекаетъ рабочія руки отъ ткацкаго промысла. Но г. Харизоменовъ замѣчаетъ, что картина, нарисованная фабрикантомъ, «къ сожалѣнію, представляетъ не одну только пародію на дѣйствительность»... «Не фабриканты только, но и сами крестьяне (напр. села Филипповскаго) совершенно откровенно, хотя и не безъ горечи, смѣются надъ своимъ хлѣбопашествомъ» (стр. 93).

Въ раіонѣ села Кимры (Тверской губерніи) «сапожный промыселъ составляетъ до такой степени исключительное занятіе мѣстныхъ жителей мужского пола, что всѣ полевыя работы, кромѣ сѣнокоса, а также въ зимнее время и возка дровъ, отправляются преимущественно женщинами. Только въ сѣнокосъ, съ Петрова до Ильина дня или до перваго Спаса, мужчины оставляютъ свои занятія сапожнымъ мастерствомъ, помогаютъ женщинамъ во всѣхъ работахъ по кошенію сѣна, и въ то же время дѣлаютъ, такъ сказать, осмотръ всему своему домашнему хозяйству, занимаясь въ немъ необходимыми исправленіями и улучшеніями. Но въ самомъ селѣ Кимры и на это время мужчины не освобождаются отъ занятій по сапожному мастерству, а занимаются имъ, исключая праздничныхъ дней, круглый годъ: земли же свои, по большей части, отдаютъ въ арендное содержаніе или изъ-полу, или на другихъ условіяхъ, какія кому покажутся выгодными. Во все время года, исключая праздничныхъ дней, каждодневно работники, а также и мальчики, занимаются сапожнымъ мастерствомъ не менѣе 14 часовъ въ сутки, съ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, давая себѣ льготы только одинъ часъ на обѣдъ. При такомъ распредѣленіи времени, едва ли кто нибудь будетъ въ состояніи исполнить какія-либо другія работы по хозяйству *до* и *послѣ* работы по сапожному мастерству» [1]).

---

[1] «*Промыслы Владим. губ.*», выпускъ III, стр. 90

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ «исконнымъ занятіемъ всѣхъ кожевниковъ является земледѣліе; тѣмъ не менѣе, кожевенный промыселъ представляется столь выгоднымъ, что мало по малу оттѣсняетъ собой земледѣліе на второй планъ. Татарсковскіе кожевники заняты производствомъ круглый годъ, для полевыхъ же работъ нанимаютъ работника» [2]).

Въ нѣкоторыхъ обществахъ бывшихъ госуд. крестьянъ Ростовскаго и Мышкинскаго уѣздовъ гончарный промыселъ есть почти единственный источникъ существованія крестьянъ. Холуйскіе иконописцы Владимірской губ. Вязниковскаго у., не только не занимаются хлѣбопашествомъ, но рѣдкій изъ нихъ умѣетъ запречь лошадь. Въ селѣ Великомъ Ярославской губ., въ с. Безводномъ Нижегородскаго у., въ с. Богородскомъ Горбатовскаго у., въ Павловскомъ кустарномъ раіонѣ, въ Уломскомъ гвоздарномъ раіонѣ Череповецкаго у. и т. д. и т. д. о земледѣльческомъ хозяйствѣ кустарей почти не можетъ быть и рѣчи. Наши народолюбивые «противники капитализма» и сторонники соединенія промысловъ съ земледѣліемъ прекрасно знаютъ все это. Но они стараются отговориться отъ непріятной дѣйствительности, указывая на *исключительность* положенія кустарей, забросившихъ земледѣліе.

---

[1]) *Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи,* часть первая, С.-ПБ., 1872 г., стр. 172.

[2]) Плотниковъ. *«Кустарные промыслы Нижегор. губ.»,* стр. 229.

Въ игрушечномъ промыслѣ Моск. губ., за исключеніемъ Сергіевскаго посада, «мы не видимъ ни одного случая, когда бы человѣкъ, имѣющій *надѣльную* землю, не обрабатывалъ ее». Прекрасно! Новое доказательство правильности народническихъ разсужденій. Однако «если размѣръ производства не позволяетъ лично заниматься обработкой земли, то производители металлическихъ игрушекъ нанимаютъ себѣ *земляныхъ* рабочихъ. Такимъ образомъ, въ производствѣ металлическехъ игрушекъ промыселъ и земледѣліе идутъ рука объ руку». (Промыслы Моск. губ., выпускъ II, составилъ И. Боголѣповъ, стр. 83). Это тоже недурно, но при чемъ здѣсь старые «устои»?

«Въ большинствѣ случаевъ,—говоритъ, напримѣръ, г. Н. Езерскій—упадокъ земледѣлія вызывается какими нибудь причинами, заключенными въ немъ самомъ, — ничтожностью надѣловъ, плохимъ качествомъ почвы, обременительностью платежей...» 1) Г. Езерскій правъ. Но мы напомнимъ ему его же собственное положеніе: «чѣмъ меньше даетъ земледѣліе, тѣмъ больше должно быть въ данной мѣстности кустарей», мы напомнимъ ему приводимыя имъ же слова Гацисскаго: «не родитъ земля хлѣба — родитъ кустаря; родитъ хлѣбъ — на кустаря неурожай» 2). Это значитъ, что еслибъ нашъ крестьянинъ былъ хорошо обезпеченъ землей, то у насъ, можетъ быть, и совсѣмъ не развилась бы кустарная промышленность. Но мы говоримъ не о *возможныхъ*, а о *дѣйствительно* существующихъ условіяхъ русскаго экономическаго развитія. А при этихъ послѣднихъ условіяхъ нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что довольно значительная часть кустарей *уже* забросила земледѣліе, а другая и не менѣе значительная близка къ тому, чтобы его забросить.

Къ тому же земледѣліе забрасывается кустарями не только по причинамъ, не имѣющимъ къ промыслу прямого отношенія. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ самъ г. Езерскій: «Только высокій заработокъ отъ послѣдняго (т. е. отъ промысла) или долгая привычка къ нему въ силахъ убить въ кустарѣ интересъ къ своему надѣлу: скорняки подъ Арзамасомъ моглибы имѣть свой хлѣбъ весь годъ, но многіе (до $^1/_3$) не обращаютъ должнаго вниманія на землю, притомъ степень заботы о ней въ каждой семьѣ опредѣляется привычкой къ тому или другому роду занятій: въ Морозовкѣ, гдѣ промыселъ возникъ лишь 15—20 л. назадъ и ведется лишь въ $^1/_3$ домовъ, земледѣліемъ занимаются больше, чѣмъ въ Кириловкѣ и другихъ селеніяхъ, поголовно промышляю-

---

1) «Кустарная промышленность и ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ». Москва, 1894, стр. 48.

2) Тамъ же, стр. 39—40.

щихъ скорняжничествомъ. Подобно этому, обиліе выгодныхъ промысловъ отвлекаетъ жителей Чернорѣцкой волости Балахнинскаго уѣзда отъ земли, не смотря на ея плодородіе. Даже временное процвѣтаніе промысла можетъ нанести ущербъ земледѣлію, какъ то было съ пуговичниками Богородскаго уѣзда въ 1877—1878 годахъ» [1]).

Какъ видите, дѣло происходитъ не совсѣмъ такъ, какъ хотѣлось бы изобразить его сторонникамъ соединенія промысла съ земледѣліемъ. Достаточно даже временнаго процвѣтанія промысла, чтобы кустари забросили земледѣліе. Другими словами, какъ только промыселъ оказывается въ состояніи прокормить кустаря,—кустарь бросаетъ земледѣліе. Это давно извѣстно людямъ, внимательно относящимся къ нашему народному быту. «*Общее правило то, что чѣмъ выгоднѣе промыселъ, тѣмъ продолжительнѣе и срокъ занятія имъ*», говорилъ еще г. Корсакъ [2]). Но это значитъ, что *кустарь держится за землю только до тѣхъ поръ, пока и земельный его надѣлъ и промыселъ держатъ его, каждый съ своей стороны, въ полуголодномъ состояніи.* Хотятъ ли гг. народники увѣковѣчить такое положеніе дѣлъ?

Связь кустарныхъ промысловъ съ земледѣліемъ составляетъ, говоря вообще, необходимое слѣдствіе той поземельной политики русскаго государства, о которой мы говорили въ главѣ объ общинѣ. Посаженный на землю и обязанный платить за нее высокіе платежи, крестьянинъ естественно старается обработать ее, чтобы не платить «спуста» [3]). Кустарь, забросившій земледѣліе, не сдѣлается общимъ правиломъ до тѣхъ поръ, пока не разорится окончательно русскій крестьянинъ, или русское государство не откажется отъ своей традиціонной поземельной политики. Но къ чему приводитъ насъ наше пресловутое соединеніе промысла съ земледѣліемъ?

---

[1]) Тамъ-же, стр. 49.

[2]) „О формахъ промышленности", стр. 232, курсивъ нашъ. Въ Яранскомъ у., Вятской губ., часть экипажниковъ занимается промысломъ круглый годъ, между тѣмъ какъ другая, болѣе значительная, посвящаетъ ему лишь около ста дней въ году (Труды коммисіи по изслѣд. куст. пр., вып. XVI, стр. 167 (5043). Мы увѣрены, что круглый годъ занимаются промысломъ тѣ кустари, которые имѣютъ лучшіе заработки.

[3]) «Причина такой привязанности коренится, конечно, въ много-вѣковой привычкѣ народа къ земледѣлію, которая находитъ поддержку во многихъ условіяхъ современной жизни: владѣніе землей, несущей значительные платежи, и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ уже затрудняетъ крестьянину переходъ въ классъ промышленныхъ рабочихъ». Еверскій, цит. соч., стр. 46—47.

1) Къ тому, что кустари-крестьяне, несмотря на то, что промыселъ иногда поддерживаетъ земледѣліе, въ общемъ обрабатываютъ свои надѣлы самымъ первобытнымъ образомъ.

2) Къ тому, что кустари-крестьяне жалкими орудіями труда, съ огромнымъ напряженіемъ силъ, производятъ чрезвычайно жалкія издѣлія.

Иначе сказать:

1) Къ плохой обработкѣ земли.

2) Къ жалкой обрабатывающей промышленности. Или, еще короче,—къ *жалкому состоянію нашихъ производительныхъ силъ, въ результатѣ котораго неизбѣжно является жалкое положеніе производителей* [1]).

Прекрасный результатъ, ради котораго стоитъ потрудиться «друзьямъ народа».

Г. Воронцовъ, отстаивая соединеніе промысла съ земледѣліемъ, упрямо твердитъ, что только при этомъ соединеніи нашъ крестьянинъ можетъ быть занятъ въ теченіе цѣлаго года. Онъ доказываетъ это цѣлымъ рядомъ примѣрныхъ расчетовъ. Но если, работая цѣлый годъ, нашъ крестьянинъ произведетъ лишь то, что при другихъ условіяхъ производства—а слѣдовательно и при другихъ отношеніяхъ производителей—потребовало бы труда во много разъ меньшаго, то *ничего, кромѣ народной нищеты, изъ этого не выйдетъ...*

Во второй главѣ мы сказали, что наши старыя общественныя отношенія производителей ставятъ много препятствій на пути нашего экономическаго развитія. Теперь прибавимъ, что пресловутое соединеніе промысла съ земледѣліемъ есть одно изъ нихъ.

---

[1]) «Тамъ гдѣ производители городской и деревенскій встрѣчаются рядомъ, вліяніе кустаря, конечно, гибельно для перваго»—говоритъ г. Езерскій (стр. 66). Гибельно,—потому, что кустарь сбиваетъ плату до невозможнаго минимума. Печальное преимущество!

Ему мы въ значительной степени обязаны тѣмъ слабымъ развитіемъ покупательной силы нашего населенія, которое многіе относятъ на счетъ капитализма. Мы страдаемъ не отъ развитія капитализма, а отъ недостаточнаго его развитія. Пора бы понять это всѣмъ тѣмъ, которые такъ долго и такъ постоянно «плачутъ» у насъ «надъ цифрами», какъ выражался Г. И. Успенскій.

«По мѣрѣ того, какъ кустари сосредоточиваются на промыслѣ,— говоритъ г. Езерскій—спеціализируется и земледѣліе: сосѣди ихъ, не занимающіеся ремесломъ, арендуютъ у нихъ заброшенные участки, соединяя въ своихъ рукахъ количество земли, достаточное для успѣшнаго веденія полеваго хозяйства... Во всякомъ случаѣ, эта централизація представляетъ важное явленіе въ деревенской жизни; если она обезземеливаетъ часть сельскаго населенія, то интересы самого земледѣлія могутъ отъ нея только выиграть, такъ какъ, благодаря ей, тѣ, въ чьихъ рукахъ сосредоточивается земля, получаютъ возможность вести правильное хозяйство, извлекать изъ нея такой доходъ, какого она не могла бы дать, будучи раздѣлена на прежніе мелкіе участки. Не нужно забывать, что здѣсь дѣло идетъ не о замѣнѣ мелкой культуры крупною, а только о соединеніи слишкомъ дробныхъ участковъ въ такіе, которые допускаютъ правильное хозяйство» [1].

Въ другихъ мѣстахъ своей книги г. Езерскій повторяетъ, вслѣдъ за Харизоменовымъ, что именно *средній промышленникъ сильнѣе всѣхъ другихъ держится за землю*. Это справедливыя и въ то же время многозначительныя слова. Они показываютъ, кого именно имѣютъ въ виду; къ чьимъ интересамъ приспособляютъ свои «программы» наши нынѣшніе защитники старыхъ «устоевъ».

Какъ бы тамъ ни было, но современное положеніе нашей деревни таково, что твердить о хорошемъ вліяніи промысловъ на земледѣліе значитъ насмѣхаться надъ той массой безхозяйныхъ крестьянъ, которая все болѣе и болѣе увеличивается въ настоящее время. Г. Воронцовъ, избравшій *цѣлью своей жизни идеализацію мелкаго буржуа деревни*, можетъ совершенно игнорировать судьбу этой массы. У него кустарь непремѣнно «*обладаетъ лошадью*»: ясно, что безлошадные совсѣмъ *выходятъ* изъ его поля зрѣнія.

---

[1] Цит. соч. стр. 50—51.

Но человѣкъ, дорожащій интересами деревенской бѣдноты, не можетъ не считаться съ тѣмъ процессомъ дифференціаціи въ средѣ кустарей, который очень далеко зашелъ уже и въ настоящее время и который имѣетъ всѣ шансы пойти гораздо дальше въ будущемъ [1]). Такой человѣкъ безъ труда пойметъ также, что напр. кимрскій сапожникъ или павловскій замочникъ, вовсе не занимающійся земледѣліемъ, не согласится съ г. Воронцовымъ, который увѣряетъ, что «доходы отъ хлѣбопашества обезпечиваютъ кустарю удовлетвореніе первѣйшихъ потребностей» и потому позволяютъ ему довольствоваться *«нисшей заработной платой»*. — Наша *«плата»* дѣйствительно низка—сказалъ бы такой сапожникъ или замочникъ,—но беремъ мы ее вовсе не потому, что имѣемъ будто бы, независимо отъ промысла, «кусокъ хлѣба». Наша бѣдность дѣйствительно велика, но чтобы хоть немного помочь намъ, вы, «интеллигенты», должны прежде всего понять наше истинное положеніе, а не повторять на нашъ счетъ старыя стереотипныя фразы, давно уже потерявшія всякое значеніе, Очень возможно, что вы добрые и хорошіе господа, горячо любящіе тотъ воображаемый вами народъ, съ которымъ вы такъ носитесь. Но ваше народолюбіе приноситъ намъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

Кустарь, работающій на деревенскаго «мастерка», «фабрикантика», или на крупнаго капиталиста-скупщика, фактически сталъ тѣмъ самымъ пролетаріемъ, появленія котораго въ деревнѣ такъ боятся наши народники. Каково положеніе такого пролетарія sui generis? Пусть и на этотъ вопросъ отвѣчаютъ люди, изслѣдовавшіе положеніе дѣлъ на мѣстѣ.

---

[1]) Въ Вороновской вол. Под. у. Моск. губ. (центръ кружевного промысла) съ 1869 по 1877 г. общее число лошадей, коровъ и мелкаго скота *увеличилось*; но въ то же самое время *увеличилось и число домохозяевъ*, *вовсе не имѣющихъ скота*. Въ 1869 г. процентное отношеніе безлошадныхъ къ числу всѣхъ домохозяевъ равнялось 22,3$^0/_0$, въ 1878 г. оно дошло до 23,2$^0/_0$, въ 1869 г. процентное отношеніе безкоровныхъ къ числу всѣхъ домохозяевъ равнялось 17,3, а въ 1877 г. — 20. Рядомъ съ этимъ увеличилось число домохозяевъ, не обрабатывающихъ землю (Сб. ст. св. Моск. г., т. VI., вып. II, Промыслы Моск. губ. вып. II, «Круж. пр.», стр. 9 — 10). Это возрастаніе благосостоянія *меньшинства* рядомъ съ упадкомъ экономической «самостоятельности» большинства—общераспространенное у насъ явленіе.

«Что касается до ткачей и вообще рабочихъ въ свѣтелкахъ и кустарныхъ избахъ, то положеніе ихъ далеко не завидно. Трудъ ихъ оплачивается дешевле, чѣмъ на крупныхъ фабрикахъ, и иначе и быть не можетъ: только дешевизна рабочихъ заставляетъ капиталиста дробить производство и разбрасывать его по всей площади уѣзда. Не будь этой погони за дешевымъ трудомъ, производство давно бы сконцентрировалось въ большія фабрики. Средній дневной заработокъ ткача, вырабатывающаго бумажныя ткани, не превышаетъ 25—30 коп. или около 6—6 р. 50 к. въ мѣсяцъ, въ то время какъ на фабрикахъ онъ вырабатываетъ 12—14 руб... Продолжительность рабочаго дня у кустаря также длиннѣе, чѣмъ у фабричнаго... Truck-system, преслѣдуемая фабричными инспекторами на крупныхъ фабрикахъ, находится въ полной силѣ на мелкихъ фабрикахъ и свѣтелкахъ, понижая и безъ того скудный заработокъ ткача. Словомъ, съ внѣшней стороны положеніе кустарнаго ткача хуже фабричнаго. Но за то первый имѣетъ то громадное преимущество передъ фабричнымъ, что ткачество не отрываетъ его отъ земли. А это такое громадное преимущество, что уже ради этого слѣдуетъ поддерживать кустарное производство» [1]). Послѣднія фразы характерны для г. Вернера, какъ для человѣка, зараженнаго предразсудками народниковъ. Онѣ такъ наивно откровенны при этомъ, что—противъ воли г. Вернера—совершенно разоблачаютъ утопическій характеръ «*борьбы*» народниковъ «*съ капитализмомъ*». Низкая заработная плата, продолжительный рабочій день, truck-system—все это лишь «*внѣшняя сторона*» для г. Вернера. *Суть* же заключается въ томъ, что кустарный промыселъ не отрываетъ крестьянина отъ земли. Мы уже знаемъ, какъ относится промыселъ къ земледѣлію. Но если бы даже мы и не знали этого, то легко было бы видѣть, что люди, способные смотрѣть на самыя насущныя экономическія потребности какъ на простую, если вовсе не *пустую*, *внѣшность*, въ «друзья народа» не годятся. Но это мы замѣчаемъ мимоходомъ. По существу же дѣла, интересующаго насъ въ настоящую минуту, свидѣтельство г. Вернера относительно сильнѣйшей эксплуатаціи кустаря сравнительно съ фабричнымъ рабочимъ тѣмъ дра-

---

[1]) К. Вернеръ, «Кустарные промыслы въ Богородск. у.», стр. 42—43.

Погожевъ не освѣдомился у бесѣдовавшихъ съ нимъ мастерковъ, прибѣгають или не прибѣгають они къ воздѣйствію на рабочаго черезъ посредство волостного правленія. Очень можетъ быть, что они откровенно сознались бы ему въ этомъ. А если бы и не обнаружили они столько откровенности, то г. Погожевъ могъ бы узнать правду отъ рабочихъ или, наконецъ, сообразить, что явленія, несомнѣнно имѣющія мѣсто въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, навѣрное повторяются при прочихъ равныхъ условіяхъ и въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи. А что въ данномъ случаѣ условія равны, т. е. что кустари и тамъ и здѣсь закабаляются мастерками, это видно изъ словъ самого г. Погожева [1]).

Сами рабочіе прекрасно знають, что для нихъ лучше и выгоднѣе работать на крупнаго предпринимателя, чѣмъ на деревенскаго мастерка или фабриканта. Поэтому они при первой возможности покидають мелкія свѣтелки, чтобы пристроиться на крупныхъ фабрикахъ. «Достойно вниманія,—говоритъ г. Погожевъ—что... всѣ мѣстные крестьяне, при малѣйшей возможности, стремятся уйти на фабрики, ближайшія къ Москвѣ, не охотно и не надолго оставаясь на мѣстныхъ (мелкихъ, полукустарныхъ) льнопрядильныхъ фабрикахъ: фактъ этотъ... объясняется... причинами, изъ которыхъ достаточно будетъ указать лишь на значительную разницу въ заработной платѣ на мѣстныхъ фабрикахъ и на ближайшихъ къ Москвѣ» [1]). Въ Судниковской волости того же уѣзда «большинство взрослаго мужского населенія уходитъ на другія, болѣе крупныя фабрики, такъ что на долю мѣстныхъ мастерковъ и мелкихъ фабрикантовъ остаются, такъ сказать, *оборыши*: большей частью пожилыя женщины и тѣ изъ рабочихъ-мужчинъ, которымъ, почему-либо, нельзя уйти на сторону. Отсюда понятно, что постоянныхъ рабочихъ на данной фабрикѣ почти совсѣмъ не бываетъ, ибо всякій рабочій, поживъ нѣкоторое время на фабрикѣ (т. е. опять таки на мелкой, полукустарной фабрикѣ), направляется въ Москву» [1]).

---

[1]) «Въ настоящее время почти всѣ работники (въ роговомъ «кустарномъ» промыслѣ Московской губ.) находятся въ долгу у хозяевъ; цифра долга одного работника иногда доходитъ до100—150 руб., тогда какъ прежде... рѣдко превышала 50 рублей. Разъ задолжавши хозяину порядочную сумму, работникъ рѣдко или вѣрнѣе совсѣмъ не находитъ возможности произвести уплату долга». Промыслы Москов. губ., вып. I, составили В. Орловъ и И. Боголѣповъ, Москва, 1879, стр. 261.

[1]) Санитарное изслѣд. фабр. завед. Рузскаго уѣзда, стр. 75—76.

На мелкихъ бумаго-ткацкихъ фабрикахъ Коломенскаго уѣзда «за станами работаютъ всегда только женщины, при томъ рѣдко замужнія, обыкновенно же дѣвушки въ возрастѣ отъ 13 до 18 лѣтъ». Шпули для ткачихъ «мотаютъ чаще всего члены ихъ семей,—старухи, дѣти» [2]). Это тоже своего рода «оборотни», съ которыми хозяинъ можетъ дѣлать все, что хочетъ. «Несмотря на малый заработокъ, съ ткачихъ взыскиваются еще и штрафы. Конторы (съ которыми имѣютъ дѣло мастерки), не стѣсняясь штрафуютъ «за плохую работу» мастерковъ, а эти послѣдніе съ лихвой выбираютъ вычтенное съ ткачихъ... Намъ нерѣдко приходилось слышать на многихъ изъ описываемыхъ (т. е. полукустарныхъ), фабрикъ, что ткачиха поработаетъ съ мѣсяцъ и «сбѣжитъ» (стр. 289).

Какъ видитъ читатель, сами рабочіе рѣшаютъ вопросъ, «гдѣ лучше», въ пользу крупныхъ фабрикъ. Но «интеллигентные» изслѣдователи, пренебрегающіе «внѣшнею стороною» дѣла, смотрятъ на этотъ вопросъ другими глазами. Ихъ ненависть *къ крупному* капиталистическому производству заставляетъ ихъ идеализировать бытъ рабочихъ, эксплуатируемыхъ *мелкими* предпринимателями.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 80.

[2]) Дементьевъ, санит. изсл. фабр. и зав. Коломенскаго у., стр. 287.— Страшная эксплуатація дѣтскаго труда играетъ огромную роль какъ въ западно-европейской «домашней», такъ и въ нашей кустарной промышленности (для Германіи см. W. Stieda, Litteratur, heutige Zustände und Entstehung der deutschen Hausindustrie, Leipzig, 1889; у насъ любое изслѣдованіе). Г. Воронцовъ, вѣрный своей задачѣ скрашивать печальную дѣйствительность, изображаетъ дѣло такъ, какъ будто дѣти кустарей, «шутя и играя», учатся работать и «сами пристаютъ къ родителямъ», чтобы ихъ заставляли трудиться. «Очерки кустарной промышленности», стр. 106. «Привлекательная работа», о которой мечталъ Фурье, открыта, наконецъ, въ нашей кустарной промышленности. Жаль только, что она продолжается иногда до 16 часовъ въ сутки!

Едва-ли не болѣе другихъ усердствуетъ по части этой идеализаціи уже цитированный нами г. Дементьевъ. Правда, онъ, подобно прочимъ изслѣдователямъ, не могъ не замѣтить, что заработная плата ниже на мелкихъ фабрикахъ, чѣмъ на крупныхъ [1]). Не могъ онъ также не увидѣть, что на мелкихъ, полукустарныхъ фабрикахъ не принимается рѣшительно никакихъ мѣръ, способныхъ хоть немного ослабить вредное дѣйствіе черезъ-чуръ продолжительной работы [2]). Тѣмъ не менѣе, вотъ къ какому выводу приходитъ онъ, описывая санитарное состояніе рабочихъ и вредныя условія производства на мелкихъ ручныхъ фабрикахъ Коломенскаго уѣзда.

«Всѣ эти условія оказываютъ, однако, на рабочихъ мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, повидимому, не болѣе, если не менѣе вредное вліяніе, чѣмъ извѣстныя уже изъ прежнихъ описаній условія на рабочихъ большихъ мануфактуръ. Мы говоримъ повидимому, ибо недостатокъ антропометрическихъ данныхъ по мелкимъ фабрикамъ не позволяетъ сдѣлать надлежащаго цифрового сравненія, которое тотчасъ бы рѣшило или во всякомъ случаѣ значительно уяснило бы вопросъ; другой путь его рѣшенія—подробная разработка заболѣваемости и смертности въ ткацкихъ округахъ по сравненію съ таковою же среди рабочихъ большихъ мануфактуръ въ настоящее время совсѣмъ неосуществима. Что касается насъ лично, то видъ тѣхъ рабочихъ мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, которыхъ приходилось встрѣчать, заставляетъ насъ признать ихъ въ лучшемъ санитарномъ состояніи, чѣмъ самоткачей на большихъ мануфактурахъ. Этимъ они, безъ сомнѣнія, обязаны двумъ очень важнымъ условіямъ. Первое изъ нихъ то, что они часть года, иногда довольно значительную—до 6 мѣсяцевъ, проводятъ на полевыхъ и домашнихъ работахъ, и это-то главнымъ образомъ и парализуетъ тѣ вредныя условія, которымъ они подвергаются въ теченіе зимы. Второе—ткачи мелкихъ ручныхъ фабрикъ—не автоматы большихъ мануфактуръ, обязанные во что бы то ни стало по свистку быть на своемъ мѣстѣ и простоять у машины столько-то часовъ, они свободно располагаютъ собою и своимъ временемъ: они отдыхаютъ, когда устанутъ или когда хочется, они не насилуютъ себя и ихъ жизнь не сдавлена со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ кольцомъ фабричныхъ распорядковъ [1]).

---

[1]) «Наименьшій заработокъ на фабрикахъ Подольскаго уѣзда мы нашли, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ и малолѣтнихъ, — сознается онъ—на маленькой бумаготкацкой фабрикѣ, носящей полукустарный характеръ». Санит. изслѣдов. фабрич. завед. Под. уѣз., стр. 83.

[2]) «Никакихъ учрежденій для рабочихъ и даже такихъ простыхъ необходимостей, какъ ретирады, на описываемыхъ фабрикахъ нѣтъ». Дементьевъ, изсл. Коломенскаго у., стр. 289.

Оставляя въ сторонѣ, какъ совершенно недостойную, басню о томъ, что рабочіе, закабаленные мастерками и фабрикантами, «свободно располагаютъ собою и своимъ временемъ, отдыхаютъ когда устанутъ или когда хочется» и т. д., мы замѣтимъ, однако, что полевыя лѣтнія работы дѣйствительно должны освѣжающимъ образомъ дѣйствовать на кустарей, изнуренныхъ однообразнымъ и чрезмѣрнымъ трудомъ въ зимнихъ рабочихъ помѣщеніяхъ. Въ этомъ заключается несомнѣнная выгода соединенія промысла съ земледѣліемъ. Но эта выгода покупается слишкомъ дорогою цѣною усиленной эксплуатаціи кустарей, эксплуатаціи, которая, съ своей стороны, доводя до ничтожныхъ размѣровъ ихъ заработокъ, лишаетъ всякой возможности сколько нибудь прочно затыкать многочисленныя дыры ихъ земледѣльческаго хозяйства. Современный кустарь—не мастерокъ и не фабрикантикъ—бьется въ настоящемъ безвыходномъ кругѣ. Съ одной стороны, его земледѣльческое хозяйство положительно не въ состояніи прокормить его съ семействомъ, и потому онъ буквально голодаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его промысловый заработокъ падаетъ вслѣдствіе застоя въ промышленности. Съ другой стороны, его промысловый заработокъ, *гораздо болѣе низкій, чѣмъ плата фабричнаго рабочаго*, не приноситъ никакой серьезной поддержки ему, какъ *земледѣльцу*, и его хозяйство все болѣе и болѣе падаетъ [2])! Поэтому, все болѣе и болѣе уменьшается превозносимая народниками выгода соединенія промысла съ земледѣліемъ, соединенія, которое, въ свою очередь, все болѣе и болѣе отходитъ въ область преданія вслѣдствіе возрастающей сдачи крестьянами своихъ надѣловъ [1]. «Населеніе всѣхъ волостей Верейскаго уѣзда—говоритъ г. Погожевъ—недостаточно вознаграждается за свой земледѣльческій трудъ... Отсюда становится понятнымъ, что все крестьянское населеніе Верейскаго уѣзда постепенно забрасываетъ земледѣліе»... [2]. Таковы факты. Въ виду этихъ фактовъ народники только и умѣютъ что твердить о выгодахъ соединенія промысла съ земледѣліемъ и о полезности и о пріятности «полевыхъ работъ». Святая простота! [3].

---

[1]) Тамъ же стр. 292—293.

[2]) „Въ 18 селеніяхъ Филипповской вол. (Покров. уѣзда Владиміp. губерніи), гдѣ развилось шелковое кустарное производство, на 818 лошадныхъ дворовъ приходится 412 дворовъ безъ лошадей“ (цит. изслѣд. г. Харизоменова, стр. 79). Безлошадные составляютъ такимъ образомъ, 33,6% общаго числа дворовъ этой волости, вопреки отвлеченному положенію г. Воронцова,

---

гласящему: кустарь обладаетъ лошадью. Въ Кленовской вол. Под. у. Моск. губ., «при надѣлѣ 3,2 дес. на ревизскую душу, крупнаго скота (лошадей и коровъ) приходится лишь 0,6 головы, на одного домохозяина приходится лишь 0,7 лошадей и 0,9 коровы (вотъ они «нули цѣлыхъ»)... Домохозяевъ, не имѣющихъ лошадей, насчитывается до 4%, а не имѣющихъ коровъ, до 35%» и т. д. Промыслы Моск. губ. вып. I, стр. 228. Въ какое положеніе попадаютъ безлошадные кустари, см. въ томъ же выпускѣ. «Промыслы Москов. губ.», стр. 22.

[1] «Массовая сдача надѣловъ стала постояннымъ... явленіемъ... значительное число надѣльныхъ домохозяйствъ надо считать фактически безземельными». «Аренда крест. надѣл.», «Русская Мысль», Мартъ 1893. Причинами возрастающей сдачи надѣловъ авторъ цитируемой статьи, г. К., считаетъ малоземелье и недостатокъ скота: «затрачивать цѣлый сезонъ на обработку клочка земли, выручкой съ котораго нельзя даже прокормиться, невыгодно»... Въ Петербургской губ. сдаютъ землю именно малоземельные. Въ Вятской, Полтавской, Екатеринославской губ. сдача обусловливается недостаткомъ скота. Въ Московской губ. даже богатые крестьяне не находятъ иногда возможнымъ тратить время на обработку надѣла (см. стр. 1—2). Вотъ вамъ и «полевыя работы!»

[2] Санит. изслѣд. фабр. завед. Верейскаго уѣзда, стр. 22.

[3] Въ Павловѣ, несмотря на дурныя гигіеническія условія, существующія на фабрикѣ г. Кондратова, „рабочіе имѣютъ видъ болѣе веселый и довольный, нежели самостоятельные кустари“. А. Субботинъ. Поѣздка по кустарнымъ раіонамъ и кустарныя артели. С.-Петерб. 1893, стр. 26. Въ Тулѣ «многіе кустари уже давно обратились въ наемныхъ рабочихъ, распродали свои инструменты и даже свои избы и стали наниматься къ другимъ кустарямъ за 30—40 к. въ день. Какъ ни ужасно ихъ положеніе съ теоретической точки зрѣнія, такъ какъ они изъ самостоятельныхъ кустарей обратились въ наемныхъ рабочихъ, но на практикѣ самостоятельные кустари иногда даже завидуютъ имъ» и т. д. Тамъ же, стр. 45. Вотъ она, пріятная

Замѣчательно, что между тѣмъ какъ народники съ ужасомъ смотрятъ на превращеніе мелкой кустарной (т. е. вѣрнѣе, уже полукустарной) промышленности въ крупную фабричную, самъ рабочій «народъ» рѣшительно предпочитаетъ фабрику «свѣтелкѣ». Мы уже говорили выше, какъ часто въ этихъ послѣднихъ работаютъ только «оборыши». Теперь приведемъ напечатанную въ Статистическомъ Ежегодникѣ Московской губерніи за 1890 г. кореспонденцію одного *крестьянина* (Бронницкаго уѣзда), почти съ ненавистью и злорадствомъ говорящаго о мелкомъ полукустарномъ производствѣ.

«Въ нашей мѣстности имѣются болѣе или менѣе крупные кустари и всѣ они въ настоящее время остались какъ ракъ на мели; товаръ ихъ вовсе съ рукъ не идетъ... Столбовымъ фабрикантамъ товара ихъ и даромъ не надо. Вслѣдствіе сего невольно пришлось имъ на время прикончить свой кустарный промыселъ, да и *ткачамъ неохота на нихъ почти даромъ работать* (sic!); платили кустари ткачамъ за штуку клѣтчатой шотланки или камлота изъ плохого матеріала въ 73 арш. 69 коп. и менѣе, которой самый бойкій ткачъ срабатывалъ въ недѣлю не болѣе двухъ штукъ на 1 руб. 20 коп., тогда какъ отъ столбовыхъ фабрикантовъ работаютъ тикъ изъ лучшаго матеріала за штуку въ 40 арш. 90 коп. и 1 руб. 20 коп.; средней руки ткачъ срабатывалъ три штуки въ недѣлю на 2 руб. 70 коп. и 3 руб. 60 коп. Конторы выдаютъ за работу деньги исправно, не навязывая какія-нибудь недоброкачественныя по высокой цѣнѣ харчи, какъ дѣлаютъ кустари».

Когда мы прочитали эту кореспонденцію, мы спросили себя: что произошло бы, если бы такое сообщеніе написалъ какой нибудь *«явный»* противникъ «устоевъ» изъ интеллигенціи? Его обвинили бы въ пристрастіи къ «столбовымъ фабрикантамъ», его назвали бы «апологетомъ власти денегъ», и ужъ конечно редакція «Ежегодника» забраковала бы его кореспонденцію, какъ не точную и недостовѣрную. Но авторъ сообщенія—крестьянинъ и притомъ,

---

независимость нашихъ самостоятельныхъ производителей! Признаемся, мы не видимъ ничего „ужаснаго“ въ томъ, что они избавляются, наконецъ, отъ ея *ужаснаго* ярма.

какъ замѣчаетъ редакція, крестьянинъ, «хорошо знающій условія работы». Показаніе такого человѣка отвести труднѣе, чѣмъ показаніе «интеллигента». И вотъ редакція «Ежегодника» не только печатаетъ это показаніе, но и признаетъ, что отмѣченная имъ разница въ мелкомъ и фабричномъ ткачествѣ «во всѣхъ... отношеніяхъ не въ пользу перваго». И дѣйствительно—«не въ пользу!» До такой степени не въ пользу, что авторъ кореспонденціи, почти съ любовью говоря о «столбовыхъ фабрикантахъ», рѣзко противопоставляетъ интересы «*кустарей*» интересамъ «*ткачей*», т. е. трудящейся массы. На языкѣ кореспондента-*крестьянина кустарь* значитъ злѣйшій эксплуататоръ. На языкѣ нашихъ народниковъ кустарь значитъ «самостоятельный производитель». Чье опредѣленіе больше соотвѣтствуетъ дѣйствительности?

Выгода соединенія промысла съ земледѣліемъ сводится теперь, какъ мы знаемъ отъ самого г. Воронцова, къ возможности для работника довольствоваться нисшей заработной платой. Какъ ни полезны для организма «полевыя работы», но и онѣ могутъ стать источникомъ его болѣзненнаго изнуренія, если физическая сила, затраченная на эти работы, не будетъ возстановляться хоть сколько нибудь питательной пищей [1]). Ну, а низкая заработная плата, которую, по словамъ г. Воронцова, всегда имѣетъ возможность взять кустарь, какъ извѣстно, не даетъ много средствъ для покупки питательной пищи. Вотъ почему въ нашей народной жизни встрѣчаются иногда удивительные парадоксы. Вездѣ на Западѣ считается аксіомой, что заболѣваемость и смертность въ промышленныхъ округахъ выше, чѣмъ въ земледѣльческихъ. Русская экономическая дѣйствительность превращаетъ эту аксіому въ положеніе, которое нужно еще доказать и которое доказать едва-ли возможно. Вотъ что узнаемъ мы на этотъ счетъ отъ г. Эрисмана.

---

[1]) Въ щеточномъ промыслѣ Моск. губ. «рабочіе обыкновенно нанимаются на годъ, но при этомъ *выговариваютъ* иногда себѣ свободы на двѣ—на три лѣтнихъ недѣли, именно—«на время покоса». Промыслы Моск. губ. вып. I стр. 30. Мы ничего не имѣемъ противъ такого рода каникулъ, но полагаемъ, что изъ-за ихъ пріятности не стоитъ держать кустаря-щеточника въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ онъ находится благодаря своему званію *экономической амфибіи*. Въ кружевномъ промыслѣ Моск. губ. нѣкоторыя женщины «*откупаются*» *у своихъ семей отъ обязанности* выходить лѣтомъ въ поле. См. изслѣд. г-жи Горбуновой во 2-мъ вып. «промысловъ Моск. губ.» (стр. 20).

«По даннымъ Осипова о распредѣленіи смертности по церковнымъ приходамъ Московскаго уѣзда, относящимся къ пятилѣтію 1868—1873 гг., мы видимъ, что хотя приходы съ высокой смертностью и являются довольно разсѣянными по уѣзду, но все таки сильная смертность болѣе сосредоточивается въ сѣверозападномъ, сѣверовосточномъ и югозападномъ углахъ его, т. е. именно въ мѣстахъ почти полнаго отсутствія фабричной промышленности... Смертность въ 50 — 55 на тысячу жит., принятая Осиповымъ какъ средняя смертность для всего уѣзда, встрѣчается въ 35,18% изъ всѣхъ приходовъ и въ 29,73% изъ приходовъ съ фабричными заведеніями; смертность ниже средней мы находимъ въ 37,7% всѣхъ приходовъ и въ 40,59% фабричныхъ приходовъ; выше же средней смертность оказывается въ 26,9% изъ первой группы приходовъ и въ 29,7% изъ второй. Послѣднія цифры какъ бы указываютъ на менѣе благопріятныя санитарныя условія въ промышленныхъ частяхъ уѣзда, но такой выводъ становится невозможнымъ въ виду того, что между фабричными приходами находится большій процентъ съ наименьшей смертностью, нежели между всѣми приходами вообще»[1].

Итакъ, сильная смертность болѣе сосредоточивается въ земледѣльческихъ приходахъ Московскаго уѣзда. Выходитъ, стало быть, что пресловутыя «полевыя работы» не спасаютъ крестьянина отъ вредоноснаго вліянія тѣхъ санитарныхъ условій, которыя особенно сильно даютъ себя чувствовать именно въ земледѣльческихъ округахъ Московскаго уѣзда. Какъ хотите, а это поразительный выводъ, способный привести въ замѣшательство любого изъ западныхъ ученыхъ. И онъ тѣмъ болѣе становится поразителенъ, чѣмъ внимательнѣе всматриваемся мы въ таблицы смертности, по разнымъ мѣстностямъ Московскаго уѣзда. *Самыя фабричныя его волости*: Пехорская, Ростокинская, Мытищенская, «*имѣютъ либо среднюю смертность, либо относятся къ разряду съ наимень-*

---

[1] Санит. изслѣд. фабрич. зав. Москов. у., ч. 1-ая, Москва, 1882 стр. 55—57.

шей смертностью» [1]). Одинъ этотъ фактъ способенъ разрушить, какъ карточные домики, всѣ жалобы народниковъ на вредныя послѣдствія капитализма въ Россіи. Народники чувствуютъ это и потому стараются ослабить значеніе этого факта съ помощью разныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, предположеній. Такъ напр., они ни разъ указывали на то обстоятельство, что значительная часть заболѣвшихъ на фабрикахъ рабочихъ увольняется и уходитъ на родину, если не попадаетъ въ городскія больницы. Въ случаѣ смертельнаго исхода ихъ болѣзни, такіе рабочіе не обозначаются въ церковныхъ книгахъ тѣхъ приходовъ, гдѣ они работали, и такимъ образомъ цифра смертности этихъ приходовъ понижается. Это справедливое соображеніе, и г. Эрисманъ не оставляетъ его безъ вниманія. Къ несчастью, соображеніе это не исчерпываетъ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, больныя дѣти не покидаютъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ они заболѣли. Поэтому, если бы санитарныя условія промышленныхъ мѣстностей Московскаго уѣзда были хуже тѣхъ же условій въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, то это прежде всего отразилось бы на смертности дѣтей: она непремѣнно была бы выше въ фабричныхъ приходахъ. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Разница по отношенію къ дѣтской смертности между всѣми приходами вообще и тѣми изъ нихъ, въ которыхъ много фабрикъ, не замѣчается. «Скорѣе можно было бы усматривать нѣкоторое преимущество на сторонѣ фабричныхъ приходовъ,—говоритъ г. Эрисманъ.—... Вообще наибольшая дѣтская смертность сосредоточивается на сѣверѣ и преимущественно на сѣверо-западѣ уѣзда (Дурыкинская волость), гдѣ вовсе нѣтъ фабричнаго производства» [2]).

По весьма понятной причинѣ, г. Эрисману очень трудно освоиться съ этимъ выводомъ. Онъ относится къ нему съ большимъ сомнѣніемъ. Онъ указываетъ на нѣкоторые отдѣльные фабричные приходы съ весьма значительною дѣтскою смертностью. Но эти исключенія не опровергаютъ въ его глазахъ общаго правила, которое онъ формулируетъ такими словами·

---

[1]) Тамъ же, стр. 58, курсивъ нашъ.

[2]) Тамъ же, стр. 58—59.

«Въ общемъ итогѣ, насколько можно судить по матеріалу, обработанному Осиповымъ, оказывается, что фабрики не имѣютъ рѣзкаго вліянія на процентъ общей или дѣтской смертности въ соотвѣтственныхъ частяхъ уѣзда, и, какъ ни пагубна обстановка несчастнаго ребенка, родившагося въ душной атмосферѣ фабричныхъ казармъ, надобно, очевидно, сознаться, что и въ крестьянской избѣ маленькаго гражданина встрѣчаютъ такія же неблагопріятныя условія, предрѣшающія печальную участь доброй половины нарождающагося поколѣнія въ первый же годъ его жизни»[1].

Съ своей стороны, мы повторяемъ, что какъ ни хороши съ гигіенической точки зрѣнія «полевыя работы», но въ современной Россіи занимающагося ими «гражданина» окружаетъ такое множество неблагопріятныхъ условій, что полезное физіологическое дѣйствіе этихъ работъ сводится почти къ нулю. Поэтому, смѣшны тѣ люди, которымъ хотѣлось бы, между прочимъ въ интересахъ гигіены, задержать превращеніе нашей кустарной, т. е. *мелкой* капиталистической промышленности въ таковую же *крупную* промышленность. Слишкомъ ужъ незначительны тѣ преимущества, которыя могутъ быть утрачены при этомъ превращеніи, и слишкомъ велики выгоды, которыя навѣрное пріобрѣтаетъ при этомъ рабочій классъ.

Первая изъ этихъ выгодъ заключается *въ возможности болѣе правильнаго надзора надъ крупными фабриками.* На этихъ фабрикахъ гораздо легче обезпечить рабочимъ болѣе гигіеническія условія труда, чѣмъ въ маленькихъ полукустарныхъ заведеніяхъ. Уже и въ настоящее время оказывается, что въ Московскомъ уѣздѣ на крупныхъ фабрикахъ на каждаго рабочаго приходится въ мастерскихъ болѣе кубическаго пространства, чѣмъ на мелкихъ. «Въ этомъ отношеніи—замѣчаетъ г. Эрисманъ—подтверждается выводъ, сдѣланный мною по поводу описанія фабричныхъ заведеній Клинскаго уѣзда, а именно, что въ общемъ, абсолютной величи-

---

[1] Тамъ же, стр. 59. Г. Эрисманъ говоритъ (тамъ же, стр. 184), что на фабрикахъ Московскаго уѣзда рабочіе помѣщаются въ спальняхъ непозволительно тѣсно. «Надобно замѣтить, впрочемъ, прибавляетъ онъ, что... рабочіе живутъ на фабрикахъ, повидимому, не менѣе просторно, чѣмъ у себя дома въ избахъ".

населенія»[1]. Это чрезвычайно интересное и важное явленіе. Оно какъ будто показываетъ, что, вопреки увѣреніямъ гг. народниковъ, развитіе промышленности приноситъ съ собою не только пьянство и «распущенность» рабочихъ. Но можетъ быть оно вызвано какими нибудь случайными причинами, не имѣющими прямого отношенія къ развитію промышленности? Какъ объясняютъ его наши изслѣдователи? Опредѣленнѣе всего высказывается по этому поводу г. Эрисманъ, который, указавъ на то, что въ 1881 г. въ Московскомъ уѣздѣ оказалось *вдвое* больше грамотныхъ, чѣмъ было ихъ не далѣе какъ въ 1869 году, замѣчаетъ: «Безъ сомнѣнія, мы здѣсь имѣемъ передъ собой результатъ полезной дѣятельности *земства*, обращающаго, какъ показываютъ отчеты уѣздной управы, усиленное вниманіе на распространеніе школъ въ уѣздѣ Впрочемъ, земству содѣйствуютъ въ этомъ отношеніи тѣ, правда немногочисленные, фабриканты, которые устроили при своихъ фабрикахъ начальныя школы»[2]. Насколько сильно содѣйствіе фабрикантовъ земству, видно изъ того же изслѣдованія г. Эрисмана, гдѣ, на стр. 145 той же первой части, мы читаемъ: «училища составляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе на фабрикахъ Московскаго уѣзда; ихъ насчитываютъ во всемъ уѣздѣ не болѣе шести»[3]. Къ тому же «работающія на фабрикахъ дѣти посѣщаютъ школу весьма рѣдко: на основаніи имѣющихся данныхъ можно придти къ тому заключенію, что такихъ дѣтей учится во всякомъ случаѣ не болѣе 100 чел., что составляетъ 6,7% всего количества работающихъ на фабрикахъ Моск. уѣзда дѣтей моложе 14 лѣтъ, число которыхъ приблизительно равняется 1500 человѣкъ»[4]. Итакъ, не фабрикантамъ обязаны фабричные рабочіе тѣмъ, что между ними быстро развивается грамотность. Земства дѣлаютъ въ этомъ отношеніи несравненно больше. Но при отсутствіи у насъ *обязательности* даже первоначальнаго образованія, усилія земствъ пропали бы даромъ, если бы само населеніе не имѣло потребности въ образованіи. Потребность эта чувствуется теперь, вообще говоря, всей нашей трудящейся массой, но сильнѣе всего она обнаруживается именно въ *промышленныхъ* мѣстностяхъ. На фабрикахъ Московской губ. работаетъ, какъ извѣстно, множество рабочихъ различныхъ губерній. При опросахъ этихъ рабочихъ оказалось, что процентъ грамотныхъ между ними тѣмъ выше, чѣмъ промышленнѣе та губернія, къ которой они принадлежатъ. Впереди всѣхъ идетъ въ этомъ отношеніи Владимірская губ., потомъ Московская, Тверская, Тульская, Рязанская. Меньше всего распространена грамотность между рабочими сравнительно земледѣльческихъ губерній—Калужской и Смоленской. Въ Богородскомъ уѣздѣ г. Погожевъ изслѣдовалъ, по даннымъ подворной переписи 1883 года, распространеніе грамотности *по отдѣльнымъ волостямъ*. И тутъ оказалось, что *чѣмъ промышленнѣе данная волость*, *тѣмъ выше въ ней процентъ грамотныхъ не только между фабричными рабочими*, *но и во всемъ вообще населеніи* [1]). Г. Погожевъ склоненъ искать причину этого въ томъ, что «фабриканты въ настоящее время открываютъ училища не по принужденію, а по своей доброй волѣ» [2]). Въ Богородскомъ уѣздѣ фабриканты дѣйствительно больше заботятся о школахъ, чѣмъ, наприм., въ Московскомъ. Но, во-первыхъ, *не работающія* на фабрикахъ крестьянскія дѣти рѣдко имѣютъ доступъ въ фабричныя школы, а между тѣмъ мы видимъ, что съ развитіемъ промышленности процентъ грамотности поднимается *не только* въ средѣ фабричныхъ рабочихъ. Во-вторыхъ, г. Погожевъ самъ опровергаетъ свою догадку, сообщая намъ, что «въ Богородскомъ уѣздѣ большинство рабочихъ пріобрѣтало знаніе грамоты внѣ школы (самоучкой), а также въ земскихъ школахъ, тогда какъ въ фабричныхъ школахъ обучалось всего лишь 8,6%» 1). Ясно, что въ дѣлѣ распространенія грамотности между рабочими фабриканты почти не причемъ. Но это не все. Во время изслѣдованія между рабочими оказалось только 27,89% обучавшихся въ сельскихъ школахъ, между тѣмъ какъ *самоучкой* обучалось 36,97%; кромѣ того, 9,46% выучились грамотѣ «у лицъ духовнаго званія», т. е. по собственному побужденію и безъ всякой помощи со стороны земства или фабрикантовъ). Отсюда слѣдуетъ, что если фабричный рабочій не остается въ той темнотѣ, въ которой цѣлую тысячу лѣтъ прожилъ русскій земледѣлецъ, то этимъ онъ обязанъ прежде всего самому себѣ, и что если, тѣмъ не менѣе, гг. народники хотятъ видѣть въ немъ только «*пропоицу*», то это происходитъ единственно отъ ихъ собственной слѣпоты и ихъ старовѣрческаго упрямства.

---

[1] Погожевъ, Санит. изслѣд. фабрич. зав. Богород. уѣзда, стр. 29. Курсивъ принадлежитъ г. Погожеву.

[2] Цитированное изслѣдованіе, часть I-ая, стр. 214—215.

[3] Правда, два (но только два!) фабриканта принимали кромѣ того участіе въ расходахъ по близлежащимъ земскимъ школамъ.

[4] Тамъ же, стр. 146.

---

[1]) То же самое явленіе замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. «Г. Бычковъ составилъ для 110 обслѣдованныхъ уѣздовъ табличку, изъ которой видно, что съ увеличеніемъ процента распаханнаго пространства съ 6—40 до 76—86 уменьшается процентъ грамотныхъ съ 14,8 до 5,8 процента Если, такимъ образомъ, съ увеличеніемъ чисто-земледѣльческаго населенія въ данной мѣстности понижается грамотность, то это можетъ быть объяснено не тѣмъ, конечно, что земледѣльцу не нужна грамотность,... а только тѣмъ что сознаніе въ ея пользѣ менѣе распространено среди истыхъ земледѣльцевъ-крестьянъ. Точно также въ Бековской волости Сердобскаго уѣзда, отличающейся по своей торгово-промышленной дѣятельности, количество грамотныхъ въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ остальныхъ селеніяхъ уѣзда. Къ тому же выводу приходятъ изслѣдователи Острогожскаго, Воронежскаго, Ново-Оскольскаго и другихъ уѣздовъ». П. В. Вахтеровъ, «Условія распространенія образованія въ народѣ», «Русская Мысль», Май, 1895, стр. 170 и 171.

[2]) Цит. изслѣд., стр. 188.

Правда, г. Погожевъ замѣчаетъ, что по отдѣльнымъ возрастнымъ группамъ преобладаніе того или другого источника грамотности выражается далеко не равномѣрно. Въ пожилыхъ возрастахъ преобладаютъ обучившіеся самоучкой, въ возрастѣ же до 18 лѣтъ обнаруживается преобладаніе школьнаго обученія 3). Но это нисколько не ослабляетъ сдѣланнаго нами вывода. Въ послѣднія десятилѣтія число школъ у насъ значительно увеличилось. Молодые рабочіе, прежде обучавшіеся самоучкой, теперь идутъ въ школы. Это такъ же естественно, какъ напр., то, что молодой «интеллигентъ» не изучаетъ анатомію дома, если имѣетъ возможность ходить въ анатомическій театръ. Но земскія и фабричныя школы только удовлетворяютъ—когда удовлетворяютъ—той потребности, которая обнаружилась уже раньше ихъ сколько ни-

---

1) Тамъ же, стр. 193.

2) Тамъ же, та же страница.

3) Тамъ же, стр. 195.

будь значительнаго распространенія подъ вліяніемъ новыхъ условій нашей экономической жизни [1]). У Г. И. Успенскаго прозябающій подъ *«властью земли»* крестьянинъ Иванъ Ермолаичъ, находя, что ему нужно обучить грамотѣ своего сына Мишутку, самъ не зналъ хорошенько, зачѣмъ это нужно. Авторъ, подпавшій подъ вліяніе *«стройныхъ земледѣльческихъ идеаловъ»*, тоже не умѣлъ вразумить его на этотъ счетъ: «поэтому, въ разговорахъ объ ученіи, мы съ Иваномъ Ермолаичемъ только твердили одно: «надо!». «Надо, надо!», а сущность и цѣли Ивану Ермолаичу неизвѣстны, непонятны, а я ужъ лѣнюсь разъяснить ихъ, да и призабылъ, чѣмъ именно это *надо* слѣдуетъ оправдать». Наконецъ, самъ Мишутка рѣшительно не хочетъ идти въ школу. Таково дѣйствительно было отношеніе къ «учобѣ» въ то доброе время, когда проченъ былъ нашъ старый, дорогой народникамъ экономическій порядокъ, а съ нимъ и старые «земледѣльческіе идеалы». И если мы теперь видимъ въ трудящейся массѣ совершенно обратное къ ней отношеніе [2]), то этимъ мы обязаны именно крушенію стараго экономическаго порядка и развитію ненавистнаго народникамъ капитализма [3]).

---

[1]) Говоримъ: «когда удовлетворяютъ» потому что, и во время изслѣдованія г. Погожевымъ фабричныхъ заведеній Богородскаго уѣзда, процентъ дѣтей и подростковъ, обучившихся *самоучкой*, былъ очень значителенъ: въ возрастѣ моложе 10 лѣтъ онъ равнялся 40; отъ 10 до 12 лѣтъ—15,9; отъ 12 до 14 лѣтъ—17,7; до 14 до 18 лѣтъ—25,1.

[2]) „По словамъ одного мелкаго мастерка въ позументномъ производствѣ, въ прежнее время малолѣтніе садились за работу ранѣе 12 лѣтъ, а теперь это очень рѣдко встрѣчается, ибо, по мнѣнію самихъ рабочихъ... «мальчику нужно еще прежде грамотѣ выучиться, а тамъ и за работу можно сажать». А. Погожевъ, Санит. изслѣд. фабр. завед. Дмитров. уѣзда, стр. 22.

[3]) Просимъ читателя не забывать закона (какъ любятъ у насъ выражаться), установленнаго г. Погожевымъ: «распространеніе грамотности прямо пропорціонально большему или меньшему развитію въ данной волости фабрично-заводской промышленности». Другой «законъ», установленный тѣмъ же изслѣдователемъ, гласитъ такъ: «грамотность фабричнаго населенія не идетъ параллельно общей цифрѣ грамотности даннаго уѣзда, но получаетъ значительный перевѣсъ, благодаря отчасти приливу стороннихъ элементовъ изъ пришлыхъ рабочихъ, отчасти тѣмъ особенностямъ, въ которыхъ находится рабочее населеніе наиболѣе крупныхъ мануфактуръ». Санит. изслѣд. фабрич. завед. Богород. уѣзд. стр. 190.

«Народъ на фабрикахъ—какъ бы сказать—*посамодѣятельнѣе*, потороватѣе, чѣмъ въ деревнѣ. И понимаетъ лучше, чѣмъ деревенскіе». Такъ говорилъ г. Рубакину рабочій, случайно встрѣченный имъ на желѣзной дорогѣ («Взыскующіе града» изъ наблюденій надъ русскимъ читателемъ). Интересно, что статья г. Рубакина напечатана въ томъ самомъ архинародническомъ органѣ (Новое Слово, октябрь), который, такъ сказать, по долгу службы долженъ оплакивать распространеніе у насъ фабричнаго производства. Пусть читатель сопоставитъ съ этимъ отзывомъ рабочаго о рабочихъ хоть ту характеристику нашего фабричнаго населенія, которая находится въ ходатайствахъ Имп. Вольн. Экон. общества объ измѣненіяхъ въ таможенномъ тарифѣ: «Уже въ 1812 году, по свидѣтельству очевидцевъ, простолюдины Москов. губ. считались самыми развратными въ Россіи людьми» и т. д. (стр. 171 и слѣд.).

Между нашими фабричными работницами грамотныхъ несравненно меньше, чѣмъ между работниками. Это печальное наслѣдіе добраго стараго времени и «*стройныхъ земледѣльческихъ идеаловъ*», осуждавшихъ женщину на полное подчиненіе мужчинѣ: вѣдь еще Аристотель сказалъ, что рабъ не долженъ имѣть больше ума, чѣмъ это требуется ему для пониманія приказаній своего господина. Сдѣлавъ рабочую женщину объектомъ своей эксплуатаціи, капитализмъ разрушилъ ея старое семейное положеніе и фактически поставилъ ее въ болѣе независимыя отношенія къ мужчинѣ. «Умъ» ея господина—мужа уже не играетъ почти никакой роли въ ея существованіи; поэтому, ей нуженъ теперь *собственный умъ*, а для пріобрѣтенія ума нужна *грамота*. И вотъ рабочая женщина начинаетъ учиться, и учиться даже съ большимъ усердіемъ, чѣмъ мужчина. Если въ 1881 году, по свѣдѣніямъ г. Эрисмана, грамотныхъ мужчинъ между фабричными рабочими оказалось вдвое больше, чѣмъ было ихъ въ 1869 году, то между женщинами грамотность за тотъ же періодъ «увеличилась болѣе, чѣмъ втрое» [1]). Въ дѣлѣ женскаго образованія, въ противность видѣнному нами между мужчинами, сельскія и фабричныя школы играютъ преобладающую роль. Такъ напр., процентъ самоучекъ между грамотными работницами Богородскаго уѣзда (24,4) много ниже, чѣмъ между грамотными работниками (36,97); процентъ же обучившихся въ фабричныхъ школахъ равняется у нихъ 39,11 для сельскихъ школъ и 22,38 для школъ фабричныхъ, противъ 27,8 и 8,59 у мужчинъ. Оно и понятно. Грамотныхъ между работницами пока еще мало; поэтому не много помощи могутъ оказать онѣ тѣмъ своимъ подругамъ, которыя хотѣли бы научиться грамотѣ внѣ школы. Мужчины же и до сихъ поръ, вѣроятно, отчасти сохранили старый взглядъ на женщину, какъ на существо, которому грамота «ни къ чему». И потому врядъ-ли часто помогаютъ они женщинамъ-«самоучкамъ». Имъ остается, значитъ, только идти въ школы

---

[1]) Эрисманъ, цит. изслѣд., часть 1-я, стр. 214.

Наши народники убѣждены, что рабочую женщину ожидаетъ на фабрикѣ половой развратъ и только половой развратъ. Они не видятъ ея начинающагося умственнаго пробужденія, ея фактическаго освобожденія отъ власти мужчины [1]). Прогрессивная сторона переживаемаго Россіей экономическаго переворота остается здѣсь, какъ и вездѣ, совершенно не замѣченной ими. И потому они способны только оплакивать судьбу фабричнаго пролетаріата подобно тому, какъ оплакиваютъ ее до сихъ поръ нѣкоторые добродушные западные мѣщане и оплакивали въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ соціалисты-утописты.

Но мы совсѣмъ позабыли о г. Воронцовѣ. Сейчасъ мы вернемся къ нему. А теперь, на основаніи всего вышесказаннаго, повторимъ за г. Прилежаевымъ (см. цит. соч. стр. 202): «*Постепенное вытѣсненіе кустарничества другими, болѣе совершенными формами производства есть явленіе прогрессивное, согласное съ интересами развитія и благосостоянія человѣческой личности въ обществѣ*».

---

[1]) «Бѣдная женщина-ткачиха идетъ на фабрику за отцемъ и мужемъ, работаетъ на ряду съ ними и независимо отъ нихъ. Она такой же кормилецъ семьи, какъ и мужчина... Бросая мужа, ткачиха врядъ-ли сильнѣе будетъ чувствовать матеріальную нужду...». Харизоменовъ, «Промыслы Владимірской губ.», вып. 3-й, отд. 1-й, стр. 113.

ГЛАВА III.

Самодѣятельность населенія какъ рычагъ общественной эволюціи.

«Народничество, какъ направленіе мысли культурнаго общества,—говоритъ г. Воронцовъ—присуще лишь такимъ странамъ, въ которыхъ народная масса удалена отъ вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ и активными дѣятелями въ общественной жизни являются лица культурнаго слоя» [1].

Изъ этого слѣдуетъ, что въ странахъ, подобныхъ Россіи, гдѣ народничество развилось такъ пышно, «самодѣятельность населенія» можетъ стать «рычагомъ общественной эволюціи» лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Въ настоящее время, для оцѣнки народничества, надо прежде всего дать себѣ отчетъ въ томъ, каковы тѣ главнѣйшія задачи, которыя, по мнѣнію теоретиковъ этого ученія, должны быть разрѣшены «лицами культурнаго слоя».

По словамъ г. Воронцова, практическое осуществленіе народническихъ pia desideria «требуетъ умственнаго подъема массы, который поэтому и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента» [2].

Слѣдовательно, главная задача современнаго народничества намъ извѣстна: народники стремятся къ умственному подъему массы. Это, разумѣется, превосходно, и ни одинъ благомыслящій человѣкъ не возразитъ противъ столь похвальнаго намѣренія. Правда, могутъ сказать, что, распространяя въ массѣ просвѣщеніе, народники въ то же время распространятъ въ ней значительную часть тѣхъ предразсудковъ, которые наполняютъ ихъ собственныя головы. Но и это скорѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная опасность. Пусть припомнитъ читатель, чѣмъ кончались во «Власти земли» Г. И. Успенскаго бесѣды «интеллигентнаго» народника съ обстоятельнымъ мужичкомъ Иваномъ Ермолаевичемъ: этотъ послѣдній не слушалъ, очевидно не хотѣлъ слушать и *зѣвалъ самымъ ужаснымъ образомъ*. Опытъ показываетъ, стало быть, что распространеніе въ нашей *народной* массѣ предразсудковъ «лицомъ культурнаго слоя», зараженнымъ *народничествомъ*, является дѣломъ въ высшей степени сомнительнымъ. А въ виду этого остается только рукоплескать просвѣтительнымъ планамъ г. Воронцова и его единомышленниковъ. Пусть учатъ они народъ; онъ воспользуется пріобрѣтенными отъ нихъ *знаніями* для усвоенія *идей болѣе здравыхъ и болѣе современныхъ*, *чѣмъ восточные «идеалы» нашихъ народниковъ*.

---

[1] **Наши направленія, стр. 3.**

[2] Тамъ-же, стр. 7.

Но гг. народники собираются не только учить народъ. Они собираются также «бороться съ капитализмомъ». Болѣе того: если вѣрить имъ, то они давно уже «борются» съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ львомъ, рыкающимъ и ищущимъ кого поглотити. Какъ же «борются» они съ капитализмомъ?

Разными способами. Самымъ дѣйствительнымъ и «идеальнымъ» считается распространеніе производительныхъ артелей въ области кустарнаго производства и—самоновѣйшая новинка!—земледѣлія.

Производительнымъ артелямъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ «самодѣятельности» русской интеллигенціи, г. Воронцовъ посвятилъ цѣлое сочиненіе, которое называется: «*Артельныя начинанія русскаго общества*» (С.-Петербургъ, 1894).

Сочиненіе это написано, если не ошибаемся, съ цѣлью нравственнаго поддержанія и ободренія лицъ «тащащихъ исторію» въ желательномъ для г. Воронцова направленіи. Но—какъ это всегда случается съ трудами нашего автора—впечатлѣніе, производимое «Артельными начинаніями русскаго общества», діаметрально противоположно тому, которое г. Воронцовъ хотѣлъ вызвать. Это по истинѣ *страшная книга*! Авторъ ея, точно усердный кладбищенскій сторожъ, неутомимо ведетъ васъ отъ одной могилы къ другой, монотонно называя вамъ имена и даже сообщая краткія жизнеописанія покоящихся въ нихъ «артельныхъ начинаній». Мы не сторонники ученія народниковъ, но признаемся, когда мы читали новую книгу неистощимаго г. Воронцова, намъ отъ души жаль было этихъ добрыхъ людей, несомнѣнно имѣвшихъ самыя добрыя намѣренія и, несмотря на это, потерпѣвшихъ жесточайшее фіаско. И мы говорили себѣ: какъ же, однако, сурова, какъ зла объективная логика дѣйствительности! Какъ безпощадно, какъ неукоснительно разбиваетъ она субъективныя иллюзіи нашихъ лицъ культурнаго класса!

Въ 1869 году Тверская губернская земская управа, указавъ земскому собранію на то трудное положеніе, въ какомъ находилось населеніе Тверской губ., предложила принять мѣры къ поднятію производительности народнаго труда путемъ устройства производительныхъ артелей въ разныхъ отрасляхъ кустарной промышленности. Собраніе приняло предложеніе управы и въ 1870 г. приступило къ устройству артелей, начавъ съ *гвоздарнаго промысла*. Если читатель хочетъ знать, какъ шло,—т. е. вѣрнѣе, хромало на обѣ ноги,—почтенное дѣло помощи этому промыслу, то ему надо прочитать стр. 45—52 книги г. Воронцова. Мы укажемъ только его результаты.

«Въ августѣ мѣсяцѣ 1875 года завѣдывающій кузнечными артелями, г. Демидовъ, заявилъ управѣ, что, по его мнѣнію, затрачиваемыя на поддержаніе гвоздарныхъ артелей суммы расходуются непроизводительно. «Всѣ неудачи артели произошли отъ того, что она открыта въ то именно время (1872 г.) когда кустарная гвоздарная промышленность, совершенно теперь отжившая, начала уже отживать. Съ введеніемъ въ гвоздарную промышленность машинъ, кустари, при весьма высокой цѣнѣ на желѣзо и при крайнемь упадкѣ цѣны на гвоздь, были доведены до того, что, носясь по цѣлымъ днямъ съ выработаннымъ ими въ теченіи недѣли гвоздемъ, сбывали его всетаки въ убытокъ. Въ это время имъ было предложено устроить артель. Не зная даже, что такое артель, они приняли предложеніе, лишь бы выйти изъ крайняго положенія. По полученіи ссуды крестьяне тотчасъ же почти половину ея подѣлили между собою, а затѣмъ, принимая гвозди сами у себя, клали имъ цѣну, гораздо большую сравнительно съ торговцами, потому что взглянули на это дѣло какъ на помощь имъ со стороны управы. Это убѣжденіе у многихъ удержалось до сихъ поръ». Въ заключеніе г. Демидовъ предложилъ управѣ прекратить поддержаніе Васильевской артели и освободившіяся средства употребить на разработку торфа [1]). Управа согласилась съ мнѣніемъ г. Демидова и ликвидировала гвоздарныя артели, сложивъ часть причитавшагося на нихъ долга.

Столь же скоро и столь же печально закончили свое бренное существованіе и другія артели основанныя на иниціативѣ тверского земства въ средѣ кустарей. Въ 1871 образовалась артель сапожниковъ въ д. Городнѣ Весьегонскаго уѣзда: «Эта артель получила отъ земства ссуду въ 300 руб., но вскорѣ распалась, не уплативъ «долга». Въ 1874 г. распалась, «*вслѣдствіе несогласія между ея членами*», Васютинская артель кузнецовъ; въ 1877 г. губернская управа «рѣшила прекратить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ» артельное производство сапоговъ въ Осташковѣ; въ 1883 г. рѣшено оставить на произволъ судьбы смолокуренныя артели, «предъявивъ въ то же время къ неисправнымъ плательщикамъ (т. е. къ кустарямъ, не возвращавшимъ земскихъ ссудъ) искъ у мироваго судьи» и т. д. Словомъ, каждый годъ приносилъ съ собою новое крушеніе «артельнаго принципа». Въ результатѣ—*ничего, кромѣ траты земскихъ денегъ, полученныхъ съ тѣхъ же крестьянъ, и исполнительныхъ листовъ на бывшихъ артельщиковъ*, съ которыхъ, въ виду ихъ безвыходной бѣдности, часто не могла взыскать ни копѣйки самая усердная полиція. А между тѣмъ, дѣятельность тверскаго земства по развитію артельнаго производства представляетъ собою, какъ говоритъ г. Воронцовъ, нѣчто исключительное въ смыслѣ «размѣровъ» и «систематичности». Можете представить себѣ, какъ велики были успѣхи «артельнаго принципа» въ другихъ губерніяхъ!

---

[1]) «Артельныя начинанія», стр. 52.

деньги за молоко, будутъ исправнѣе платить повинности, будутъ больше пить водки (слѣдовательно болѣе платить акциза), можетъ быть, будутъ лучше одѣваться. Но, съ другой стороны, съ устройствомъ артельныхъ сыроварень, уменьшится потребленіе крестьянами молока, вслѣдствіе чего *увеличится смертность дѣтей»* [1]),

Такъ вотъ, пришли не только къ «предпріятіямъ коммерческаго характера», но и къ ухудшенію пищи крестьянскихъ дѣтей, вслѣдствіе котораго, дѣйствительно, должна была возрасти ихъ *смертность*.

О, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта!

Мы говоримъ это не о тѣхъ дѣтяхъ, которыя лишены были молока вслѣдствіе возникновенія артельныхъ сыроварень, а о тѣхъ, которыя заводили сыроварни, да еще о тѣхъ, которыя рукоплескали ихъ затѣѣ. Это были, несомѣнно, довольно опасныя дѣти.

Г. Воронцовъ, говоря объ артельныхъ сыроварняхъ, позабылъ упомянуть о статьѣ Энгельгардта. Это понятно. Но мы считали себя обязанными напомнить о ней. Организаторы артельнаго сыроваренія шли въ комнату, а попали въ другую. *И то же самое непремѣнно произойдетъ со всѣми нашими сторонниками «артельнаго принципа»*. И не можетъ не произойти. При современныхъ нашихъ экономическихъ условіяхъ *артель непремѣнно должна превратиться въ свою собственную противоположность.* Изъ этого общаго правила возможны, конечно, нѣкоторыя маленькія исключенія. Но вѣдь маленькими исключеніями «побороть капитализмъ» рѣшительно немыслимо.

Г. Воронцовъ, конечно, не согласится съ нами. Печальная исторія артельныхъ злоключеній страннымъ образомъ приводитъ его къ тому выводу, что артельному принципу предстоитъ чуть не полное торжество въ нашемъ отечествѣ. Онъ, вмѣстѣ съ г. Калантаромъ, жалуется на то, что «и литература, и практика были очень поспѣшны въ выводахъ, и дѣло, такъ торжественно начатое, привлекшее столько искреннихъ симпаній со стороны общества, осуждено на забытіе безъ всякой серьезной критики, безъ попытокъ отдѣлить временное и случайное отъ постояннаго». По его мнѣнію, какъ и по мнѣнію г. Калантара, «дѣло осуществленія артельнаго сыроваренія еще впереди, какъ оно ни пало низко въ глазахъ практиковъ, считающихъ всякій новый голосъ за артельное сыровареніе дѣтскимъ лепетомъ» (стр. 41). Въ виду этого мнѣнія нашего «авторитетнаго» экономиста, полезно будетъ попытаться «отдѣлить временное и случайное отъ постояннаго», т. е. спросить себя: въ чемъ же заключаются причины тѣхъ неудачъ, которыя постигли «артельныя начинанія русскаго общества», относящіяся къ концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ.

---

[1]) А. Энгельгардтъ, «Вопросы русскаго сельскаго хозяйства», От. Зап. 1872 г. Февраль, стр. 150.

Что касается артельныхъ сыроварень, то на нашъ вопросъ отвѣчаетъ г. С. Деруновъ, прекрасныя слова котораго о времени первыхъ попытокъ насадить артельное сыровареніе мы привели выше. «Можетъ быть, эта самая торопливость, эта энергія въ дѣлѣ, безспорно полезномъ, но еще новомъ, требовавшемъ болѣе строгаго выбора и осмотрительности, и способствовала впослѣдствіи распаденію артелей — говоритъ этотъ краснорѣчивый и пылкій человѣкъ. Въ члены артелей вошли такія лица, которыя, мало понимая артельное дѣло, были притомъ и не вполнѣ благонадежны, какъ съ нравственной, такъ и съ экономической стороны: у нихъ часто вовсе не было излишняго молока для сыроваренія. Въ старосты выбирались также не артельные люди, а люди себѣ на умѣ» [1]).

Г. Воронцовъ приводитъ *безъ всякихъ возраженій* эти слова краснорѣчиваго г. С. Дерунова; стало быть, онъ съ нимъ согласенъ. А если согласенъ, то его отношеніе къ «артельному принципу» выступаетъ въ новомъ свѣтѣ. Въ такомъ случаѣ, задачей организаторовъ артелей является: 1) устраненіе изъ нихъ «людей себѣ на умѣ», которые превратили бы артели въ простыя «коммерческія предпріятія»; 2) недопущеніе въ нихъ лицъ «неблагонадежныхъ въ экономическомъ отношеніи», т. е., выражаясь не возвышеннымъ языкомъ г. Дерунова, а подлымъ штилемъ политико-экономической прозы, всѣхъ тѣхъ бѣдняковъ, съ которыхъ, по народному выраженію, «взятки гладки». Нечего и говорить, что устраненіе этого люда значительно облегчитъ развитіе на

---

[1]) **Цитир. на 33 стр. «Артельныхъ начинаній».**

Руси артельнаго дѣла. Но вотъ бѣда: вѣдь съ его устраненіемъ сами артели превратятся въ простыя «коммерческія предпріятія»! Въ нихъ будетъ процвѣтать—если будетъ процвѣтать—тотъ самый—«хозяйственный мужичекъ», который и теперь уже хорошо знаетъ, гдѣ раки зимуютъ.

«Новѣйшее артельное движеніе среди русскаго общества не имѣетъ идеалистическаго характера увлеченія идеей коопераціи, отличающаго движеніе шестидесятыхъ годовъ»,—говоритъ г. Воронцовъ въ статьѣ: «Артели для подрядныхъ и наемныхъ работъ» (Новое Слово, октябрь 1895, стр. 72). Справедливо! Современные наши носители артельнаго принципа, дѣйствительно, не похожи на своихъ предшественниковъ. Они могутъ сказать о себѣ словами Фауста:

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust!

Въ каждомъ нынѣшнемъ сторонникѣ артелей живетъ, во-первыхъ, душа Донъ-Кихота, а во вторыхъ—душа Санчо-Пансы. Донъ-Кихотъ кричитъ: *«заведу артели»*. Санчо-Панса разсудительно прибавляетъ: *«причемъ устраню неблагонадежные въ экономическомъ отношеніи элементы»*. Въ концѣ концовъ благоразумный Санчо, разумѣется, беретъ верхъ надъ пылкимъ рыцаремъ печальнаго образа. Das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu [1]).

---

[1]) Что Санчо одолѣваетъ Донъ-Кихота, показываетъ еще примѣръ Царевококшайской земской управы. Эта управа рѣшила поддерживать смолокурныя артели... Казанское губернское земство въ 1880 году выдало Царевококшайскому на 20 лѣтъ 10,000 рублей безпроцентной ссуды и «смолокурное дѣло» пошло въ ходъ. Но... «дѣло въ томъ, что до 1884 года ссуды возвращались кустарями весьма исправно; съ этого же года въ возмѣщеніи ссудъ стали замѣчаться затяжки, такъ что земской управѣ весьма часто приходилось прибѣгать къ предъявленію исковъ (знакомая исторія!) противъ неисправныхъ должниковъ. Такое положеніе дѣла зависѣло отчасти отъ того, что въ составъ артелей прокралось много лицъ въ имущественномъ отношеніи неблагонадежныхъ («охъ, ужъ эти неблагонадежные! Всегда они прокрадутся» во всякое хорошее «начинаніе» народолюбивой интеллигенціи!); кромѣ того, явилось извѣстное число артелей совершенно фиктивныхъ, члены которыхъ, прикрываясь лишь договоромъ о составленіи артели для выработки тѣхъ или другихъ лѣсныхъ издѣлій, брали изъ ссудной кассы деньги совершенно для иныхъ цѣлей (торговли и т. п.). Поэтому

По словамъ г. Воронцова, со второй половины 80-хъ годовъ «появилось опять стремленіе къ внесенію артельнаго начала въ область мелкаго производства, но уже не въ видѣ увлеченія идеей массы общества, какъ въ первый періодъ пореформеннаго времени, а въ формѣ заботы объ этомъ со стороны дѣловыхъ людей, соприкасающихся съ нуждами кустарей и пытающихся дать отвѣтъ на возникающіе въ данной сферѣ запросы» [1]).

Малъ золотникъ, да дорогъ! Не много теперь людей, насаждающихъ артельный принципъ, но это дѣловые люди, не имѣющіе «идеалистическаго характера», отличавшаго дѣятелей шестидесятыхъ годовъ. Теперь артельный принципъ, навѣрное, пойдетъ семимильными шагами!

Уже и теперь есть не мало задатковъ его широкаго распространенія. «По изслѣдованію г. Клачко, въ 1884 г. въ Петербургѣ существовало двѣ артели: женская брошюровочная и переплетная, состоявшая изъ 9 полноправныхъ членовъ; столярная, основанная въ 1869 г. и состоящая изъ 3-хъ членовъ, завѣдывающихъ тремя мастерскими, въ коихъ работаютъ по найму 30 человѣкъ; артель имѣетъ собственный магазинъ» [2]).

Петербургская столярная артель устроена, повидимому, болѣе въ духѣ Санчо, чѣмъ въ духѣ Донъ-Кихота: 30 наемныхъ рабочихъ на 3-хъ человѣкъ *«артельныхъ»* предпринимателей! Но за то женская, кажется, вѣрна истинному духу артели. И при томъ состоитъ она не изъ 3-хъ, а изъ 9,—подумайте только, девяти!—«полноправныхъ членовъ». Ясно, что скоро придетъ конецъ петербургскому капитализму.

Наши артельныя начинанія окончились неудачей не только потому, что начинатели заражены были «идеалистическими»

земская управа стала вообще гораздо строже относиться къ выдачѣ ссудъ. Имущественное состояніе артелей (sic!) и цѣль полученія ссуды стали провѣряться тщательнѣе» и т. д. (Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи, томъ III, стр. 21). Словомъ, теперь управа рѣшила руководствоваться принципомъ: если ты имѣешь много, то тебѣ еще дадутъ, если жь мало, то и это очень малое возьмутъ (для помощи артелямъ). Теперь, навѣрное, процвѣтутъ артели!

[1]) Артельн. Начинанія, стр. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 66.

стремленіями. Нѣтъ, причина неудачи лежитъ гораздо глубже Она заключается въ неспособности современнаго русскаго производителя къ артельному веденію дѣла. Г. Воронцовъ не замѣчаетъ этой неспособности. Напротивъ, онъ полагаетъ, что русскій народъ есть избранный народъ артельнаго принципа. Но въ его же собственной книгѣ можно найти не мало данныхъ, подтверждающихъ нашу мысль. Вотъ что читаемъ мы, напримѣръ, на стр. 75 «Артельныхъ начинаній».

«Имѣя... въ виду, что наши кустари образуютъ невѣжественную массу, почти не могущую на первыхъ порахъ учредить правильный контроль за дѣйствіями довѣренныхъ лицъ въ столь сложномъ дѣлѣ, представляется необходимымъ, чтобы правленіе артели, кромѣ знанія своего дѣла, отличалось еще особенной добросовѣстностью, удерживающею его отъ злоупотребленія своимъ положеніемъ, или чтобы оно находилось подъ неусыпнымъ контролемъ какого либо посторонняго учрежденія».

Коммиссія по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, составляя проектъ устава для Воткинской артели, «не упустила изъ виду, что въ большинствѣ товариществъ подобнаго рода причина неуспѣха заключается въ отсутствіи руководителей» и т. д. [1]).

Въ Тульскую кустарную артель вошли: начальникъ оружейнаго завода, вице-губернаторъ, предсѣдатель казенной палаты, предсѣдатель губернской земской управы, нѣсколько горныхъ инженеровъ и т. д., и т. д. Рѣшено было, что участіе въ артели этихъ постороннихъ лицъ полезно, между прочимъ, «въ томъ отношеніи, что, будучи вполнѣ безпристрастными въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, эти лица парализуютъ возможное вліяніе на дѣла артели нѣсколькихъ крупныхъ мастеровъ, которые безъ ихъ участія могли бы обратить артель въ орудіе своихъ личныхъ цѣлей» [2]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 78.

[2]) Тамъ-же, стр. 80. На Старскомъ стеклянномъ заводѣ, по словамъ г. Субботина, „многіе вопросы, довольно мелкіе по существу, оказались тѣмъ не менѣе не подъ силу для разрѣшенія артели и члены ея обращаются, какъ дѣти, къ директору конкурса, напр., съ просьбою объяснить имъ, какъ счи-

Словомъ, «самодѣятельность» нашего кустарнаго населенія въ этомъ случаѣ равняется нулю. Если артели мѣстами и держатся, то главнымъ образомъ потому, что ихъ поддерживаетъ вмѣшательство «*постороннихъ учрежденій*» или не менѣе постороннихъ лицъ, въ родѣ г. *Штанге*, посвящающаго не мало времени Павловской артели, или г. *Морозова* и другихъ *капиталистовъ*, довольно щедро помогающихъ деньгами г. Штанге въ его «*борьбѣ съ капитализмомъ*». А это значитъ, что артельныя организаціи строются лишь... на песцѣ «субъективныхъ» добродѣтелей русской интеллигенціи. Но этотъ песокъ непрочная опора тѣмъ болѣе, что и «интеллигенція»-то не имѣетъ уже «идеалистическаго характера» интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ.

«Если земледѣльцы-общинники — говоритъ, г. Воронцовъ — получаютъ нѣкоторое воспитаніе, облегчающее ихъ соединеніе въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ для цѣлей промыслово-кустарнаго заработка, а ремесленники спеціалисты—экономической организаціей своего промысла предрасполагаются не къ солидарности, а къ розни, то фабричные и заводскіе рабочіе находятся въ такой обстановкѣ, въ которой хотя бы они и не пріобрѣтали способности къ самостоятельному веденію общаго предпріятія, за то пріучаются работать вмѣстѣ, дѣлать одно общее дѣло. По этой причинѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, среди этихъ рабочихъ можетъ легко зародиться мысль объ устройствѣ артельнаго предпріятія и при извѣстной комбинаціи обстоятельствъ, такая мысль можетъ получить осуществленіе» ¹).

Это мнѣніе г. Воронцова нѣсколько напоминаетъ извѣстное соображеніе нѣкоторыхъ людей относительно пользы «фабричнаго котла». Мы не не станемъ разсматривать здѣсь, насколько основательно это соображеніе вообще, и насколько правильно поняли его люди, поносившіе его —

При всемъ честномъ собраньи
Басурманской разной бранью.

таться за поставленные хлѣбъ и мясо, какъ разсчитываться съ бывшимъ старостой". (Поѣздка по кустарнымъ раіонамъ и кустарныя артели, стр. 71).

[1] „Артельныя начинанія", стр. 73.

благопріятныхъ условій, потому что въ ней участвуютъ вліятельныя лица и дѣйствуетъ нѣсколько интеллигентныхъ руководителей».

«Артели кустарей — продолжаетъ тотъ же изслѣдователь — не имѣютъ большой будущности, такъ какъ онѣ не могутъ выдѣлить изъ себя руководящаго элемента главнымъ образомъ для расширенія коммерческихъ сношеній, для завоеванія рынковъ, для противодѣйствія скупщикамъ, т. е. для тѣхъ формъ воздѣйствія, для которыхъ требуется болѣе широкій взглядъ, опытъ и умѣніе, чѣмъ какія имѣются у простыхъ мастеровыхъ. Самые бѣдные и обездоленные кустари не могутъ участвовать въ артеляхъ, ибо не имѣютъ возможности ждать платы за свои издѣлія ни одного дня и не въ состояніи уплатить членскаго вступнаго взноса» [1].

Тотъ же г. Субботинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «всѣ подобныя мѣры, какъ устройство артелей, основаніе образцовыхъ мастерскихъ, музеевъ, техническихъ школъ, складовъ и т. п. въ концѣ концовъ помогаютъ вовсе не тѣмъ, кто больше всего нуждается въ помощи, такъ какъ бѣднѣйшіе кустари не въ состояніи пользоваться благами этихъ организацій; помогаютъ же онѣ только менѣе нуждающимся, положеніе же самыхъ несчастныхъ кустарей можетъ еще больше ухудшиться отъ подобныхъ образцовыхъ учрежденій; ими воспользуется одна группа кустарей, которая и явится на рынкѣ новымъ конкуррентомъ для остальныхъ» [2].

Чтобы названныя мѣры не привели къ подобнымъ результатамъ, надо, по мнѣнію г. Субботина, чтобы «онѣ охватывали не отдѣльныя группы кустарей, а цѣлые районы; въ частности относительно артелей желательно, чтобы въ составъ ихъ входили всѣ кустари данной мѣстности» [3].

Когда это будетъ, мы не знаемъ, т. е. откровеннѣе сказать, мы знаемъ, что этого *совсѣмъ не будетъ*. А пока этого не будетъ, до тѣхъ поръ останется справедливымъ то положеніе г. Субботина, что ***такъ называемая помощь кустарямъ есть на самомъ дѣлѣ лишь помощь одному болѣе зажиточному слою кустарей, т. е. въ сущности помощь мелкому капитализму.***

---

[1] Поѣздка и т. д., стр. 72—73.

[2] Тамъ же, стр. 73—74.

[3] Тамъ же, стр. 74.

Въ послѣднее время наша «передовая» печать стала съ гордостью указывать на *сельско-хозяйственныя* крестьянскія артели. О нихъ говорилъ г. Карышевъ въ «Русскомъ Богатствѣ», на нихъ какъ на особенно знаменательное явленіе сослался г. Кудринъ въ томъ же журналѣ. Г. Кудринъ—человѣкъ молодой: его имя въ первый разъ встрѣчается въ литературѣ. Ему простительны, стало быть, ребяческія увлеченія и обобщенія. Но отъ *зрѣлыхъ* людей можно было бы ожидать иного отношенія къ вопросу о сельско-хозяйственныхъ артеляхъ.

Сельско-хозяйственныя крестьянскія артели существуютъ у насъ въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губ. и въ Александрійскомъ—Херсонской. Въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ артели возникли лишь въ началѣ 1895 г., и все, что о нихъ извѣстно до настоящаго времени, это ихъ уставъ, написанный, очевидно, не ихъ участниками, а ихъ «*интеллигентнымъ*» организаторомъ. Уставъ очень длиненъ: въ немъ 53 параграфа. Въ немъ очень много моральныхъ разсужденій на толстовскую тему: *чѣмъ люди живы*. Это отчасти *уставъ*, а отчасти—*нотація*. Что касается распредѣленія продуктовъ артельнаго производства, то оно нѣсколько напоминаетъ распредѣленіе ихъ въ фурьеровскомъ фаланстерѣ: *не обиженъ трудъ*, *не обиженъ и капиталъ*; только *талантъ* оставленъ безъ надлежащаго вознагражденія. Конечно, мы желаемъ полнаго успѣха нашему *херсонскому* quasi-фурьеристу, но сомнѣваемся, чтобы этотъ успѣхъ превзошелъ болѣе чѣмъ скромные практическіе успѣхи *французскихъ* фурьеристовъ. Что касается шадринскихъ артелей, то о нихъ можно прочитать въ брошюрѣ г. А. Соломона. «*Крестьянскія сельско-хозяйственныя артели*» (С.-Петербургъ, 1895). Чтобы судить объ ихъ экономическомъ значеніи, достаточно принять въ соображеніе нѣсколько цифръ. Весною 1892 г. въ Шадринскомъ уѣздѣ было 23,992 семейства (115,780 душъ об. п.) *безхозяйныхъ* (37,8$^0/_0$ всего крестьянскаго населенія уѣзда). Къ осени того же года въ томъ же уѣздѣ считалось около 50 артелей. Г. Соломонъ имѣетъ свѣдѣнія по 38 артелямъ: *27* изъ нихъ были организованы весной и лѣтомъ 1892 г., а *9*—весною 1893 г. Въ первыхъ было 136 членовъ, составъ семей которыхъ равнялся 776 душамъ обоего пола; въ среднемъ артель состоитъ изъ 5 членовъ. Въ артеляхъ, основанныхъ въ 1893 г., членовъ было—51, съ семейнымъ составомъ въ 270 душъ. Г. Соломонъ полагаетъ, что *«въ числѣ мѣръ подъема экономическаго благосостоянія крестьянъ»* крестьянскія сельскохозяйственныя артели *«занимаютъ не послѣднее мѣсто»*. Мы не станемъ спорить съ г. Соломономъ: очевидно,—онъ убѣжденный гомеопатъ. Мы приведемъ только его отзывъ о внутренней жизни шадринскихъ артелей.

«Въ жизни артелей за отчетное время имѣли мѣсто и несогласія между отдѣльными членами артелей, обусловливаемыя главнымъ образомъ непониманіемъ своихъ же выгодъ, желаніемъ воспользоваться чѣмъ либо изъ артельнаго имущества въ ущербъ остальнымъ членамъ артелей. Артель, нерѣдко являясь безсильной разобраться въ томъ или другомъ недоразумѣніи, обращалась обыкновенно къ артельному попечителю. Многіе изъ, послѣднихъ, будучи и сами людьми мало интеллигентными, у которыхъ нерѣдко бывали и личные счеты съ тѣмъ или другимъ изъ спорящихъ, не всегда могли стать на объективную почву и этимъ часто оказывали отрицательное вліяніе. Но на ряду съ этимъ правильное пониманіе попечителями своихъ обязанностей всегда способствовало успѣшному ходу артельнаго предпріятія, какъ это показала практика.

«Изъ отрицательныхъ сторонъ отмѣтимъ еще и недобросовѣстное отношеніе артельныхъ старостъ, которые, въ особенности при невнимательномъ отношеніи попечителя, пользуясь своимъ положеніемъ, иногда удерживали у себя лошадей дольше, чѣмъ слѣдовало, иногда вовсе не давали лошадей своимъ товарищамъ, отдавая ихъ въ чужую работу, плату за которую присвоивали себѣ, чѣмъ часто оказывали, конечно, вредное вліяніе на дѣла артелей. Таковы тѣ немногіе результаты, съ какими знакомитъ крайне ограниченный, но не лишенный интереса опытъ примѣненія артельнаго начала въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ» [1]).

Совершенно такія же *«отрицательныя стороны»* видѣли мы въ жизни *кустарныхъ* артелей, основывавшихся на земскія деньги.

---

[1]) Крестьянскія сельско-хозяйственныя артели, стр. 14—15.

Въ числѣ причинъ, *погубившихъ* кустарныя артели, эти стороны «*занимаютъ не послѣднее мѣсто*»[1]).

Но довольно о *производительныхъ* артеляхъ. Наши народники охотно славословятъ эти артели. Тѣмъ не менѣе, даже въ ихъ «программѣ» дѣло сколько нибудь широкой организаціи такихъ артелей отодвигается въ болѣе или менѣе отдаленное и во всякомъ случаѣ чрезвычайно туманное будущее. Въ настоящее же время «хлопоты» ихъ направлены главнымъ образомъ въ сторону доставленія кустарямъ дешеваго кредита, устройства ассоціацій для покупки сырья, организаціи сбыта кустарныхъ издѣлій, улучшенія техники кустарнаго производства и т. п. «Всѣ наши лучшіе и компетентнѣйшіе изслѣдователи кустарной промышленности — говоритъ г. Плотниковъ — сходятся во мнѣніи, что артельная форма, будетъ ли это въ заготовкѣ сырого матеріала, въ самомъ производствѣ или въ сбытѣ товара, представляется наиболѣе важной и коренной мѣрой къ поддержанію и упроченію сельской промышленности и надежнѣйшимъ оплотомъ для кустарнаго производства въ борьбѣ его съ эксплуатирующими посредниками и скупщиками. Но съ этой формой, какъ извѣстно изъ горькаго опыта, слѣдуетъ обходиться съ крайней осторожностью, такъ какъ всякая неудачная попытка насажденія артели при неблагопріятныхъ для ея устойчивости мѣстныхъ и другихъ условіяхъ ведетъ только къ полному дискредитированію этого прекраснаго учрежденія, къ торжеству разныхъ скупщиковъ и мѣстныхъ «хозяйчиковъ» и къ дальнѣйшему ухудшенію положенія массы кустарей... Болѣе цѣлесообразнымъ является не образованіе артелей тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ ихъ не было, но постепенное развитіе уже существующихъ артелей и зачатковъ артельной организаціи [2]). Зачатки такой организаціи существуютъ, по мнѣнію г. Плотникова, въ смолокуренномъ, кузнечномъ и «другихъ» промыслахъ. Но онъ самъ замѣчаетъ, что во всѣхъ этихъ промыслахъ артельное начало имѣетъ лишь «*крайне неполное примѣненіе*» (курсивъ нашъ). Понятно, что на этихъ «*крайне неполныхъ*» зачаткахъ далеко не уѣдешь и что народники и сами не могли бы придавать значеніе своей «борьбѣ съ капитализмомъ», если бы она ограничивалась культивированіемъ подобныхъ зачатковъ. Поэтому г. Плотниковъ выдвигаетъ на первый планъ *дешевый кредитъ*, *упорядоченіе и расширеніе сбыта*, *устройство профессіональныхъ школъ и т. п.* Такъ же поступаетъ и г. Пругавинъ, какъ извѣстно, одинъ изъ «столповъ» народничества. Онъ рекомендуетъ «расширеніе площади земельнаго владѣнія» кустарей, а затѣмъ сводитъ «всѣ остальныя мѣры» помощи къ слѣдующимъ «категоріямъ»: 1) распространеніе среди кустарей общаго и техническаго образованія, 2) доставка имъ сырого матеріала и 3) облегченіе условій сбыта [1]). Правда, г. Пругавинъ совѣтуетъ также («*наконецъ*») помогать кустарямъ въ пріобрѣтеніи дорогихъ орудій на артельныхъ началахъ. Но г. Пругавинъ и самъ не вѣритъ въ возможность широкаго развитія у насъ *артельнаго* кустарнаго производства. Это видно изъ слѣдующаго его заявленія. «Безъ сомнѣнія, будущее принадлежитъ крупному производству. Задача промышленнаго прогресса должна состоять лишь въ томъ, чтобы овладѣть этой формой на началахъ коллективизма. Но это—лишь великая цѣль, къ которой мы стремимся и при осуществленіи которой приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ фактически создавшихся въ странѣ условій экономическаго и общественно-политическаго характера» [2]). Изъ этой оговорки слѣдуетъ, что «*пока*» народникамъ «*приходится*» поддерживать почти исключительно мелкое «самостоятельное» производство. Г. Воронцовъ въ сущности держится того же мнѣнія. «Извѣстны примѣры попытокъ... внести въ мелкое производство артельную организацію. Эти попытки въ большинствѣ случаевъ оказались безплодными, между прочимъ потому, что инціаторы задавались широкой цѣлью охватить артельной организаціей всю промышленную жизнь мастера, не обращая вниманія на то, что вѣка разрозненной дѣятельности кустарей не могли не отразиться на ихъ характерѣ, сдѣлавъ его малоспособнымъ къ широкому примѣненію принциповъ коопераціи и что нужно постепенное воспитаніе массы» и т. п. [1]).

---

[1]) Въ семидесятыхъ годахъ кто-то,— если не ошибаемся г. Златовратскій—сравнивалъ нашу общину съ рубахой, въ которую тяжелыя „внѣшнія условія» вгоняютъ нѣсколько человѣкъ сразу. Шадринскія артели—это даже не рубаха, а просто *рубище*, подъ которымъ ютится отъ непогоды нѣсколько голяковъ. Если только пройдетъ непогода, если голяки перестанутъ быть голяками, они немедленно распростятся съ рубищемъ, и тогда—прости, прощай «*артельный духъ*».

[2]) Кустарные промыслы Нижегородской губ., стр. 54 – 55.

---

[1]) Кустарь на выставкѣ 1882 года, стр. 54.

[2]) Тамъ же, стр. 50.

Если бы старанія народниковъ увѣнчались сколько нибудь значительнымъ успѣхомъ, то они несомнѣнно облегчили бы нѣкоторому слою кустарей борьбу съ крупными предпринимателями и ослабили бы его зависимость отъ скупщиковъ и вообще всякаго рода посредниковъ. Но какому именно слою? *Наиболѣе зажиточному*, *тому*, *который и теперь частью переходитъ*, *частью*, *какъ мы видѣли*, *уже перешелъ въ ряды покупщиковъ чужой рабочей силы*. «Хлопоты» народниковъ привели бы въ этомъ случаѣ къ тому же, къ чему приводитъ крестьянскій банкъ и распространеніе улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій между крестьянами: *и безъ того очень значительное слоеніе деревенскаго населенія приняло бы тогда еще большіе размѣры*; *богатые стали бы еще богаче*, *и уже по одному этому бѣдные стали бы*, *по крайней мѣрѣ относительно*, *еще бѣднѣе*. Въ послѣднемъ счетѣ восторжествовали бы тѣ самые «мастерки» и «хозяйчики», съ которыми собираются бороться гг. народники. Но это еще не все. Откуда взялись бы тѣ средства, которыя нужны для осуществленія народническихъ плановъ помощи кустарной промышленности? Ихъ пришлось бы искать въ *народномъ карманѣ*. На практикѣ здѣсь дѣло свелось бы къ тому, что деньги взяты были бы главнымъ образомъ съ самой бѣдной части крестьянскаго населенія, а воспользовалась бы ими только его наиболѣе зажиточная часть. Вотъ вамъ еще одно основаніе для того, чтобы богатые стали еще богаче, а бѣдные еще бѣднѣе. И вышло бы такъ, что народники помогли бы не трудящейся массѣ, во имя которой ведутся ихъ «хлопоты», а именно эксплуататорамъ этой массы.

---

[1]) Очерки кустарной промышленности, стр. 113. Знаменитый *артельный духъ оказывается*, какъ видите, *несостоятельнымъ*.

Вотъ яркій примѣръ для поясненія нашей мысли. Г. Плотниковъ горячо стоитъ за помощь кустарямъ, вообще, и за помощь нижегородскимъ кожевникамъ, въ частности. По его словамъ, кустарное, кожевенное производство терпитъ отъ конкуренціи петербургскихъ заводовъ, отъ недостатка свободныхъ капиталовъ, отъ невозможности дешевыхъ закупокъ, отъ недостатка казенныхъ заказовъ, и т. д. «Только обширный, по возможности, дешевый кредитъ—говоритъ онъ—могъ бы поднять и поставить... промыселъ на надлежащую высоту». Положимъ, что «хлопоты», г. Плотникова увѣнчались успѣхомъ; что у кустарей-кожевниковъ явились и казенные заказы, и дешевый кредитъ. Что вышло бы изъ этого? Самъ г. Плотниковъ говоритъ, что въ этой области кустарнаго дѣла *преобладаетъ наемный трудъ*; изъ его книги—да и не только изъ *его* книги—видно, что кустарное кожевенное производство есть въ сущности *мелкое заводское производство.* Ясно, стало быть, что «дешевый» и «обширный» кредитъ только облегчилъ бы *мелкимъ* капиталистамъ—заводчикамъ Нижегородской губ. борьбу съ *крупными* заводчиками—капиталистами Петербурга. А между тѣмъ, помощь этимъ «*кустарямъ*» взята была бы изъ народнаго кармана.

Въ № 139 «Русскихъ Вѣдомостей» 1895 года мы прочитали слѣдующее извѣстіе:

ПЕТЕРБУРГЪ. При кустарномъ комитетѣ министерства земледѣлія работала коммиссія по снабженію кустарей сырыми матеріалами. Коммиссія состояла изъ предсѣдателя проф. Исаева и членовъ: М. И. Аргамаковой, С. А. Давыдовой, гг. Арсеньева, Лоранскаго, Пономарева и Тихонова. Ближайшее участіе въ дѣлахъ коммиссіи принималъ Д. А. Тимирязевъ; окончивъ занятія, коммиссія внесла въ кустарный комитетъ слѣдующія предложенія: 1) снестись съ казенными и частными горными заводами относительно продажи кустарямъ на возможно льготныхъ условіяхъ желѣза, стали, мѣди; 2) ходатайствовать передъ министерствомъ путей сообщенія о продажѣ некрупнымъ скупщикамъ (sic), а преимущественно кустарямъ, тѣхъ остатковъ желѣза и стали, которые въ большомъ количествѣ накопляются въ распоряженіи желѣзныхъ дорогъ; 3) открыть въ Павловѣ Нижегородской губерніи складъ для облегченія кустарей въ пріобрѣтеніи сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для изготовленія кузнечно-слесарныхъ издѣлій; 4) ходатайствовать передъ лѣснымъ казеннымъ управленіемъ о продажѣ изъ казеннаго лѣса самыхъ мелкихъ участковъ на срубъ и объ устройствѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсосушилокъ для первоначальной обработки матеріала, необходимаго въ древодѣльныхъ промыслахъ; 5) ходатайствать объ открытіи кредита изъ Государственнаго банка для проведенія этихъ мѣръ. Кустарный комитетъ принялъ эти предложенія.

Кажется, не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что отъ осуществленія мѣръ, одобренныхъ названной коммиссіей, выиграютъ прежде и больше всего *«некрупные скупщики»*.

Правда, № 142 той же газеты принесъ намъ извѣстіе другого рода. Этотъ № сообщилъ, что министерство финансовъ разработало вопросъ объ устройствѣ мелкаго кредита, и что, согласно проекту министерства, ссуды будутъ выдаваться только тѣмъ кустарямъ, *которые не имѣютъ наемныхъ рабочихъ*. Это очень хорошо. Но, во первыхъ, осуществленіе этого проекта встрѣтитъ почти непреодолимыя трудности по той простой причинѣ, что наемный трудъ играетъ теперь уже очень большую роль въ кустарномъ производствѣ, и что на практикѣ по-неволѣ придется считаться съ этимъ явленіемъ, а во вторыхъ... во вторыхъ надо принять въ соображеніе слѣдующее:

«Переходъ отъ феодальнаго способа производства (къ капиталистическому) совершается двоякимъ образомъ. Производитель становится купцомъ и капиталистомъ, въ противоположность съ тѣмъ, что имѣетъ мѣсто въ земледѣльческомъ натуральномъ хозяйствѣ и въ средневѣковомъ городскомъ ремеслѣ, связанномъ цеховымъ строемъ. Это самый рѣшительный путь. Но иногда купецъ непосредственно овладѣваетъ производствомъ. Исторически и этотъ путь тоже является переходнымъ. Но самъ по себѣ онъ вовсе не ведетъ къ перевороту въ старомъ способѣ производства, который онъ скорѣе сохраняетъ и удерживаетъ, какъ свое необходимое предварительное условіе. Такъ, вплоть до половины текущаго столѣтія фабрикантъ во французской шелковой промышленности и въ англійскомъ вязальномъ и кружевномъ производствѣ былъ только по имени фабрикантомъ, а въ дѣйствительности простымъ купцомъ, оставлявшимъ ткачей работать при условіяхъ стараго разъединеннаго производства, и господствовавшимъ надъ ними только въ качествѣ купца, на котораго они и работали... Не измѣняя способовъ производства, эта система только ухудшаетъ положеніе непосредственныхъ производителей, превращаетъ ихъ въ простыхъ, наемныхъ рабочихъ и пролетаріевъ, положеніе которыхъ хуже, чѣмъ положеніе производителей, прямо подчиненныхъ капиталу, и присвоиваетъ себѣ ихъ прибавочный трудъ, опираясь на старый способъ производства». Эта система *еще не настоящій капитализмъ*. Она съ нимъ несовмѣстима, и потому, являясь препятствіемъ къ его развитію, она исчезаетъ, когда производство становится *капиталистическимъ въ истинномъ смыслѣ этого слова*.

Господство «купца», зависимость производителя отъ *скупщика*, доходитъ у насъ во многихъ отрасляхъ кустарнаго производства до послѣдней крайности. Именно это господство, съ одной стороны, сохраняетъ въ этихъ отрасляхъ старый, лучше сказать, совершенно допотопный способъ производства, а съ другой—наполняетъ надеждой сердца г. Воронцова и ему подобныхъ.

— Пока еще сохранились старые способы производства, разсуждаютъ эти господа, ничто еще не потеряно: хорошая организація кредита и продажи издѣлій уничтожитъ власть скупщиковъ, и тогда народное производство вновь пріобрѣтетъ свою первобытную чистоту, тогда у насъ опять будутъ самостоятельные производители, которые и пойдутъ прямымъ путемъ къ артельному способу производства.—Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, и притомъ чаще всего дѣло дѣлается совсѣмъ не такъ, какъ сказывается сказка. Уничтоженіе власти скупщиковъ, улучшивъ матеріальное положеніе кустарей, дало бы огромный толчекъ усовершенствованію *техники* кустарнаго производства, успѣхи которой задерживаются теперь крайней бѣдностью производителей. А усовершенствованіе техники и было бы огромнымъ шагомъ въ направленіи къ *настоящему капитализму*. Въ производительныя артели вошла бы въ самомъ лучшемъ случаѣ только небольшая часть кустарей, да и та, прочно ставши на ноги, превратилась бы, какъ это мы не разъ видѣли на Западѣ и даже въ Россіи, въ особую разновидность предпринимателей [1]). Остальная же часть прямо пошла бы къ *«сотрудничеству» путемъ наемнаго труда.* Иначе сказать, въ этой остальной части господство *купца* смѣнилось бы господствомъ *капиталистовъ-предпринимателей*, вышедшихъ изъ среды самихъ кустарей. Товарное производство, съ его зависимостью производителя отъ отдаленнаго обширнаго рынка, необходимо несетъ съ собою такіе большіе шансы неравенства, которыхъ не устранить никакимъ кредитомъ. Это обстоятельство, вѣроятно, и имѣлъ въ виду нынѣшній союзникъ народниковъ, г. Н.—онъ, когда онъ разрушалъ народническія иллюзія на счетъ чудеснаго дѣйствія кредита. Вотъ что писалъ г. Н.—онъ.

«Кредитъ, будучи основанъ на товарномъ производствѣ, не для собственнаго потребленія, капиталистическомъ, и будучи вмѣстѣ съ тѣмъ «механизмомъ спеціально предназначеннымъ для сосредоточенія капитала», находясь, слѣдовательно, въ прямомъ противорѣчіи съ производствомъ некапиталистическимъ, не можетъ, конечно, служить ему *основой развитія.* Если чему онъ служитъ, такъ это развитію кулаковъ во всѣхъ видахъ, но никакъ не можетъ служить производителю, будь этотъ производитель единичнымъ лицомъ или общиной, все равно. Поэтому всѣ проэкты, стремящіеся улучшить матеріальное положеніе производителя, основанные на кредитѣ, не только не могутъ улучшить этого положенія, но совсѣмъ напротивъ, улучшая положеніе немногихъ, ухудшаютъ — большинства. Борьба двухъ способовъ производства на поприщѣ кредита представляется, поэтому, борьбой крайне желательной для капитализма, такъ какъ именно на этомъ поприщѣ онъ вооруженъ jusqu'aux dents; такая борьба только увеличиваетъ и безъ того широкую арену капитализма, убивая вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдніе остатки противоположнаго ему способа производства»[1]).

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, мало-ли носились наши народники съ знаменитой Воткинской артелью кузнецовъ. Сарапульское земство не скупилось на ссуды этой артели. И что же? «Въ послѣднее время въ печать проникаютъ извѣстія о нѣкоторыхъ признакахъ, знаменующихъ собою упадокъ артели и *возрастающее неполноправіе ея членовъ»* (курсивъ нашъ). Волжскій Вѣстникъ. 1889 г., №№ 251 и 252, цитир. у г. Плотникова, Промыслы Нижегородской губ., стр. 78. А извѣстно ли гг. народникамъ, какъ шли дѣла въ тульской артели?

Изъ всего этого ни мало не слѣдуетъ, конечно, что *не нужно* помогать кустарямъ, не нужно бороться противъ власти скупщиковъ. Наоборотъ, *очень нужно*. Ослабленіе—не говоримъ полное уничтоженіе, потому что это, къ сожалѣнію, дѣло несбыточное — ихъ власти будетъ очень полезно трудящейся массѣ. Но полезно именно тѣмъ, что оно *приведетъ наконецъ къ господству настоящаго капитализма съ его не только дурными, но и хорошими послѣдствіями, а не тѣмъ, что оно устранитъ будто бы капитализмъ, какъ этого ожидаютъ народники.*

Наши народники во многомъ напоминаютъ славянофиловъ. Интересно, поэтому, сравнить народническую идеализацію «*народнаго производства*» съ той идеализаціей нашей «*народной бытовой силы*», которая отличала славянофильскія воззрѣнія.

«*Село*—вотъ, скажемъ кстати, заглавіе того ученаго труда, къ которому мы призываемъ нашихъ статистиковъ, экономистовъ, политиковъ, юристовъ и пр. и пр.,—писалъ И. С. Аксаковъ—село съ его сельскою промышленностью, торговлею, ремесленнымъ, фабричнымъ и заводскимъ производствомъ, село пашенное, село торговое, село съ неотъемлемымъ отъ него общиннымъ обычаемъ, общиннымъ самоуправленіемъ. Разрушимъ ли мы эти вмѣстилища, эти резервуары народной бытовой силы? эти центры народной жизни, которые способны и къ развитію и къ просвѣщенію—для того, чтобы съ одной стороны создать крупную личную собственность для нѣсколькихъ единицъ, а съ другой, чтобы скопить въ городахъ бездомное, безсильное населеніе?»[2])

И. С. Аксаковъ не хотѣлъ *крупной личной собственности* и скопленія въ *городахъ* бездомнаго населенія. Поэтому онъ идеализировалъ *село*, не подозрѣвая, что сельская торговля и *сельская фабричная промышленность* неизбѣжно ведутъ къ развитію той крупной личной собственности и того бездомнаго населенія, появленіе которыхъ ему хотѣлось бы предупредить.

---

[1]) «Очерки нашего порефор. общ. хозяйства», стр. 76.

[2]) «День», 1865 г., ст. отъ 6 и 13 марта, перепеч. въ «Полномъ собраніи сочиненій И. С. Аксакова».

Наши народники тоже хотѣли бы предупредить развитіе у насъ крупной личной собственности со всѣми ея послѣдствіями. Поэтому они тоже идеализируютъ *«село»*. Но они уже поняли значеніе фабричной промышленности. Поэтому они хотятъ *«села» безъ фабрики*. Они не подозрѣваютъ, что «село» заключаетъ въ себѣ—и *помимо фабрики* — множество противоположныхъ интересовъ, движеніе которыхъ необходимо должно привести, въ послѣднемъ счетѣ, къ полному торжеству «личной крупной собственности».

Идеализируя «село» съ фабрикой и пр., И. С. Аксаковъ фактически становится выразителемъ интересовъ *нашей крупной буржуазіи*.

Идеализируя «село» безъ фабрики, но съ мелкой кустарной промышленностью, наши народники фактически стали выразителями интересовъ *нашей мелкой буржуазіи*.

Въ качествѣ выразителя интересовъ крупной буржуазіи, И. С. Аксаковъ хотѣлъ, чтобы «все, непосредственно содѣйствующее нашему матеріальному благосостоянію, было главнымъ, если не исключительнымъ предметомъ законодательныхъ заботъ и стремленій».

Подъ матеріальными заботами онъ понималъ главнымъ образомъ *развитіе желѣзныхъ дорогъ*, *покровительственный тарифъ и т. п.*

Современный нашъ покровительственный тарифъ является въ глазахъ народниковъ одною изъ главныхъ причинъ народнаго обѣднѣнія. Они ненавидятъ его отъ всей души. Но не надо думать, что они *по принципу* воюютъ съ покровительственнымъ тарифомъ. Нѣтъ, въ качествѣ выразителей интересовъ мелкой буржуазіи, они осуждаютъ его лишь по стольку, по скольку онъ обогащаетъ *крупныхъ капиталистовъ*. А самъ по себѣ онъ кажется имъ не только не вреднымъ, но даже необходимымъ для поддержанія и развитія «народной промышленности». Вотъ, напримѣръ, посмотрите, какъ относятся къ нему нижегородскіе защитники кустарей.

«Что касается ходатайствъ объ измѣненія тарифа въ пользу

Нижегородской кустарной промышленности, то земство прибѣгало къ нимъ неоднократно... Горбатовское земство, считая одной изъ главныхъ причинъ плохого сбыта кустарныхъ павловскихъ издѣлій пониженіе тарифа на ввозныя стальныя издѣлія и повышеніе его на сталь, въ 1884 году постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о возвышеніи тарифа на ввозимыя изъ за границы стале-слесарныя и замочныя издѣлія и пониженіи тарифа на заграничную сталь. Ходатайство Горбатовскаго уѣзднаго земства увѣнчалось успѣхомъ... Подобное ходатайство было отправлено въ 1888 году Нижегородскимъ уѣзднымъ земствомъ; желая придти на помощь Безводинскимъ кустарямъ, выдѣлывающимъ удочку, оно просило правительство возвысить пошлины на привозныя удочки» [1]).

Какъ это понятно само собою, у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній ожидать, что подобнаго рода ходатайства не станутъ повторяться въ будущемъ, въ виду «нуждъ» какихъ нибудь отраслей кустарнаго производства. Совершенно наоборотъ. Съ иностранной конкуренціей невозможно было бы бороться нашей кустарной мелкой буржуазіи. Поэтому защитники «народнаго производства» вынуждены будутъ держаться за то самое «покровительство отечественной промышленности», которое они такъ часто и такъ неосторожно проклинаютъ. Они называютъ покровительственный тарифъ тяжелымъ налогомъ на потребителя. Мы видимъ теперь, что ихъ раздражаетъ въ сущности не налогъ, а то обстоятельство, что этотъ налогъ обогащаетъ *крупныхъ капиталистовъ*, а *не мелкую буржуазію.*

Та же исторія повторяется и съ *желѣзными дорогами.* Желѣзныя дороги, чрезвычайно сильно содѣйствуя развитію товарнаго производства, столь же сильно резрушаютъ, старые «устои». Поэтому народники нерѣдко оплакиваютъ ихъ разрушительное дѣйствіе. Но въ своихъ заботахъ о «народномъ производствѣ» народники наталкиваются на необходимость расширенія сбыта кустарныхъ издѣлій. Желѣзныя дороги облегчаютъ сбытъ. Поэтому тѣ же народники должны высказываться за желѣзныя дороги. Это мы и видимъ напр. въ уже цитированномъ нами сочиненіи г. Пругавина «Кустарь на выставкѣ». «Сюда (т. е. въ число мѣръ помощи кустарямъ) войдутъ всѣ мѣры, имѣющія цѣлью сблизить кустаря съ мѣстами закупки сыраго матеріала и рынками сбыта товаровъ (кредитъ, пути сообщенія...)» говоритъ г. Пругавинъ (стр. 14).

---

[1]) Плотниковъ, цит. соч. стр. 97.

Наконецъ, совершенно тоже видимъ—а еще болѣе увидимъ—мы и въ вопросѣ о *рынкахъ*. Погоня крупныхъ предпринимателей за рынками вызываетъ въ идеологѣ мелкой буржуазіи чувство близкое къ омерзѣнію. Поучительные примѣры риторическаго выраженія такого чувства можно было бъ привести изъ исторіи просвѣтительной французской литературы 18-го столѣтія. Но если мелкій производитель не ремесленникъ, если онъ самъ работаетъ на обширный и болѣе или менѣе отдаленный рынокъ, то и для него какъ нельзя болѣе выгодно увеличеніе этого рынка. Поэтому его идеологъ, защитникъ «народной промышленности», начинаетъ «хлопотать» и о рынкѣ. Такъ, наши народники подумываютъ уже о сбытѣ кустарныхъ издѣлій заграницу и—замѣчательное дѣло! — вопросъ о заграничныхъ рынкахъ въ этомъ случаѣ сразу принимаетъ въ ихъ разсужденіяхъ совершенно новый видъ. Когда рѣчь идетъ о завоеваніи заграничныхъ рынковъ для произведеній нашей *крупной* промышленности, народники твердятъ, что это дѣло совсѣмъ безнадежное, что «куда ужъ намъ» и т. п. Но тѣ же самые народники твердо увѣрены, что *кустарной* (т. е. *мелкой* капиталистической) промышленности очень легко найти сбытъ для своихъ издѣлій заграницей.

«Высшимъ выраженіемъ товарнаго производства служитъ заграничный сбытъ кустарныхъ издѣлій—говоритъ г. Воронцовъ. Его имѣютъ по преимуществу продукты только что описанной области (т. е. центральной промышленной области), хотя иногда туда посылаютъ свои издѣлія кустарные округа, лежащіе въ сторонѣ отъ развитыхъ въ промышленномъ отношеніи областей. Намъ извѣстенъ сбытъ заграницу слѣдующихъ продуктовъ кустарнаго производства: мѣховъ арзамасскаго скорняжнаго района (увозятся въ Грецію, Турцію и др.), сапогъ, шитыхъ въ Выѣздной слободѣ того же уѣзда и кимрскомъ округѣ. Кожи Богородскаго района

(Нижегородской губ.) идутъ заграницу, а послѣ нѣкоторой переработки возвращаются назадъ подъ именемъ Гамбургскаго товара. Нижегородская деревянная посуда доходитъ до Англіи и Франціи на западѣ, Сибири и Индіи на востокѣ. Ювелирныя издѣлія Костромской губ. встрѣчаются въ Средней Азіи и Индіи; тульскіе самовары въ Персіи; мелкія издѣлія изъ стекла московскихъ камушниковъ—въ Бухарѣ. Въ Среднюю Азію сбываются гончарныя гжельскія издѣлія, ножи и замки павловскаго слесарнаго округа, льняныя и бумажныя ткани владимірскихъ кустарей, кружева московскихъ плетей и т. д.» [1]).

Г. В. Пругавинъ соблазняетъ насъ перспективой широкаго развитія въ Сибири столь любезнаго Воронцову товарнаго производства. «Сибирь, по отношенію къ сосѣднимъ дикарямъ и рынкамъ Азіи, должна когда нибудь играть роль мануфактурнаго рынка—говоритъ онъ [2]).

Покровительственный тарифъ, кредитъ, желѣзныя дороги, расширеніе внутренняго рынка и завоеваніе заграничныхъ — такова серьезная, дѣловая, нефантастическая часть программы нашихъ защитниковъ «*народной* промышленности». Она почти совершенно тождественна съ программой сторонниковъ крупнаго капиталистическаго производства. Народническая «формула»: *село минусъ фабрика* приводитъ насъ на практикѣ къ тому же, къ чему привела насъ формула Аксакова: *село съ его фабричнымъ и заводскимъ производствомъ*.

Мы сказали, что въ каждомъ изъ нашихъ народническихъ «противниковъ капитализма» сидятъ два человѣка: Донъ-Кихотъ и Санчо-Панса. Донъ-Кихотъ говоритъ: я ниспровергну капитализмъ. Санчо-Панса прибавляетъ: а пока что, поддержу мелкихъ капиталистовъ и надѣлаю какъ можно больше непріятностей крупнымъ. Этотъ діалогъ вообще довольно комиченъ. Но иногда онъ доходитъ до степени высокаго, истинно художественнаго комизма. Образчиковъ *такого* комизма надо искать, разумѣется, прежде всего у «авторитетнаго» г. Воронцова. Въ своихъ

---

[1]) «Очерки кустарной промышленности», стр. 78. Плетеями называются работницы, занимающіяся плетеніемъ.

[2]) Кустарь на выставкѣ, стр. 44.

«судьбахъ капитализма» г. Воронцовъ высказалъ ту мысль, что «раньше, чѣмъ артельная организація охватитъ механическую отрасль промышленности, послѣдняя, вѣроятно, перейдетъ въ казенное завѣдываніе» (стр. 66). Онъ довольно яркими красками расписалъ послѣдствія такого перехода. Къ сожалѣнію, имъ тотчасъ же овладѣли тяжелыя сомнѣнія.

«Но не утопія ли все это, скажетъ читатель? Исправится ли дѣло съ переходомъ въ руки казны; сдѣлаются ли его руководителями люди талантливые, способные организовать производство по всѣмъ правиламъ техники; будетъ ли администрація заводовъ заботиться о благосостояніи рабочаго и не станетъ ли она напротивъ того урѣзывать всякій его кусокъ съ цѣлью наполненія собственнаго кармана; такимъ образомъ, процессъ накопленія капитала не перемѣнитъ-ли только внѣшнюю оболочку, и капиталистъ—казнокрадъ не займетъ ли мѣсто современнаго дѣльца»?

Г. Воронцовъ—Донъ-Кихотъ хлопочетъ о переходѣ механической промышленности въ казенное завѣдываніе. Г. Воронцовъ—Санчо-Панса, принимая на себя видъ «читателя», замѣчаетъ: это было бы хорошо, но вѣдь, пожалуй, заведется казнокрадство. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе г. Воронцовъ—Донъ-Кихотъ разражается слѣдующей тирадой: «Да, читатель! Если бы завтра исполнилось то, что мы проэктируемъ, то именно по твоему бы и вышло. Хищные инстинкты такъ сильны въ современномъ обществѣ, что въ той или иной формѣ—а ближайшее будущее принадлежитъ имъ. Но это-то хищническое направленіе общества и послужитъ препятствіемъ скорому выполненію нашего проэкта; ибо указанная переорганизація промышленности поведетъ къ уничтоженію обычныхъ пріемовъ, которыми до сихъ поръ хищничество питалось, а тамъ еще жди, когда и какъ выработаются новыя орудія хищенія и попадутъ ли онѣ въ твои руки! Современные руководители хищниковъ, повторяемъ, воспрепятствуютъ перемѣнѣ, ближайшимъ результатомъ которой было бы измѣненіе формы хищенія.

«Указанное преобразованіе промышленности тогда проявитъ свои благодѣтельныя послѣдствія, когда измѣнится все направленіе нашей общественной жизни, когда сдѣлается общепризнаннымъ, что руководство капитала и связанныя съ нимъ привилегіи составляютъ зло русской жизни и что прогрессивное развитіе страны возможно лишь при отсутствіи всякихъ стѣсненій для проявленія народной дѣятельности и при строгомъ преслѣдованіи общественными учрежденіями принципа пользъ рабочаго населенія, принципа, незатемняемаго никакими другими болѣе или менѣе почтенными формулами. Тогда отыщутся и нынѣ отсутствующіе честные и талантливые дѣятели, которымъ можетъ быть поручено преобразованіе нашего капиталистическаго производства въ государственное и артельное» [1]).

Хорошо говоритъ Донъ-Кихотъ! Но—сказать ли?—вѣдь онъ въ сущности уступаетъ, онъ соглашается съ Санчо. Онъ утѣшаетъ его тѣмъ, что его «программа», программа «рыцаря Печальнаго Образа», осуществится еще очень не скоро. Санчо торжествуетъ.

Донъ-Кихотъ говоритъ: я поборю капитализмъ. Санчо прибавляетъ: а пока что, я и капиталъ пріобрѣту и невинность соблюду. Какъ осуществляется на практикѣ программа почтеннаго Санчо, показываетъ примѣръ г-жи Костинской, на который указалъ когда-то г. Каблуковъ въ одномъ изъ своихъ статистическихъ изслѣдованій Московской губерніи. Г-жа Костинская, купивъ себѣ имѣніе, вмѣсто того, чтобы притѣснять сосѣднихъ крестьянъ, связала себя съ ними узами самой нѣжной дружбы. Она не эксплуатировала ихъ, а, напротивъ, всегда старалась помочь имъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Крестьяне много выиграли отъ этого, да и г-жа Костинская оказалась не въ убыткѣ. Хозяйничая на 130 десятинахъ, она не только содержитъ себя и семью, но и имѣетъ возможность «давать прекрасное воспитаніе своимъ дѣтямъ». По поводу этого примѣра, описаннаго покойнымъ В. И. Орловымъ, г. Каблуковъ—тоже одинъ изъ «враговъ капитализма»—указавъ (въ первомъ выпускѣ пятаго тома Сборника ст. св. Московской губ.) на противорѣчіе интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ съ одной стороны и крестьянства съ другой, замѣчаетъ: «Что же касается иной постановки дѣла, исключающей такую противоположность и содѣйствующей цвѣтущему положенію какъ крестьянскаго, такъ и частнаго хозяйства, то на возможность ея указываютъ не только различныя общія положенія и мнѣнія нѣкоторыхъ хозяевъ практиковъ, но даже и живой примѣръ хозяйства В. В. Костинской въ Подольскомъ уѣздѣ». (Стр. 175—176).

---

[1]) Судьбы капитализма, стр. 68.

Г. Воронцовъ думаетъ, что «случай» (указываемый г. Каблуковымъ) вовсе не можетъ служить примѣромъ для всѣхъ хозяевъ, такъ какъ онъ гораздо болѣе, чѣмъ на эгоистическомъ расчетѣ, основанъ на такихъ личныхъ свойствахъ человѣка, какія встрѣчаются крайне рѣдко. Кромѣ умственныхъ качествъ, необходимыхъ для организатора новой системы земледѣлія (!), г-жа Костинская обладаетъ очевидно рѣдкими нравственными достоинствами, она одна изъ тѣхъ личностей, внѣ народа стоящихъ, о которыхъ мы говорили выше, какъ о способныхъ (при извѣстныхъ условіяхъ) сдѣлаться иниціаторами, пойти по новому пути, рука объ руку съ народомъ»[1]).

Мы охотно соглашаемся съ тѣмъ, что г-жа Костинская—дама почтенная во всѣхъ отношеніяхъ. Но мы спрашиваемъ себя и другихъ: да развѣ же ея «примѣръ» есть примѣръ «борьбы съ капитализмомъ»?

Въ мартовской книжкѣ крайне враждебнаго «капитализму» «Русскаго Богатства» за 1895 г. нѣкто г. Н. Соколовскій, въ статьѣ озаглавленной: «Въ одномъ изъ захолустьевъ» пропѣлъ цѣлую хвалебную пѣснь нашей «городской интеллигенціи», мѣстами начинающей выступать теперь на поприщѣ сельскаго хозяйства. Все хорошо у этихъ сельскихъ хозяевъ новаго типа: и орудія труда, и скотъ, преимущественно коричневый, «ангельмской породы», и даже «не лишенный щегольства видъ мызъ... съ окружающими ихъ молодыми садами и цвѣтниками». Рабочій день на такихъ *интеллигентныхъ* мызахъ короче, а заработная плата значительно выше, чѣмъ въ хозяйствахъ старомодныхъ эксплуататоровъ. Словомъ, отъ выступленія «городскихъ интеллигентовъ» въ качествѣ сельскихъ хозяевъ рабочій «остался въ выигрышѣ» во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ говоритъ г. Соколовскій. Намъ хочется думать, что онъ ничего не преувеличиваетъ, и мы сами готовы пѣть хвалу новоявленнымъ культуртрегерамъ, но... развѣ эти мызы «борьба съ капитализмомъ»?

---

[1]) Судьбы капитализма, стр. 171.

Г. Н.—онъ, въ душѣ котораго поселился, какъ извѣстно, паническій страхъ передъ «капитализмомъ», мечтаетъ объ организаціи русскаго земледѣлія и русской обрабатывающей промышленности на основѣ общиннаго землевладѣнія. Можно очень многое возразить противъ тѣхъ соображеній г. Н.—она, которымъ онъ обязанъ своимъ паническимъ страхомъ передъ Западомъ... то бишь,—передъ капитализмомъ. Но нельзя не признать, что г. Н.—онъ, по своему, послѣдовательный человѣкъ: разъ объявивъ войну капитализму, онъ помирится не на интеллигентныхъ мызахъ со скотомъ ангельмской породы, а развѣ что на фурьеровскихъ фаланстерахъ. Пока наша сельская община не превратится, по щучьему велѣнію, въ фаланстеръ, г. Н.—онъ останется Кассандрой, сотканной изъ недоразумѣній. А вотъ г. Соколовскій тяготѣетъ къ интеллигентнымъ мызамъ и къ ангельмскому скоту. Г. Н.-онъ воюетъ (не пугайтесь, однако, читатель: воюетъ лишь на словахъ) съ капитализмомъ вообще. А г. Н. Соколовскій воюетъ съ тѣми «чуйками», съ тѣми представителями торговаго капитала, которые слишкомъ дешево платятъ за ангельмскій скотъ, взрощенный на «интеллигентныхъ» мызахъ. Г. Н.—онъ стоитъ за соединеніе земли съ земледѣльцемъ. А г. Соколовскій стоитъ за водруженіе двуглавыхъ орловъ на границахъ крестьянскихъ надѣловъ, такъ какъ «въ отсутствіи двуглавыхъ орловъ по границамъ крестьянскаго землевладѣнія кроется между прочимъ одна изъ причинъ—возникновенія на деревенской почвѣ, въ той или другой формѣ, слуховъ «на счетъ земельки» и «новыхъ правовъ». Безъ двуглаваго орла крестьянской общинѣ пока не вѣрится, чтобы ея вотчина была отмежевана окончательно. «Быть еще нарѣзкѣ по новымъ душамъ», утѣшаетъ себя мужикъ въ наступившемъ малоземельи» (стр. 100). Въ лагерѣ нашихъ противниковъ капитализма» г. Н.—онъ прекрасно играетъ роль Донъ-Кихота. А. г. Н. Соколовскій не менѣе блистательно изображаетъ Санчо. Это различіе ролей не мѣшаетъ, разумѣется, имъ обоимъ мирно уживаться на страницахъ одного и того же «передового» журнала.

Замѣтимъ, однако, что экономическіе Донъ-Кихоты столь чистой воды какъ г. Н.—онъ составляютъ между русскими «противниками капитализма» величайшую рѣдкость. Притомъ же г. Н.—онъ и не совсѣмъ народникъ. Нѣкоторые говорятъ даже, что онъ «марксистъ».

Гг. народники «борются» не съ капитализмомъ вообще, а только съ крупнымъ капитализмомъ, да еще съ нѣкоторыми грубыми, хищническими разновидностями капиталистическаго накопленія. Съ каждымъ изъ народниковъ дѣлаются судороги, когда онъ слышитъ слова: прибавочная стоимость. Но въ дѣйствительности народники возстаютъ только противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ способовъ присвоенія прибавочной стоимости. Mutatis mutandis, наши народники въ экономической области хотятъ какъ разъ того же самаго, чего хотѣли очень многіе изъ тѣхъ французскихъ просвѣтителей, которыхъ г. Воронцовъ, вслѣдъ за г. Карѣевымъ, презрительно называетъ служителями буржуазіи [1], Говоря это, мы вовсе не думаемъ упрекать гг. народниковъ. выставляя ихъ литературными «молодцами» мелкой буржуазіи. Совсѣмъ напротивъ. «*Идеалы*» нашихъ народниковъ очень дики. Но ихъ практическія стремленія очень полезны. Если бы осуществились эти ихъ стремленія, то отъ этого очень много выиграла бы наша культура, потому что нашъ капитализмъ сдѣлалъ бы огромный шагъ впередъ. Единственное въ чемъ мы упрекаемъ гг. народниковъ, это несоотвѣтствіе ихъ «идеаловъ» съ ихъ практическими стремленіями. Пора нашимъ народникамъ вспомнить завѣтъ древней греческой религіи и философіи: пора имъ *познать самихъ себя*. Разъ придутъ они къ такому самопознанію, они бросятъ, какъ никуда негодную ветошь, свои допотопные «идеалы» и станутъ весьма полезными культурными дѣятелями. И тогда русскій капитализмъ скажетъ имъ сердечное «русское спасибо» даже за ихъ, вообще говоря, очень неудачныя «артельныя начинанія».

Когда будетъ все это? Мы не знаемъ. А пока нельзя не замѣтить, что печальна та литературная эпоха, когда гг. Воронцовы считаются *авторитетными* изслѣдователями.

---

[1] Пусть почитаетъ г. Воронцовъ книгу Гельвеція «De l'Homme»: онъ найдетъ въ ней много неожиданнаго.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
8	6 сверху	нибудъ	нибудь
18	10 »	«невѣжественные»	«Невѣжественные»
29	3 снизу	нѣмѣцкій	нѣмецкій
33	16 »	неудовлетворенность	неудовлетворительность
56	2 »	удивительна	удивительная
59	11 сверху	Если	Если бы
81	7 »	disederia	desideria
89	14 »	Это	«Это
99	2 »	первый	первый разъ
111	7 снизу	дворяннамъ	дворянамъ
—	2 »	Депертамента	Департамента
112	5 »	Несмотря	«Не смотря
113	14 сверху	при	по
—	5 снизу	передѣла».	передѣла» (см. Сборн. стат. свѣд по Обоянскому у. Курской губ., ч. II, стр. 1—2).
121	7 сверху	назнать	назвать
—	17 »	неводвижностью	неподвижностью
122	14 снизу	ряспашки	распашки
124	16 »	Матвѣвеку	Матвѣевку
125	6 сверху	неревизіоная	неревизіонная
128	15 »	губернін	губерніи
130	14 »	разумѣетоя	разумѣется
135	11 сверху	больше	больше и больше
—	16 снизу	земледѣлія	землевладѣнія
—	13 »	30	40
—	— »	всей земли	всей надѣльной земли
—	9 »	въ селахъ	въ селѣ
—	4 »	сходъ	сходы
—	2 «	большинство теперь	большинство
—	1 »	«жить на хлѣбахъ».	жить на хлѣбахъ» («Русская Мысль», Январь 1884 г.,«Очерки народнаго настроенія», стр. 102).

146	3 сверху	великъ : $70^0/_0$.	великъ: $70^0/_0$» («Русск. Мысль», Апрѣль 1884 г., «Земско-статистическія изслѣдованія по Саратовской губ.», стр. 44).
148	3 снизу	чтоб	чтобы
150	8 »	неиспраныхъ	неисправныхъ
152	2 »	находнтся	находится
168	13 сверху	сооточественниковъ	соотечественниковъ
171	1 снизу	орма	форма
175	4 сверху	настоящеее	настоящее
183	6 снизу	канъ	какъ
216	3 »	очемъ	очень
—	1 »	совѣмъ	совсѣмъ
247	13 »	очеиь	очень
255	7 сверху	артельныхь	артельныхъ
270	9 »	высоту».	высоту» (стр. 227).